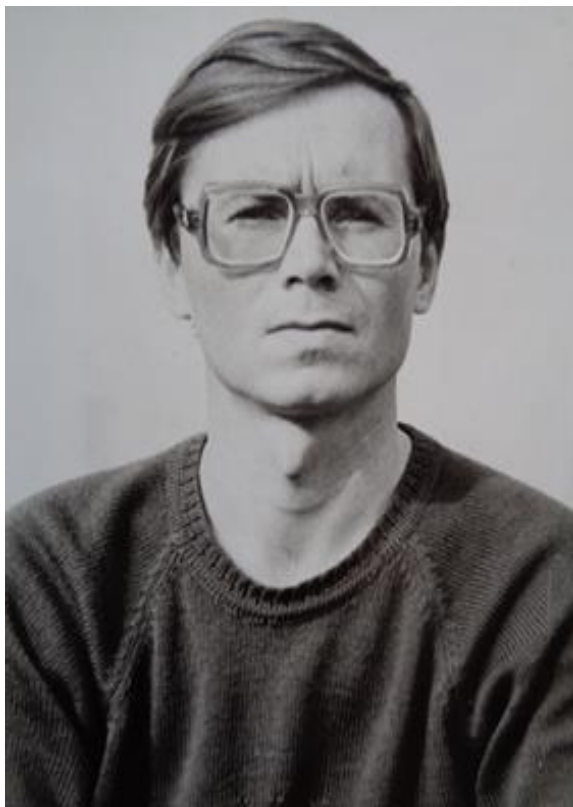

Ю Р И Й М А Р И Н

**А Л Т А Й С К И Е
И С Т О Р И И**

Я й л ю

1970-1981

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
НАЧАЛО ИСТОРИИ (как мы приехали на Алтай)	4
ПРИРОДА	5
КАК МЫ ЖИЛИ	6
КАК МЫ РАБОТАЛИ	21
КОМАНДИРОВКИ	28
КАК МЫ ОТДЫХАЛИ	36
ЛОДКИ	44
ВЕРТОЛЕТЫ	52
САДЫ И САДОВОДЫ	61
РАБОТНИКИ ОХРАНЫ	63
ПРО СПИРТНОЕ НА АЛТАЕ	79
ДИРЕКТОРА И ИХ ЗАМЕСТИТЕЛИ	83
УНИКАЛЬНЫЕ ЛЮДИ	87
АКАДЕМИЯ И ВУЗЫ	97
СОТРУДНИКИ «ВТОРОГО» ЗАПОВЕДНИКА	108
ЖУРНАЛИСТЫ, ПИСАТЕЛИ, СЦЕНАРИСТЫ, ФОТОГРАФЫ	113
ХУДОЖНИКИ	119
ГРАЖДАНИН КОПЕЙКО	127
ГОСТИ ЗАПОВЕДНИКА	129
ЛОШАДИ	133
МЕДВЕДИ	142
ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ И КОСМИЧЕСКИЙ МУСОР	152
ГАСТРОНОМИЧЕСКОЕ	160
ОБЩЕСТВЕННОЕ	169
ИСТОРИИ С КГБ	172
ЛЕГЕНДЫ, И НЕ ТОЛЬКО ПРО МАРИНА	176
АЛТАЙЦЫ	180
СТУДЕНТЫ	182
НАУЧНЫЕ СОТРУДНИКИ ТРЕТЬЕГО ЗАПОВЕДНИКА	185
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	187

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Истории эти происходили в основном со мной или с моей супругой - Лидией Викторовной Мариной, либо с людьми, работавшими рядом с нами на Алтае в 1970-1981 гг. Я также пытался зафиксировать отдельные интересные алтайские истории, рассказанные другими людьми, которые жили и работали здесь ранее. Пока мы с Лидой там жили, то вообще не считали, что являемся свидетелями и участниками уникальных и заслуживающих описания событий. Однако со временем мы все же осознали, что первые одиннадцать лет после окончания университета, проведенные нами на Алтае, были самым счастливым и интереснейшим периодом нашей жизни.

Ведь недаром спустя много-много лет нам все еще снится «Золотое озеро» в обрамлении горной тайги, снится ставший родным поселок Яйлю, снятся жившие там с нами люди. Только теперь после выхода на пенсию стало ясно, что пока мы там жили, следовало бы вести записи о людях и их жизни на Телецком озере. Всех своих коллег и знакомых я здесь при первом упоминании называю по имени и отчеству. Теперь они далеко не молодые и очень уважаемые люди. Хотя, конечно, в те годы мы называли наших ровесников только по имени.

Так или иначе, но что уж сохранила моя несовершенная память, только то я и смогу передать своим внукам и своим друзьям. Истории эти будут в основном короткие. Они нестрого группируются в тематические разделы, которые формировались сами собой по нехитрым принципам: «а вот еще история на эту же тему», или «упомянул вскользь - рассказывай подробнее». Как-то получилось, что в эти записки попали также некоторые саратовские, уральские и петербургские истории. Эти периоды нашей жизни тоже заслуживают того, чтобы о них были написаны отдельные книги.

Я вовсе не претендую на лавры летописца и историографа. В этих записках не будет точной хронологии, не будет, разумеется, каких-то (возможно важных, но неизвестных мне) деталей в историях, случившихся с упомянутыми там людьми. Всем им, а также тем, о ком я вообще ничего не написал, я искренне благодарен за совместно прожитые на Алтае годы. Пусть не обижаются на меня мои друзья и коллеги, если в их памяти эти же истории выглядят иначе. За любые дополнения и замечания, а также за любую критику в мой адрес я буду искренне благодарен.

Моя электронная почта - 002marin@gmail.com

НАЧАЛО ИСТОРИИ (КАК МЫ ПРИЕХАЛИ НА АЛТАЙ)

Оканчивая Саратовский госуниверситет (СГУ) в 1970 году, я уже имел приглашение работать в Центре профпатологии, создаваемом профессором Вячеславом Яковлевичем Шустовым (зав. кафедрой гематологии мединститута). Этому предшествовала достаточно успешная студенческая научная работа в лаборатории биофизики и биохимии при кафедре зоологии позвоночных животных (зав. кафедрой профессор Нина Ивановна Ларина). Но специфика работы в лечебном учреждении меня не вдохновляла. На предмет трудоустройства приглядывался я и к Институту биологии моря ДВНЦ и к организовывавшемуся тогда Дальневосточному морскому заповеднику во Владивостоке. Эти организации обсуждались как перспективные с учетом моего крохотного опыта специализации в области гидробиологии летом 1966 года на острове Шумейка - Волжском стационаре кафедры зоологии беспозвоночных животных СГУ (зав. кафедрой проф. Александр Степанович Константинов). Безусловным плюсом при этом могли бы стать и мои прежние занятия подводным плаванием. С разведкой я ездил в Москву в отдел кадров АН СССР. Заходил также и в Главохоту РСФСР, чтобы узнать о вакансиях сотрудников в заповедниках. Можно было продолжать работу в НИИ сельской гигиены, где к моменту получения диплома я уже полтора года как работал. Лида иных вариантов, кроме работы в заповедниках, вообще не рассматривала. В ряд заповедников мы написали письма с предложением своих услуг. Положительные ответы получили из Кроноцкого, где нам предложили две ставки лаборантов, и из Алтайского, предложившего две ставки сотрудников – ботаника для Лиды и гидробиолога для меня. Впоследствии я невольно был вынужден сменить свой профиль на териологию, которая со временем свелась в основном к изучению фауны и популяционной экологии мелких млекопитающих животных.

Алтайский - не в последнюю очередь был выбран нами еще и потому, что в научной библиотеке СГУ мы читали многочисленную литературу о великолепной и разнообразной природе Алтая, и он манил нас своей экзотикой. Прочли мы книгу ботаника В.В.Сапожникова «По Алтаю». Из нее нам стало ясно, что в Прителецкой части Алтая (с особым лимноклиматом) замечательно растут и плодоносят яблони. Этот факт нас, саратовских «яблоколюбков», окончательно убедил в правильности нашего решения.

А вот в Яйлю мы смогли приехать для трудоустройства только к 11 сентября, поскольку большую часть лета я провел на военных сборах под Вольском, где мне, абсолютно гражданскому человеку, присвоили первое офицерское звание. Ехали мы поездом до Бийска с рюкзаками и тюком из одеяла и постельного белья, в который тщательно упаковали подаренную мне тестем малокалиберную винтовку. Дальнейший путь до озера тогда, и все годы потом, не был легким и быстрым. Из Бийска до Турочака ехали на попутной почтовой машине, потом, после очередного ночлега, на автобусе до Артыбаша, и уже потом последние 30 километров по

Телецкому озеру на катере. Никакой автомобильной дороги до Яйлю совсем не было все годы нашей работы там.

Нас встретили, отвели в наше первое собственное жилье – половину стандартного деревянного дома из бруса, какие строили тогда в сибирских леспромхозах. Выделили из казенных запасов матрас, многие годы бывший в употреблении у детишек из местного детсада. До ночи мы еще успели походить по берегу уже по-настоящему «золотого озера» (алт. *Алтын-Кёль*), раскрашенного осенними березами в пронзительно желтый цвет.

А назавтра проснувшись, и, разумеется, опоздав к началу рабочего дня, мы вышли на крыльцо и обнаружили там ведро с чистой ключевой водой, заботливо принесенной нашим будущим начальником Эдуардом Андреевичем Ирисовым. Самостоятельно мы бы точно не нашли этот замечательный родник, располагавшийся в 300 метрах от нашего дома, и к тому же довольно далеко вниз по склону. Да и ведра своего у нас пока еще не было.

А дальше - обычная проза жизни. Пришли в контору со своими документами и оформили наши трудовые отношения с заповедником в соответствии с КЗОТом. Правда продуктивно работать с первого же момента было физически невозможно. Для этого были нужны не только наши дипломы и реальное образование, но совсем другие качества. Надо было готовить программу работ, а для этого не хватало знания местных условий, знакомства с изученностью предметов исследования, понимания реальности исполнения планов в этой еще не понятной нам обстановке, а также полное отсутствие возможностей у заповедника обеспечить материальную сторону дальнейших исследовательских проектов и необходимого нам научного консультирования. Потом, и уже очень скоро, выяснилось, что не последним фактором успешной многолетней работы в Алтайском заповеднике является элементарная способность к выживанию в этих достаточно суровых условиях. Так мы начинали работать.

ПРИРОДА

Конечно, первое на что мы обратили внимание – это роскошная, почти нетронутая природа, которая окружала нас с первого момента нашего знакомства с Телецким озером и с местом нашего проживания - крохотным посёлочком Яйлю, приютившемся на его северном берегу. Прямо из наших окон на правобережье озера было великолепно видно хребет Корбу, вершины которого уже были покрыты снегом.

Прямо внизу живописно расстился главный плес озера в месте поворота его на юг. За озером, как и на север от поселка, возвышались полностью покрытые лесом

горы. И везде на солнце разливалось золото массово пожелтевших берез. Восхитительные картины. В ближайшие дни мы все свободное время гуляли по берегам озера от Яйлю до Камгинского залива и обратно. Любовались величественными кедрами, мощными лиственницами, простором яйлинской террасы с яблоневыми садами на ней. Это было прекрасное бабье лето, которое каждый год (иногда совсем недолго) радовало нас после дождливых летних месяцев.

В первый период мы, наслаждались природой северной - Прителецкой части заповедника, хотя и знали, что его территория в основном выглядит иначе, но не могли даже представить, что буквально едва ли не каждый квадратный километр его территории отличается своеобразием и поразительной красотой. Все, что мы видели вокруг, было на 95%

покрыто кедрово-пихтовой тайгой и смешанными лесами на месте вырубленных или сгоревших на берегах озера темнохвойных лесов. Из них величественно выглядывали гольцы (безлесные вершины гор), а на юге озерной котловины на склонах южной экспозиции были представлены небольшие остепненные участки.

А на самом деле покрытой лесом была лишь треть заповедной территории, имевшей площадь почти миллион гектаров. Всю основную часть его территории занимали каменистые пространства многочисленных пограничных и внутренних хребтов (Шапшальский, Абаканский, Тетыколь, Куркуре и другие), а также кустарниковые тундры и различные типы высокогорных травянистых сообществ. С ними я познакомился уже на второй год работы, когда орнитологом Ирисовым была организована первая зоологическая экспедиция с целью изучения фауны позвоночных животных южной части заповедника. Позднее, когда мы стали в состоянии организовывать собственные экспедиции, нам открылся прекрасный мир его центральной и восточной частей.

КАК МЫ ЖИЛИ

УСТРОЙСТВО БЫТА

После городской жизни нам ко многому пришлось приспособливаться, вырабатывать новые привычки, выполнять многочисленные дополнительные обязанности по собственному жизнеобеспечению. Для местных жителей все это было обычным делом. А у нас многие, вроде бы обычные дела, вызвали вопросы, которые требовали быстрого и эффективного решения.

Хорошие люди нам подсказали, что наше жилье с видом на прекрасное озеро не будет таким теплым, как полагается. Пригодился опыт строительства таких же домов в 1968 году в Иркутской области в студенческом стройотряде, где мы уже освоили операцию конопатки щелей в стенах между брусом. Кроме того, пришлось искать доски, делать дополнительную завалинку и засыпать ее сухими опилками.

Правда за досками надо было ехать за двадцать километров в ближайший леспромхоз по тайге на тракторе. Зато материал отобрал я лично сам - это были прекрасные кедровые доски теплого телесно-розоватого цвета, обладавшие божественным запахом.

В доме, кроме упомянутого матраса, не было никакой другой мебели. Из оставшихся досок мною самолично постепенно было изготовлено самое необходимое. Так в спальне в итоге стояла кровать (которая была всего лишь капитальным двуспальным топчаном), огромный книжный стеллаж и рабочий стол. В гостиной был платяной шкаф (по сути дела огромный деревянный короб прикрепленный к стене), с полками для вещей и закрытый толстой занавеской, а также двухместный рабочий стол, занимавший всю стену с окном на озеро. На кухне был умывальник (типа рукомойник) и обеденный стол (до того им служил огромный ящик из-под товаров), три табурета. В детской комнате стояла простая пружинная кровать и сундук (огромный ящик из-под чая). С этой мебелью мы прожили в Яйлю все одиннадцать лет вплоть до самого отъезда на Урал.

Как это не удивительно, но во дворе нашего далеко не нового дома вообще не было туалета. Пришлось, используя опыт строительства таких сооружений, приобретенный в Иркутской области в стройотряде в 1968 году, незамедлительно возводить этот наиважнейший объект нашей «инфраструктуры». Быт налаживался.

Характернейшей особенностью жизни в таком изолированном поселке, как Яйлю было то, что двери ни у кого вообще не запирались на замки. Разве только накладку для навесного замка запирала какая-нибудь щепочка, если хозяев не было дома. Лодки с моторами, даже с заправленными бензобаками, подолгу стояли на стланиях, готовые к спуску в воду.

Вода

Воду для стирки и бани черпали прямо из озера. Воду для питьевых нужд и приготовления пищи мы брали из ключика. Она была очень вкусная. И там, и там вода всегда была очень холодная и очень чистая. Только в озере она была почти дистиллированная, а прозрачность ее была не менее десяти метров.

Но вот то, что такая хорошая вода будет причиной очень серьезных проблем с зубами, мы поняли далеко не сразу. Через пару лет уже пришлось навещать стоматолога. А если учесть, что для поездки к нему в Турочакскую районную поликлинику даже по очень неотложному поводу требовалось не менее трех дней, то станет ясно, что эти поездки были нечастыми. А вот местный фельдшер - Любовь Матвеевна Попикина была универсальным медиком, и смело вырывала больные зубы, если на это соглашался человек с невыносимой зубной болью. А он обычно не только соглашался, но еще и упрашивал ее сделать это поскорее.

В итоге уже через шесть-семь лет работы на Алтае лично у меня ряд зубов заметно поредел. Я уже посещал стоматологов в любую из поездок в крупные города с тем, чтобы они лечили все сохранившиеся зубы. А вот в Горно-Алтайске даже была знакомая - зубной врач, принимавшая меня без очереди - Татьяна

Дмитриевна Наволокина. Она-то и завещала мне больше не рвать зубы, а лечить все, что остается от них живого, до самой последней возможности. Я так и поступал в дальнейшем, находя постоянных и доверенных стоматологов в Саратове, Свердловске (ныне Екатеринбург) и в настоящее время в Санкт-Петербурге.

Как я колол дрова

Возник вопрос, чем же мы будем топить нашу прожорливую печку. Она к тому же еще и дымила, поэтому пришлось чистить дымоход. Дефицит дров в поселке, расположенном на заповедной территории, был очевидным. Так или иначе однажды, когда достаточно промерзла почва, нам отвели в километре от дома огромную отжившую свой век березу. Пришлось искать человека, который свалил бы ее нам, а позднее еще и распилил на части по размеру топки. Им оказался хозяйственный, основательный и отзывчивый Анатолий Михайлович Левшенков, вовремя появившийся рядом со своей бензопилой. Позднее он оказался одним из первых моих знакомых, сослуживцев, а также иных прибрежных жителей, кого озеро забрало к себе в качестве очередной жертвы.

Колоть дрова, разумеется, пришлось мне. Благодаря тому, что для деда мы с братом заготавливали дрова не на одну зиму, и туристическая практика была немалая, топор у меня из рук не выпадал и раньше. Но на Алтае для этого требовалось освоить совершенно иные технологии.

Ближе пятидесяти метров к дому огромную березу (плотным объемом не менее четырех кубометров) подтащить не удалось. После распиловки все чурбаки пришлось пару дней катать на свой двор. Колоть их топором или магазинным колуном было практически нереально из-за повышенной свилеватости (скрученности волокон), особенно в прикомлевой части ствола. От моих орудий прибавлялись не наколотые дрова, а лишь волдыри на ладонях. Местные умельцы изготовили из топора и лемеха от плуга новый колун местного стандарта, который впоследствии исправно служил мне для заготовки дров. Конечно усилий на то, чтобы расколоть эту березу, по которой местный народ, видимо, проверял мою жизнестойкость, пришлось потратить немало. Но, в итоге, вся она в виде нескольких рядов дровяных поленец, уже лежала под навесом.

Однако эта история имела еще один аспект, который следует осветить в этих записках. В нашем дворе висела очень крепкая капроновая веревка, на которой мы просушивали белье. Ее, разумеется, надо было снять заранее. А я, занявшись очень мужественным процессом колки дров, увлекся до такой степени, что вовсе забыл о ней. И зря... Наказание наступило неотвратимо. Однажды я сильно замахнулся, со всей силой ударил по особо сопротивлявшемуся пеньку и ... От сокрушительного удара в челюсть вмиг слетел с ног на землю. Единственное, что я успел подумать - «За что?». Как оказалось, я зацепился колуном за крепко натянутую веревку, она спружинила, колун отлетел назад и нокаутировал меня. До сих пор на правой моей скуле есть вполне явная отметина. Чтобы помнить ...

Приобретенный мною десятилетний опыт заготовки дров я в дальнейшем использовал на Среднем Урале, когда мы еще шесть лет жили в деревенском доме с теми же удобствами, что и на Алтае (то есть без удобств вообще). В середине восьмидесятых годов этот опыт пригодился еще и в экспедиции на безлесный остров Врангеля, где, к моему удивлению, оказалось, что люди тоже активно пользуются для отопления древесиной, но принесенной из океана. Вот там-то я с удовольствием и играючи демонстрировал свои навыки по колке дров моим столичным коллегам из Петербурга (тогда Ленинграда) и Москвы.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Вот электроснабжение, магазин и почту мы имели только в том урезанном виде и объеме, который никак не могли изменить сами. И они были самого скромного порядка, если не сказать, что выдерживали вообще хоть какую-нибудь критику. Электричество от дизеля в поселок давалось на два часа утром, на час в обед и на четыре часа вечером. Плитка, даже самой небольшой мощности, нагревалась очень медленно и не очень сильно. Приходилось постоянно пользоваться печкой в доме, что было довольно неудобно. Изредка мы разжигали маленькую дровяную печку на летней кухне под навесом. Зимними вечерами ограниченное электроснабжение сильно осложняло жизнь местному населению.

Однажды я с помощью моего саратовского друга Виктора Ивановича Козлова соорудил из списанного на озерной станции выпрямителя зарядное устройство. Добавил к нему мощные кадмий-никелевые аккумуляторы. Получилось небольшое, но нужное нам собственное электричество для телевизора, радиоприемника и настольной лампы. Но о круглосуточном обеспечении электричеством всех жителей поселка тогда и речи не было. Конечно тянуть в удаленный таежный поселок Яйлю собственную ЛЭП было бы слишком дорого. А вот построить ветровую или малогабаритную гидроэлектростанцию, или использовать уже существовавшие тогда солнечные панели можно было бы. И до сегодняшнего дня этот порядок остается принципиально почти тем же. Совсем недавно одна серьезная коммерческая организация в порядке дара поставила в поселке целый комплекс из солнечных батарей и аккумуляторов, чтобы обеспечить бесперебойный Интернет для местных жителей. Но возникли традиционные для России проблемы. Не учли основной недостаток - слишком малое здесь количество солнечных дней. Да и качество монтажа сильно подкачало - слабые фундаменты сместились, нарушив согласованность всех панелей. А всех, кто получил возможность относительно оперативно общаться со всем миром, разумеется не устроил полученный ими очень ограниченный интернет-трафик.

Почта

Мы, как и другие люди, приехавшие из разных мест для работы в заповеднике, очень сильно зависели от работы почты. Почта в поселке работала исправно. Только это мало что значило. Телеграммы мы могли получить и отправить в любой рабочий день в рабочее время. А вот получить или отправить письмо, бандероль, посылку - это извините по другому ведомству. Тут в свои права вступает малая авиация.

Все перечисленное выше отправлялось вертолетом. А летал он в хорошую погоду в основном через день, перебрасывая почтовые отправления в райцентр, откуда через день-два почтовой машиной почта шла в Бийск, а потом поездами и самолетами - как обычно.

Так вот - погода в Горном Алтае, а особенно в Прителецкой его части, была большой помехой для надежной и срочной почты. Интервалы между прилетами вертолета достигали недели, а порою и двух недель. Немудрено поэтому, что любой прилетающий вертолет воспринимался как источник важной информации, либо просто весточки от родных людей. Писали мы много, получали газет и журналов, писем, посылок и бандеролей очень много. И вертолет в небе бывал услышан нами едва ли не в момент его вылета из Турочака. Особо нетерпеливые поднимались от прибрежной части поселка на верхнюю террасу, где располагалась вертолетная площадка, и помогали разгружать и спускать почту в почтовое отделение. Через несколько лет на базе этой площадки вертолетчики (по требованию местного населения и заботами областных начальников) организовали попутные перевозки пассажиров до Турочака или даже до Горно-Алтайска. Только пользоваться этой услугой было также ненадежно, как и своевременно отправлять и получать почту. Погода от наших желаний и от начальственного напора лучше не стала.

ДЕТСАД И ШКОЛА

Дочка Катя родилась у нас осенью 1971 года. Ко времени окончания Лидинового годового отпуска по уходу за ребенком Катя серьезно заболела. Она с Лидой даже лежала в Иогачской и Турочакской больницах. И речи не могло идти о том, чтобы отдать ее в детские ясли. Но наш начальник пригрозил, что примет на Лидино место другого человека, если она не выйдет на работу. Выручила наша соседка - Клавдия Тимофеевна Поротникова - жена главбуха заповедника и ветерана ВОВ Евстафия Михайловича. До лета она была у нашей дочки заботливой дневной няней. Потом в два года мы смогли устроить дочку в детский садик, в котором к этому времени было уже не менее полутора десятков детей.

Однако, когда ей надо было идти в школу, то выяснилось, что в этой школе она будет единственной ученицей. Школу на год закрыли, и дочка в первом классе училась в Саратове. Для этого ее бабушке Анне Ивановне, пришлось бросить работу еще до наступления пенсионного возраста, из-за чего она очень долго переживала.

На следующий год в Яйлинской начальной школе уже училось не менее шести человек. Уроки одновременно для детей всех возрастов, но по индивидуальным программам, проводила сначала биолог Валя Овчинникова, а на следующий год совсем уникальный человек - Галина Феодосьевна Бондаренко. Она приехала в Яйлю, уволившись с должности преподавателя английского языка в Новосибирском университете. Это было почти домашнее образование. Дети хорошо осваивали учебный минимум, а дополнительно имели возможность учить английский язык, делать концерты к праздникам, убирать школьный участок, участвовать во всех поселковых мероприятиях, а также помогать заповеднику в сборе черноплодной рябины.

Но, чтобы иметь возможность нам обоим ходить в экспедиции, каждый год на все лето мы отправляли свою дочку в Саратов к дедушкам и бабушкам. Там она до учебного года была с ними. Но при этом не имела возможности общаться в это время со своими сверстниками и с нами. Наверное, это было нечестно по отношению к ней. А когда она стала учиться в четвертом классе мы вообще уехали с Алтая на Урал, чтобы она смогла, наконец, получать образование в полноценной школе, в которой имелись бы не только ученики, но и учителя-предметники.

МАГАЗИН

Магазин (сельмаг) работал почти ежедневно, но набор гастрономических товаров там описывался по остроумному выражению местных жителей тремя «Ш» - шпроты, шоколад, шампанское. Что там можно было купить для жизни - так это сахар, муку, крупы, макаронные изделия, рыбные консервы и подсолнечное масло. Да и то, к концу зимнего сезона даже эти товары «у тети Таси» (Таисии Ивановны Торлоповой) могли отсутствовать. Причиной этого были сложности навигации по Телецкому озеру, исключительно по которому осуществлялась заброска товаров в магазин и вообще связь с большой землей. Связь эта вообще почти прекращалась с конца декабря-середины января до конца апреля-начала мая из-за неустойчивого ледового покрова. Вот и покупали мы на зиму мешок муки, мешок сахара и огромное количество круп и макаронных изделий. Скучноватый рацион...

Зато хлеб в яйлинской пекарне пекли замечательный. Пышный, ароматный, румяный. Делала этот чудо-хлеб Елена Ивановна Кукуева. Ее никчемный сын Михаил работал потом в научном отделе рабочим. Работа ему была неинтересна, поэтому он и не старался ее делать с той ответственностью, которая необходима при сборе научного материала, будь то даже элементарнейшие учеты следов животных на снегу, либо установка ловушек для учетов мелких млекопитающих. Лесником его директор взять не мог из-за возраста, поэтому из уважения к нашему всеми любимому хлебопеку пристроил «в науку». Позднее Миша работал в хозотделе. Более всего он «отличился», когда в составе группы из нескольких молодых (и как сейчас говорят «отвязных») яйлинских парней он, воспользовавшись беспомощностью марала, попавшего на лед озера, убил его и вывез за границу заповедника на санях. Мне пришлось участвовать в раскрытии по следам этого правонарушения. Должен сказать, что следопытом я оказался никудышным. Я даже поверить не мог, что кто-то из яйлинцев мог это сделать. Однако А.И.Олигер своим метким глазом безошибочно нашел место рядом с зимней дорогой в поселок Бийка вблизи перевала, где нарушители спрятали мясо убитого ими марала, чтобы позднее использовать его в корыстных целях. Наше руководство решило, что из-за этого проступка не стоит портить биографию нескольким молодым балбесам и не стало привлекать милицию к этому делу.

ЯЙЛИНСКИЕ РАЗНОСОЛЫ

Прочие «разносолы» вроде молока, молочных продуктов и яиц были нам доступны крайне редко, поскольку выращивать там товарную продукцию было трудно, да и не принято. Однако по неписанному правилу молоко для детей всегда можно было купить за очень умеренную цену. Иногда в качестве сюрприза (и в порядке подтверждения расположения односельчан к бесхозяйственным научным сотрудникам) удавалось купить местную курятину или крольчатину.

Рыбу для прикорма можно было ловить удочкой в пределах поселка. Но для этого требовалось слишком много времени, которого нам не хватало для работы. Скорее для развлечения пытались мы ловить из-под льда местных хариусов и сигов на приманку из бокоплавов. Успех был редким и сопутствовал далеко не всем. Более удачливым был подледный лов налима у дна на глубине порядка двадцати метров. Для этого требовалось вечером опустить на дно крючок с гольяном или куском любой даже несвежей рыбы, а утром еще до работы, наскоро проверив донки, можно было принести домой одного, или даже пару-тройку некрупных, но очень вкусных рыб.

Гораздо более приятным и продуктивным, хотя и очень редким для меня, был способ рыбной ловли (охоты на хариуса) с использованием «самодура». Человек идет по берегу озера и на толстой леске тянет кораблик, который по принципу воздушного змея плывет в 10-20 метрах от берега. На леску привязываются поводки с крючками, оснащенными пучком медвежьих волос - «мушки», которые

прыгают по воде, привлекая хищного хариуса. При этом, чем крупнее была волна и чем ближе удавалось подвести «мушки» к скалистым участкам берега, тем крупнее, как правило, ловились рыбыны.

Иные, дополнительно к картошке, овощи впоследствии мы также выращивали сами, а в первую зиму получали в умеренных количествах «за спасибо» от своих соседей. Про колбасу и сыр можно было не мечтать, их мы привозили в заметных количествах лишь из редких командировок и выездов в райцентр. Тушенку и прочие консервы (только для полевых работ) доставали на турбазе «Золотое озеро».

Витаминизация начиналась весной, когда появлялись первые таежные дары - крапива, медуница, дикий лук - черемша (алт. *калба*). За ней организовывались целые коллективные выходы на заповедную территорию в урочище Турочак. Именно там в среднегорье она росла сплошными полями, если не квадратными километрами, то десятками гектаров уж точно. С ней делали салаты и пекли пирожки, а также квасили как капусту.

Летом к этому добавлялись ягоды (смородина, малина, земляника), позже появлялись разнообразные грибы, самыми массовыми из них были осенние опята. Осенью в абсолютно фантастических количествах были доступны яблоки, которые разнообразились грушами и алычой. В годы массового урожая кедр (сосны сибирской) мы собирали замечательные кедровые орехи, которые всегда старались привезти в подарок родственникам и знакомым в Саратов и в другие места, куда попадали по работе.

Кроме своей картошки мы в своем огороде очень успешно выращивали огурцы. Для этого в Яйлю были все условия. Уже в конце апреля прямо за забором заповедной «конбазы» (конюшни с загонем) мы из прекраснейшего конского навоза выкладывали и утрамбовывали огромную грядку едва ли не метровой высоты. Внутри нее устраивали огромные земляные гнезда, в которые сажали огуречные семена. Все это укрывалось старыми рамами или полиэтиленом. Через несколько дней навоз начинал преть, выделяя очень много тепла. Семена быстро всходили, и растения очень быстро росли. Важно было угадать соотношение массы навоза и земли, чтобы вместе с навозом не перепрели сами растения. К отъезду на полевые работы в мае-июне мы уже открывали грядки и устраивали для огурцов немудрящую опору из тонких реек, куда поднимались огурцы, чтобы под ними не прели корни и нижние листья. Иногда к этому времени мы могли пробовать свои огурчики. А вот основной урожай (крупных, спелых, порой сильно переспелых, и даже совсем пожелтевших) огурцов мы выбирали из густых огуречных кущ уже через месяц, когда удавалось выбраться из тайги в Яйлю. Такую же облегченную технологию мы реализовывали, используя мощные запасы коровьего навоза прямо в скотном загоне у нашей соседки Т.И.Торлоповой.

Самым сладким «разносолом» был местный горный мед, который пытался производить заповедник в товарных количествах на своей пасеке. Пчеловодом была все та же наша соседка Клавдия Тимофеевна. И нам изредка приходилось помогать ей во время медосбора. Мед был исключительно вкусный! Только

собирали его мало, и со склада каждому продавали не более двух- или трехлитровой банки. Сладенькое из Саратова довольно часто присылали нам наши родители. У нас не переводилось варенье самых разных сортов из ягод и фруктов, что в изобилии росли у них на дачах.

У ПРЕТЦЕРОВ НА ПИЩЕВОМ ДОВОЛЬСТВИИ

С выходом в декретный отпуск и отъездом в Саратов, не веря, что я буду варить себе разнообразные супчики на обед, Лида договорилась с нашей соседкой Машей Претцер, что я, за чисто символические деньги, как «голодающий с Поволжья», буду ходить к ним столоваться в обеденный перерыв. Может быть с месяц я так и делал. Но неудобство от этого мероприятия вероятно было с двух сторон. Хозяйки (Маша и ее свекровь Амалия) подкладывали мне самые большие кусочки курятины в суп, наливали его в самую большую тарелку. Даже половины того, что предлагалось на обед, мне вполне хватало, чтобы чувствовать себя совершенно сытым. Мне даже кажется, что они готовили обед в какой-то мере в расчете именно на меня. И выходило так, что они не просто разделяют со мной свой обед, а специально меня обслуживают. Так что постепенно я прекратил напрягать этих замечательных и ответственных людей своими обеденными посещениями. Думаю, что им и без меня было хорошо в их дружной и работающей семье.

Кстати с Поволжья был не только я, но и вся семья Претцеров, которая не по своей воле переехала в 1941 году в Сибирь из столицы Республики немцев Поволжья города Энгельс (до 1932 г. Покровск), что находится вблизи Саратова. Хозяином был Яков Кондратьевич - капитан нашего заповедного катера, хозяйка - Мария Сергеевна была кладовщиком. Бабушка Амалия, практически не говорившая по-русски, была главной по хозяйству. Но самыми главными в их доме были две замечательные девочки дошкольного возраста Надя и Оля. Живут они сейчас со своим отцом в пос. Ордынское в Новосибирской области. С первой из них я сейчас состою в приятной переписке в

Одноклассниках.

Вот ее строчки к нам: *«Юрий Фёдорович, здравствуйте! Когда пишу вам, вижу Вас с Лидией Викторовной и маленькой Катюшей, такие красивые, молодые и немного загадочные. Именно такими вы запомнились мне. Всем привет. Немного*

странное у нас общение, вы не находите? Ощущаешь себя вдруг маленькой, и тут же понимаешь, что прожито уже полвека».

КРЫСЫ

На месте современного поселка Яйлю до двадцатого века жило только местное алтайское население, потомки которых (несколько семей Туймешевых) жили и в наше время. Тогда там, и в других местах в Прителецкой тайге, не обитала серая крыса. При нас это был уже бич, «кара божия», которая сметала все, что лежало в слабо защищенных от них условиях: в кладовках, в погребах, и даже дома в неглубоких подпольях. Дважды мы от них пострадали весьма заметно. Положили уже в начале зимы в подполье пару ящиков отборных яблок на длительное хранение и на время забыли о них. А когда через месяц стали проверять их сохранность, то увидели, что от яблок осталось гораздо менее половины, прочие были съедены или утащены в самые разные потаенные уголки нашего подполья. То же случилось однажды с парой больших упаковок яиц, привезенных нами как-то на вертолете из Горно-Алтайска. Упаковки были разодраны в мелкие клочки, повсюду валялась перепачканная землей скорлупа, а часть яиц заботливо прикопана в рыхлую землю как можно дальше от крышки в подполье. Кошки помогали мало. Интенсивные работы по отлову крыс капканами давали лишь кратковременный эффект, поскольку по соседству с нашим домом была конюшня, которая была поистине раем для этих серых разбойников, и они водились там в огромных количествах.

ГАЗ

Прошло несколько лет после нашего переселения на Алтай и наш быт стал обростать такими современными техническими средствами как газовые плиты и телевидение. С газом все было просто. В соседнем леспромхозовском поселке Иогач возле истока Бии был создан обменный пункт для газовых баллонов. Централизованно решить проблему газификации через заповедник было трудно, поскольку это сопряжено с техникой безопасности и серьезной ответственностью начальства и требовало создания специальной службы. Но кто сильно захотел, в том числе и я, поехали в Иогач, купили там плиты и газовые баллоны, а также получили соответствующий допуск для установки и эксплуатации таких баллонов. Оставалось только ездить с пустым баллоном за тридцать километров на лодке по озеру на заправку. Газовая станция находилась ниже моста, от которого уже начиналась сразу же полноводная и быстрая река Бия. Однажды вырубивая на своей лодке к причалу этой станции, я чуть не уплыл вниз по реке. Это могло бы иметь печальные последствия, поскольку у меня еще не было опыта плавания на моторной лодке по такой реке как Бия.

Все наши молодые, и не только молодые, хозяйки были благодарны за прекрасные возможности для демонстрации своих кулинарных способностей. Через пару лет баллоны в Яйлю стали привозить на теплоходе и выдавать со склада. Никаких ЧП с газом у нас не было. Как не было их и позднее на Урале, где мы также в инициативном порядке завели себе газовую плиту на своей даче, которая была одновременно и нашим полевым стационаром.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

А вот телевидения в нашем чрезвычайно удаленном и изолированном горами поселке Яйлю не было и не предвиделось в ближайшие годы. Оно пришло туда почти непосредственно из моих рук и раньше, чем во многие другие более удачно расположенные населенные пункты Алтая. Дело обстояло так. Был у меня в Саратове в студенческие годы знакомый и коллега - фотограф, тогда еще студент физфака университета - Виктор Козлов. С отъездом на Алтай мы с ним связи не потеряли. Надо сказать, что он был исключительно талантливым инженером-изобретателем в области радиотехники. К тому моменту он создал авторский макет автономного телевизионного ретранслятора, который мог бы поймать, усилить и направить телевизионный сигнал в нужную точку на местности. Ему хотелось испытать его в реальных условиях.

Я предложил нашему директору (тогда им был молодой еще Олег Андреевич Макаров) посодействовать в этом Козлову и всем местным жителям. В случае удачи можно было рассчитывать на прием в Яйлю единственного государственного телеканала. Козлов полазил по ближайшим горам, нашел в двух километрах от поселка слабый телевизионный сигнал (из Таштагола?) и решил, что его аппаратура обеспечит телевидением всех наших жителей. Макаров связался с Государственной инспекцией электросвязи (отвечающий за эфирные частоты), получил от них согласие (наверное, неофициальное) на установку и эксплуатацию ретранслятора. В райкоме партии эту идею тоже поддержали, поскольку исходный единственный телеканал вещал лишь единственно верную точку зрения КПСС, а ретранслятор просто делал ее доступной для очередной сотни жителей нашей великой страны. Ретранслятор установили, телевидение заработало, люди стали покупать телевизоры, Козлов получил причитающийся ему гонорар. Единственное неудобство заключалось в том, что нам приходилось подниматься к ретранслятору, чтобы с помощью бензинового генератора подзаряжать установленные аккумуляторы. Зарядки хватало на 2-3 месяца работы. Впоследствии туда была протянута временная электролиния. А еще потом его заменили на государственный ретранслятор.

А Козлов с успехом распространил этот замечательный опыт на несколько пунктов Горного Алтая, еще позднее стал с успехом использовать его на Кавказе.

Именно оттуда он нам неоднократно привозил или присылал посылки с самым разным виноградным вином. Только от одних названий голова кругом пойдет - Ркацители, Гурджаани, Киндзмараули, Цинандали, Напареули, Хванчкара, Саперави, Мукузани, Ахашени, Апсны. Однажды по его рекомендации мы поехали в Гагры и жили там у его армянских друзей, кстати, по весьма символическому адресу: Третий Ленинский тупик.

КАК МЫ В БЕЛЕ КАРТОШКУ ПОКУПАЛИ

После круп и макаронных изделий основной едой была картошка. Ее мы сажали с весны 1971 года и до отъезда с Алтая. А в первую осень (в 1970 году) нам пришлось покупать картошку в поселке Беле в южной части озера, поскольку яйлинские жители не могли в тот год похвастаться хорошим урожаем. Поехали мы с зоологом Александром Борисовичем Бешкаревым (позднее он работал, да и сейчас наверное работает) в Печоро-Илычском заповеднике в Коми автономной республике. Заботливые яйлинцы подсказали, что картошку нам может продать Татьяна Николаевна Смирнова, дочь широко известного Н.П.Смирнова, работавшая наблюдателем на метеостанции. Мы попросили ее продать картошку, она согласилась.

Пошли с ней к яме, в которую ссыпала она свои картофельные запасы. Татьяна полезла в яму, отбирала картошку в ведро, мы принимали ее и пересыпали в свои мешки. И вот угораздило меня сказать ей, что в ведре попались гнилые картофелины. Незамедлительно последовала великолепная реакция - отборнейший мат в наш адрес и категорический отказ вообще продать нам хотя бы ведро картошки. Вслед за матом вверх из ямы полетело пустое ведро и уже следом

вылетела разъяренная Татьяна. Но это вовсе не помешало нам все же чуть позже купить у нее картошку и поддерживать в дальнейшем приятельские отношения с ней и ее мужем Леоном Никифоровичем Рыльковым (начальником Белинской метеостанции).

Она была великолепна в своем праведном гневе. Нет людей, которые не знали бы киноактрисы Софи Лорен. Вот и Татьяна была такой же красавицей - стройной, независимой и гордой женщиной. Сказались удачно перемешанные гены русского отца Николая и матери-алтайки Доры. Метисы вообще часто бывают заметно привлекательнее родителей. Несмотря на постоянный труд в огороде, уход за многочисленной скотиной, прочие нелегкие семейные обязанности, она отличалась особой статью до вполне солидного возраста. Это я отметил с удовольствием еще раз, когда мы навещали ее в один из наших с дочерью приездов на озеро в 2002 году.

КЛЕЩИ

Особым обстоятельством, которое сильно осложняло нашу жизнь на Алтае и даже делало ее откровенно опасной для здоровья, было то, что в Прителецкой тайге в годы нашей работы был один из самых напряженных очагов клещевого энцефалита в СССР. Переносчиком этой тяжелой болезни был таежный клещ. Всем работающим на Алтае людям в обязательном порядке делали прививки живой ослабленной вакциной. Но это, тем не менее, не было гарантией выработки иммунитета. И люди, даже привитые по всем правилам, все равно заболели. Среди коренного алтайского населения процент иммунной прослойки, несмотря на отсутствие прививок, был на порядок выше, чем среди приезжих людей. Иммунитет вырабатывался естественным образом, да и жили алтайцы большей частью в более сухой части Алтая, где клещей было меньше.

Среди наших знакомых было несколько человек, которые в разной степени пострадали от укусов зараженных энцефалитом клещей. Так, еще в шестидесятые годы очень сильно переболела энцефалитом сотрудник так называемого «второго заповедника» зоолог Мирра Львовна Черанева, которая при нас уже работала в БИ СО АН в Новосибирске. Каждую весну ее мучили жесточайшие рецидивы болезни. В то же время переболел энцефалитом, и при этом потерял немало здоровья, наш сосед Николай Осипович Шутков. В ту пору клещей пытались травить дустом, распыляя его с самолетов и вертолетов. Показателен эксперимент, проведенный Шутковым - клещи, посаженные во флакон с дустом, совершенно спокойно жили в нем двое и более суток.

Косвенно позже выяснилось, что научные сотрудники Л.В.Марина и В.А.Стахеев переболели энцефалитом, но благодаря прививкам в облегченной форме. Не заболеть же без прививок было практически невозможно. Из специальной литературы было известно, что в наших условиях зараженными были каждые 2-4 клеща из сотни. И несмотря на самые строгие меры защиты и профилактические осмотры на маршрутах, нас, если не ежедневно, то 20-30 раз за весенне-летний сезон кусали эти твари. Перемещаясь пешком, например, в долине реки Кыги, мы были вынуждены стряхивать с одежды клещей каждые полчаса буквально сотнями, а потом вечером тщательно выискивать их во всех укромных местах в одежде и на теле. Удивительно вообще, что среди людей, работавших в тайге, число заболевших не было стопроцентным.

Рефлекс на клеща вырабатывался очень четкий. Едва он своими колючими лапками цеплялся где-нибудь на коже, как рука тотчас же автоматически сцарапывала его оттуда. При этом было много «ложных срабатываний». А в начале энцефалитного сезона вообще наблюдалось что-то вроде массового клещевого психоза. Люди, сидя за столом в конторе, то один, то другой, судорожно лезли под одежду, хотя там заведомо никого лишнего не было.

Я специально сдавал кровь на анализ, чтобы выяснить, есть ли у меня иммунитет к энцефалиту. Выяснив, что титры антител к вирусу энцефалита держатся на высоком уровне после 3-4 лет прививок в течении еще 2-3 лет, я иногда (а на Урале уже всегда) ряд лет позволял себе не делать лишних прививок. Но уже в восьмидесятые годы выяснилось, что в районах распространения энцефалита существует не менее опасная болезнь – боррелиоз (болезнь Лайма), которая также переносится через укусы таежного клеща. При этом прививки против энцефалита вообще не действуют на возбудителей боррелиоза. Прививок против него не разработано и до сих пор.

ОРУЖИЕ

Вроде считается, что при работе в тайге обязательно надо носить оружие. Научным сотрудникам-зоологам в Алтайском заповеднике выдавали ружья. Мне было выдано тяжелое двуствольное ружье с вертикально расположенными стволами ИЖ-27. Я его довольно часто носил с собой, но стрелять по работе мне не приходилось, а отстреливаться от медведей и прочих хищников даже в голову не пришло бы. От сведущих людей было известно, что медведь очень крепок на рану. И даже пуля, выпущенная из карабина, не вдруг его остановит. Он в несколько прыжков достанет неумелого охотника и расправится с ним.

Какое-то время я носил в экспедицию с собой не менее тяжелую спортивную длинноствольную малокалиберную винтовку ТОЗ-8. Добывал с ее помощью сеноставок, бурундуков, сусликов и белок для пополнения коллекции заповедника. Но практически везде, где на маршрутах встречались алтайцы, меня просили продать ее. Я даже побаивался, что ее попросту украдут. Для промысловой охоты она тяжеловата, и я удивлялся такой массовой настойчивости. Секрет мне раскрыл мой друг и проводник Дмитрий Петрович Ядомыков. Оказалось, что из такого длинного ствола элементарно можно было изготовить целых три нарезных вкладыша в обычное ружье. И тогда охотник, легально обладая гладкоствольным ружьем, мог в один момент превращать его в карабин с повышенной меткостью и убойностью.

Потерял я свою винтовку самым прозаическим образом. Однажды в выходной ко мне домой зашел участковый из Артыбаша в сопровождении яйлинского общественника - Анатолия Федоровича Пощеленко. Я искренне удивился такому нежданному визиту. Разгадка пришла сразу же после того как они предложили мне добровольно сдать незаконно хранящееся нарезное оружие. Что я и сделал без возражений и споров, достав ружье из-под кровати. Мне дали официальную расписку об изъятии. Однако позже я узнал от своих друзей, что моя винтовка, оказалась в руках Андрея Гавриловича Гладкова - директора турбазы «Золотое озеро», и едва ли законным образом. Вот такие были законы, и именно так выполнялись они повсеместно тогда в нашей стране. Кстати у Гладкова все годы нашей

работы на Алтае получали мы дефицитнейшие в ту пору консервированные мясные продукты для наших экспедиций.

Что касается легальности и строгого учета всего оружия в Горном Алтае, то едва ли они могли быть реализованы правоохранительными органами в те годы. Да и сейчас это задача на мой взгляд в тех условиях невыполнима. Приходилось видеть за плечами встречавшихся на пути алтайцев (и тувинцев) такие древние образцы оружия как шомпольное ружье (все перевязанное проволочками и веревочками), или дореволюционная «трехлинейная» винтовка, правда без штыка.

К оружию (уже не огнестрельному, а к холодному) относятся разнообразные виды ножей, топоров, тесаков, шашек, рапир, вил, ломиков, лопат, кос, мотыг, ледорубов. Но в обычной жизни к ним относят лишь ножи. Без хорошего ножа в тайге, как и без топора, обойтись трудно. Самыми хорошими ножами в наших условиях были самодельные остроносые алтайские ножи с рукоятками из наборной бересты. Их делали из клапанов двигателей внутреннего сгорания. Ими можно было рубить любые кости.

Я с собой привез на Алтай охотничий нож, подаренный мне моим тезкой Юрой, двоюродным братом моей жены. Нож этот был сделан на оборонном заводе знающими людьми и очень мне нравился. Им можно было резать, рубить, использовать вместо молотка, делать лунки во льду, подламывать любые трещины. Он имел толстый (до 6 мм толщиной) обушок и клиновидную заточку. Кроме того, он был хромирован на очень большую толщину и выглядел очень элегантно. К сожалению, у меня его увезла одна из московских студенток, соврав, что она его потеряла на маршруте.

Другим, тоже в своем роде замечательным моим ножом на Алтае был огромный тесак, который напоминал ненецкие ножи односторонней стамесочной заточки и по форме слегка похожий на скальпель. Оригинальные северные ножи были небольшие - с лезвием длиной до 15 см. Ими было удобно строгать дерево. Но мой нож из-за своих размеров (едва ли не 45 см) был непригоден для строгания. Однако им было удобно прочищать заросшую мелкой древесной порослью тропу, рубить сухие ветки для костра, даже валить нетолстые (до 20 см) деревья.

Но в конце концов я остановился на охотничьем складном ноже, у которого оказалось большое и, неожиданно для меня, очень хорошего качества лезвие. Были у него дополнительные лезвия для открывания консервов, штопор и другие обычные для этой модели инструменты.

И вот однажды я по собственной глупости всерьез пострадал от этого ножа. Как-то утром перед выходом на Колышту мы готовили полевой супчик с тушенкой. Поспешив вскрыть побыстрее жестяную банку я нечаянно, едва ли не насквозь, довольно грязным серповидным лезвием пропорол мышцу между большим и указательным пальцем на левой руке. Кровь остановили, но идти в горы с такой ранкой было рискованным делом. Но Коля Смирнов нашел выход. Он сходил к своему отцу и принес крошечную баночку с очень мутным раствором темного цвета. Это было мумие. Я положил на ранку тампон, пропитанный этим раствором. Взял в

карман еще маленький кусочек мумие, чтобы потом сделать такой же раствор. Однако маршрут был традиционно очень трудным. Через час я сменил тампон. Но уже еще через пару часов я потерял и сам тампон, и подаренное мне мумие. К вечеру мы добрались до назначенного места. Нас, усталых от трудной дороги, сморил сон. А утром я с удивлением заметил, что никакого воспаления нет, а ранка даже вроде как затянулась новой кожицей. Вернулся я с этого маршрута через неделю с полностью зажившей ранкой. Единственное, что меня многие годы беспокоило, так это то, что рука в этом месте и вокруг потеряла чувствительность. Видимо был поврежден какой-то нерв. Но на протяжении как минимум пяти лет цвет кожи в месте этой ранки был нежно-розовым и сильно отличался от основного цвета руки. С тех пор я поверил в волшебную силу мумиё.

Еще раз мне пришлось убедиться в его исключительных свойствах в Пущино в одной из командировок. Во второй половине зимы общий иммунитет уже снижался и появлялись всякие мелкие проблемы - чувствовалось, что начинается простуда. Лекарств и врача в гостинице не было. Зато рядом был замечательный сосед по комнате - известный герпетолог и мой тезка Юрий Константинович Горелов. Он дал мне четверть стакана воды, растворил в ней кусочек туркменского мумиё размером со спичечную головку и сказал, что обязательно поможет. Я выпил, уснул, а наутро никаких неприятных симптомов начинающейся болезни уже не было. В дальнейшем я прибегал к этому методу профилактики, каждый раз, когда возникали похожие проблемы. И, о, чудо... В течение очень и очень многих лет я вообще не болел гриппом.

КАК МЫ РАБОТАЛИ

Так как же мы работали? Вопрос этот даже себе довольно трудно задавать. И отвечать на него тоже непросто. Как себе, так и другим людям не скажешь коротко - «хорошо» или, например, «плохо». Перегружать же других специальными деталями не совсем честно, поскольку они не погружены в эту же проблему с тем же интересом, который ты испытывал, занимаясь собственным делом.

Мы занимались многие-многие годы сбором и обработкой научных данных - каждый в своей области знаний. Ботаникой в широком смысле занималась Лидия Викторовна, зоологией - я. Тем же самым, рядом с нами или на других территориях, но более углубленно, и, одновременно, с частыми переключениями на рядом лежащие проблемы, занимались наши коллеги из университетов и академических институтов. Нашей спецификой было наблюдение процессов и явлений в природных комплексах, не тронутых человеческой деятельностью как можно большее число лет, с соблюдением одних и тех же методик, на одних и тех же участках с целью выявления трендов в медленно меняющейся заповедной природе. Все первичные материалы научных сотрудников с предварительными

выводами фиксировались в ежегодных отчетах – так называемых «Летописях природы».

Часть собранных данных отражена в публикациях, некоторые из которых были даны требованиям как можно чаще публиковать результаты своих исследований. Некоторые публикации в центральных научных журналах были итогами серьезных пионерных разработок с использованием соответствующих методов анализа. Так что нам нечего стыдиться результатов своей работы. К ним всегда наблюдался повышенный интерес у самых известных специалистов. Интересующихся и коллег, с которыми давно потеряны прямые связи, можно отослать к Интернету, где можно найти хотя бы библиографические ссылки на многие из самых важных публикаций. Некоторые из этих работ, опубликованных в малотиражных изданиях уже не в силах отыскать даже сами авторы.

Говорят, что Google собирается реализовать проект по оцифровке всей издававшейся в мире печатной продукции...

ОХРАНА ТЕРРИТОРИИ

Поскольку мы работали на заповедной территории, то режим ее особой охраны обеспечивался штатом лесного отдела, состоящим из четырех лесничеств. Такой огромный заповедник, как Алтайский (863 тыс. га), только за счет своих размеров мог обеспечить естественное протекание природных процессов. На расстоянии сотен километров от него не было промышленных предприятий. Охота и рыбная ловля в заповеднике были запрещены. Кроме того, даже просто из-за исключительно большой удаленности его территории от населенных пунктов, жизнь животных здесь проходила в независимых от человека условиях. Лес на основной части заповедника никогда не рубился, поскольку его оттуда невозможно было вывезти. Вот и получалось так, что основная функция охраны заповедника от самих работников охраны почти не зависела. И лесники большую часть времени на охраняемой территории занимались чисткой троп, устройством переходов через реки, ремонтом и строительством избушек, что было очень важным делом по созданию более комфортных условий для нашей работы. Да и просто попасть на самые удаленные объекты своей охраны лесники зачастую могли, лишь будучи включенными в исследовательские экспедиции научных сотрудников.

А вот где без довольно большого штата лесников мы не могли обойтись вообще, так это при проведении учетов охотничьей фауны. Еще одним чрезвычайно важным делом занимались лесники практически круглогодично - они вели в особых дневниках записи всего увиденного ими на месте своего проживания и на любых маршрутах. Кроме того, они заполняли специально разработанные нами фенологические анкеты (Зима, Весна, Лето, Осень), в которых отмечались сезонные явления в живой и неживой природе. Вся эта информация тщательно обрабатывалась, обобщалась и являлась основой для ряда разделов «Летописи

природы» - ежегодного научного отчета заповедника. Такая книга могла состоять из нескольких сот страниц плотно упакованного текста и таблиц.

НАУКА ВЫЖИВАТЬ

Разумеется, не только лесники были призваны проводить разнообразные учеты охотничье-промысловых видов животных. Наиболее трудоемкими и массовыми были зимние учеты животных по следам. Этим занимались все, кто был в состоянии стоять на лыжах. При этом никакой прежний опыт хождения и бега на лыжах здесь не мог быть полезным. В первую же зиму мне пришлось осваивать искусство перемещения на камусных лыжах по горной тайге. В первой половине зимы снега могло быть не так много, и тогда спускаться по склонам очень мешали плотные заросли кустарников, бурелом, скалистые обнажения либо крупнокаменистые россыпи. Местные работники охраны заповедника из числа молодых вносили элементы неоправданного риска в процесс освоения нами приемов перемещения на лыжах с мягким креплением по исключительно крутым склонам. Подниматься в гору помогал тот самый «камус» (шкура с коротким жестким волосом с ног лосей или лошадей), которым снизу подбивались лыжи. При этом для страховки от скатывания вниз и для отталкивания (а то и выталкивания себя вверх) использовался также своеобразный крепкий шест - «алт. каёк». При спуске с горы галсами (зигзагом) этим «кайком» надо было рулить, перемещая на него часть своего веса и перекладывая его вправо или влево. При этом надо было не врезаться концами лыж в толстые надувы снега, в корни и стволы деревьев.

Поначалу это было очень трудно делать, поскольку крепления из сыромятных ремней были весьма и весьма свободными. Если ехать прямо вниз по склону, или под острым углом к этой линии, то разгон бывал очень сильным, и тогда рулить вообще было почти бесполезно. Оставалось только падать на пятую точку. Но вот тут-то и действовал юношеский максимализм, когда «слабо?» из уст местных умельцев звучало оскорблением и хотелось доказать, что ты уже хоть что-то умеешь. Едет такой умелец вниз по заснеженному склону впереди тебя, пролетает через заснеженные и придавленные этим снегом кусты, снег слетает, и кусты резко выпрямляются... и ты уже влетаешь в переплетения этих кустов. Итог очевиден... Еще случались и более серьезные «подставы» - когда такой герой впереди тебя лыжами сшибает с крупных камней или даже с небольшой скалы шапку снега, а ты резко тормозишь, сдирая в клочья драгоценный камус и делая весьма опасный кульбит физиономией в снег. Привычка не ехать вниз по чужим следам появилась достаточно быстро. Учеба, хоть и не сразу, но все же привела ко вполне приемлемому мастерству. И хаживали мы на таких лыжах и по таким крутым склонам на десятки километров наравне с коренными жителями.

Был и другой способ спуска с горы, который я использовал для более быстрого, чем пеший, возвращения с метеоплощадки на хребте Торот, что возвышался прямо над Яйлинской террасой. Эту площадку с метеобудкой (где помещались недельные самописцы температуры,

влажности и атмосферного давления), с осадкомером, снегомерными рейками и комплектом почвенных термометров мы устроили нашим дружным коллективом буквально за один день. В дальнейшем мы все по очереди еженедельно ходили туда, в том числе зимой, для того, чтобы менять ленты метеорологических самописцев.

Подъем занимал не менее полутора часов. Спускаться удавалось быстрее, если, сев на собственный брезентовый плащ, ты лихо скатывался несколько раз по несколько десятков метров по довольно узкой заснеженной лощине. Главной задачей было не наскочить на заснеженный пенек или камень.

НАУКА НА САМООБЕСПЕЧЕНИИ

Мне сначала предстояло заниматься гидробиологией. Только для этого в заповеднике абсолютно ничего не было. Я приложил к обеспечению своих будущих работ все свои силы, но их (а может быть и моего гидробиологического энтузиазма) было явно недостаточно. На следующий год в качестве нового гидробиолога приехал более готовый для этого мой бывший одноклассник Александр Васильевич Овчинников (Саратовский университет). А я переключился на исследования в области фауны и экологии мелких млекопитающих животных (насекомоядных, рукокрылых, грызунов, зайцеобразных). Для этого нужны были ловушки для

грызунов, я их делал сам, а также получил «по дружбе» в Биологическом институте СО АН. Оттуда же, в качестве оплаты за участие в договорных работах по кедру, мне, кроме лодки с мотором, привезли еще полтонны оцинкованной жести, из которых, с оплатой этой же жостью, местный жестянщик изготовил нужное количество конусов и цилиндров, необходимых также для учетов мелких млекопитающих. Для отлова и мечения живых зверьков я сам изготовил достаточное количество очень чутких сетчатых живоловушек с деревянными домиками. И работа закипела...

Для продуктивной работы по своей тематике требовалось очень многое, что не мог нам предоставить заповедник. Это и специальная литература, и обычные пишущие машинки, и машинки с латинским шрифтом, это и писчая бумага, это и полевое снаряжение, спецодежда и консервы, это и веревки, и бинокли, и высотомеры, и микроскопы, и биноклярные лупы. Примерно в 1976 году у меня появилась такая экзотическая по тем временам вещь, как японский электронный калькулятор Sharp. Он был куплен

в комиссии со знанием дела моим другом и однокурсником Владимиром Анатольевичем Лапшовым в Москве (примерно за мою месячную зарплату), и очень облегчил выполнение многочисленных статистических расчетов. Все это, и еще очень и очень многое, нам приходилось добывать, покупать, обменивать. Иначе мы и не смогли бы выполнять нами же сформулированные, и явно завышенные планы. И работали мы не «от и до», а столько, сколько позволяли силы и здоровье. Такова внешняя «околонаучная» канва наших дел и забот, которые сопровождали собственно исследования.

Для иллюстрации интенсивности работ можно привести немного статистики. С 1971 по 1981 год мною (с привлечением студентов более чем из десятка ВУЗов) проведены работы по разовым учетам мелких млекопитающих практически во всех участках заповедника; наиболее детальными они были в его Прителецкой части. Также для изучения динамики численности мелких млекопитающих на одиннадцати постоянных линиях ловушек (давилок) велись работы весной и осенью в окрестностях Телецкого озера от пяти до десяти лет, где было добыто и обследовано более 10 тыс. зверьков. Три года велись работы по мечению мелких млекопитающих на одноконтарной площадке, где было помечено, а также потом многократно повторно поймано более 2 тыс. зверьков. Такие же примерно объемы работ вошли в качестве основы для создания карты населения мелких млекопитающих, составленной в эти же годы кафедрой зоогеографии географического факультета МГУ для Атласа ресурсов всего Алтайского края.

А ведь мне в первые годы работы попутно приходилось осуществлять организацию системы учетов, а в дальнейшем и руководить проведением учетов охотничьих животных по следам на комплексе зимних учетных маршрутов общей длиной не менее 300 км, а также на четырех больших (5 X 5 км, с километровой сеткой визиров для учета копытных и крупных хищников) и четырех малых (2 X 1 км, со 100-метровой сеткой, для учета соболя и белки) постоянных пробных площадях. Труд этот для всех участников был титанический. Стоит ли говорить, что и обработка этих материалов была также очень трудоемким делом. При этом мне хотелось получить и использовать в работе самые современные технологии.

Мыши и СУПЕРТЕХНОЛОГИИ

Вот одна прелюбопытная история, в которой участвовал уже упомянутый Виктор Козлов. Она случилась в середине семидесятых годов. Это был хотя и нереализованный мною в Алтайском заповеднике, но очень замечательный проект по изучению одной из сторон экологии мышевидных грызунов.

В то время я интенсивно занимался мечением и дальнейшим слежением за перемещением по одноконтарной пробной площади меченных лесных полевок и иных видов мелких млекопитающих. Просматривая реферативные журналы, я находил там современные результаты радиослежения за такими же мелкими

зверьками с использованием миниатюрных радиопередатчиков, вживлявшихся им под кожу. Слежение за их перемещениями осуществлялось с использованием переносных приемных антенн двумя операторами методом засечек, аналогично тому, как это происходит в спортивной игре «охота на лис».

Поделится я с Виктором своей идеей облегчить мой титанический труд по почти непрерывной проверке сотни живоловушек, в которые часто попадались уже меченные ранее зверьки. Таким образом выявлялось использование территории каждым из зверьков, что имеет большое научное и прикладное значение в медицинской териологии. После серии обсуждений этой проблемы постепенно обрисовался круг конкретных задач и технических проблем, которые надо было решить при этом нашему техническому гению для создания комплекса аппаратуры по радиопрослеживанию перемещения зверьков. Виктор «загорелся» моей идеей, поскольку ему было интересно решать сложнейшую и почти неразрешимую для того времени задачу. Мы же решили, что наша разработка будет серьезным шагом за пределы современного нам мирового опыта. Передовиками были японцы, которые имели миниатюрные передатчики весом около двух граммов. В Советском Союзе не было такой элементной базы, которая позволила бы приблизиться к этому показателю. Главнейшей из помех было то, что в нашей стране вообще не было миниатюрных батареек.

Короче, проект и монтажные схемы были разработаны. В разных институтах и на оборонных заводах Саратова были добыты необходимые радиодетали. По наиболее строгим стандартам военной продукции даже был изготовлен вечный корпус приемного устройства из блока ковального алюминия, фрезерованного нужным образом. Мини-батарейки я пытался искать в НИИ АИТ (автономных источников тока) в Ленинграде. Только тогда выяснилось, что минимальный вес близкий к недоступным для нас японским разработкам, можно обеспечить лишь заменив заводской корпус батарейки на облегченный - свой. А вот одну из задач - сделать серию из сотни почти невесомых передатчиков для мышей в виде специально разработанной и выполненной методом напыления микросхемы вызвались две туристки - сотрудники одного из подмосковных экспериментальных производств. За свою бесценную услугу они просили устроить им месячный отдых на озере.

Возникла еще одна серьезная проблема. Быстро стало ясно, что личных денег, в том количестве, которые потребуются для реализации такого серьезного проекта, нам точно не хватит. Решили обратиться в ведущее экологическое учреждение АН СССР - ИЭМЭЖ (Институт эволюционной морфологии и экологии животных) к его директору, академику и Президенту Всесоюзного териологического общества Владимиру Евгеньевичу Соколову. У него в институте над похожей проблемой работала группа ученых. Нас приняли, внимательно выслушали, обсудили технические параметры спроектированных передатчиков и иных устройств. Даже посетовали, что Козлов не живет в Москве или в ближнем Подмосковье. Тогда можно было бы принять его в штат института. В итоге денег мы не получили и проект благополучно завял.

У меня не было ни малейшего сомнения в том, что эту разработку при наличии скромной (для возможностей академика) суммы, можно было реализовать. И тогда регистрировать местонахождение и все перемещения одновременно до сотни меченых зверьков можно было бы сидя в таежной избушке и глядя в телевизор, при этом автоматически записывая все данные на магнитофон. Можно было бы метить и более крупных животных, только тогда потребовались бы более мощные (и тяжелые) индивидуальные передатчики.

Одна, чисто математическая задача, важная для проектирования приемного устройства, была решена нашим радиотехническим гением просто попутно (с использованием метода подгонки). Тогда ее настоящее решение было засекречено, поскольку использовалось в военных целях для разработки проекта береговых станций дальнего слежения.

РЯДОМ РАБОТАЛИ ГЕОЛОГИ

В общем мы работали все годы, прикладывая для достижения нужных результатов все свои силы, не получая необходимых для работы организационных, материальных и денежных ресурсов. И нам было с чем сравнивать наше убогое обеспечение. Как минимум вдвое больше нас за одинаковое рабочее время получали работники Телецкой озерной станции. Их деятельность была четко регламентирована и обеспечивалась всем необходимым со стороны Гидрометслужбы СССР.

Но еще более ощутимым был разрыв в обеспечении работ по сравнению с одновременно работавшими на нашей территории геодезистами. Думаю, что и геологи обеспечивались для их работы сопоставимыми с геодезистами по объему средствами. Общался я с отрядом геодезистов, которые базировались в Яйлю. Их задачей было перенесение параметра репера (базовой метки в метрах над уровнем моря) от Яйлю до известной им точки на одной из вершин Абаканского хребта, находившейся примерно в 150 км от озера с точностью буквально порядка одного миллиметра. В отряде было два специалиста и трое рабочих, была рация для связи с Новосибирском, были средства для найма лошадей; для экстренных надобностей они могли заказывать вертолет. А главное, о чем нам и не приходилось мечтать, у них были прекрасные топографические карты, позволявшие рационально прокладывать маршруты полевых исследований. Разумеется, также у нас не было никакой связи с центральной усадьбой все время нахождения в экспедициях, продолжавшихся до 30-45 дней. Так что нам приходилось рассчитывать только на свои силы и опыт. Самым интересным мне показалось, что из полного календарного месяца июня в условиях Прителецкой тайги они вообще могли работать со своими прецизионными нивелирами только 3-4 дня. Остальное время было просто временем ожидания нужной погоды. Не уверен, что за все лето и осень они вообще выполнили свою работу.

КОМАНДИРОВКИ

Жизнь в изолированном от большой земли поселке Яйлю была хотя и интересной, но в целом не отличалась разнообразием, особенно в долгие зимние месяцы. Но именно поздней осенью, зимой и ранней весной, когда полевых работ было крайне мало, случались интересные командировки. Их цели были разнообразными, но чаще всего это было участие в конференциях с докладами, работа в музеях, гербариях и библиотеках, позже сдача экзаменов для поступления в заочную аспирантуру, а потом и кандидатских экзаменов. Были также консультации с научными руководителями и другими специалистами, определение коллекционного материала, собранного в полевой период.

Томск

Буквально первой моей научной командировкой была краткая поездка в Томский университет, где я представился зав. кафедрой проф. Иннокентию Прокопьевичу Лаптеву и зоологу Вере Васильевне Крыжановской, у которой были публикации по мелким млекопитающим Прителецкой тайги. Заинтересованно относились к результатам моей работы в заповеднике молодые, но уже опытные томские коллеги - Нина Сергеевна Москвитина, Нелли Георгиевна Сучкова. В первые годы именно оттуда в помощь ко мне потом приезжали особенно хорошо подготовленные к полевым работам студенты.

Красноярск

Одна из самых первых моих командировок была в Красноярск в заповедник «Столбы», где хранился архив и библиотека Алтайского заповедника, которые попали туда в период очередного разгрома системы российских заповедников в 1961 году. Мне предстояло принять их по описи и отправить в багажном вагоне до Бийска, откуда уже машиной и катером заповедника привезти в Яйлю. Очень полезной эта поездка была еще и потому, что там в это время работали такие замечательные специалисты, как Георгий Джеймсович Дулькейт - известный сибирский зоолог и его жена - гидробиолог Юлия Ивановна Запекина-Дулькейт, которые работали в Алтайском заповеднике в годы Отечественной войны. Яркое впечатление на меня произвела самоотверженная заведующая зооуголком - Елена Александровна Крутовская. В это время у нее жили полярные волки, а также любимая всеми посетителями рысь - Дикси.

Несколько прекрасных часов провел я на прогулке по экскурсионной зоне заповедника (где собственно и располагаются красноярские Столбы) с лесоведом Алексеем Викторовичем Кнорре, который спустя несколько лет стал директором этого заповедника. Забираться на Столбы, как это делают там десятки лет энтузиасты скалолазания, мне даже и в голову не пришло. Позже уже к нам на Телецкое озеро для консультаций и обмена опытом приезжала его жена - ботаник Анна Федоровна Кнорре, которую сопровождал их подросший сын - Виктор, ставший впоследствии продвинутым компьютерщиком. Немало полезного было получено от общения с известным фенологом Татьяной Николаевной Буториной, биологом-охотоведом Анатолием Николаевичем Зыряновым и с фитопатологом Тamarой Ивановной Прохненко. Красноярска как такового, я, можно сказать, и не увидел вовсе.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЗВЕРЕК

Однажды в Алтайский заповедник из Алейского района Алтайского края пришла телеграмма примерно такого содержания: «пойман неизвестный охотоведам зверек, просим прислать специалиста». Дело было довольно поздней осенью, когда уже выпал первый снежок. Директор решил не игнорировать запрос местного населения, и послал меня - вдруг и правда это новый для Алтая зверь. Как обычно - то есть с чрезвычайными трудностями и довольно долго - с большим количеством пересадок в Артыбаше, Турочаке, Бийске, Барнауле, Алейске я добрался, наконец, до крупного поселка Мамонтовский, где на третьи сутки после отъезда из Яйлю уже ночью нашел того охотоведа, что отправил телеграмму. Ночевать мне пришлось у него, так как гостиницы там не было, а наутро мы пошли смотреть зверька. И что же оказалось - я увидел в вольере довольно крупную водяную полевку, только она была необычного черного цвета. Что, хотя и нечасто, но бывает среди млекопитающих. Сеноставок черного цвета я ловил в большом количестве в верховьях реки Чулышман. Гадюки черного цвета тоже не были на Алтае большой редкостью. Вот и спрашивается: зачем я потратил едва ли не неделю времени?

ГОРНО-АЛТАЙСК

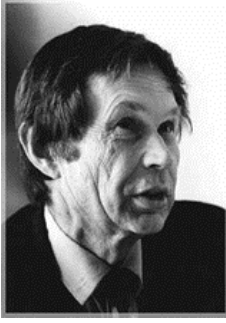
Другая из моих первых командировок была гораздо более полезной. По просьбе нашего начальника Э.А.Ирисова с официальным письмом я поехал в Горно-Алтайский облохотсоюз. Там мне предстояло найти и выписать архивные данные о заготовках охотничьих видов млекопитающих и птиц за максимально возможный период. И вот среди развалов мало упорядоченных журналов и подшивок удалось найти уникальные (буквально единичные) сведения о заготовках животных, ставших уже чрезвычайно редкими в алтайской фауне. Это были дзерен (вид центрально-азиатской антилопы), манул (дикий степной кот), корсак (степная

лисица), ирбис (снежный барс). На основе этих данных была представлена совместная статья на Всесоюзное совещание по редким видам животных. Но меня еще больше обрадовало то, что я смог выписать данные о заготовках белки (повсеместно обычного вида в лесах области) за очень долгий ряд лет - кажется с начала тридцатых годов до 1972 года. Позже, когда я на основе этих данных построил графики изменения заготовок белки в виде так называемой диаграммы Морана, стало буквально видно, что довоенные и послевоенные годы дают примеры разной динамики численности этого вида. Объяснение было довольно легким, хотя и печальным. В довоенные годы было много хороших охотников, и они регулировали численность белки, не давая ей чрезмерно размножаться, но с другой стороны численность белки в этих условиях не снижалась до очень низких показателей. А когда таких охотников стало меньше (они погибли в годы войны), то менее опытные охотники «недоопромышляли» белку в периоды низкой и средней ее численности. Численность ее потом нарастала до чрезвычайно высокой, и тогда добыча белки сильно возрастала. После этого следовало катастрофическое снижение численности этого вида из-за болезней и недостатка кормов.

СОВЕЩАНИЕ ЗООЛОГОВ СИБИРИ

Одной из командировок, которая очень много определила в моей дальнейшей работе, была командировка 1972 года в Новосибирск на Пятое совещание зоологов Сибири. Там мне встретилось много моих ровесников из самых разных уголков Сибири, Урала и Европейской части России, с кем я познакомился и в дальнейшем многие годы поддерживал дружеские и деловые контакты. Думаю, что по рекомендации уже названной мною Юны Владимировны Дроздовой, я познакомился с известным зоологом и ведущим специалистом по насекомоядным млекопитающим Борисом Степановичем Юдиным. Именно тогда, уже не без его рекомендации, меня включили в состав временного творческого коллектива по комплексному изучению кедровых лесов в Прителецкой части Горного Алтая. В этот коллектив вошли сотрудники Биологического и ряда других институтов СО АН. Он также предложил мне стать соискателем степени кандидата наук в БИ СО АН, а также себя в качестве моего научного руководителя.

Он же на этом совещании познакомил меня со своим другом - молодым доктором биологических наук с Урала - Владимиром Николаевичем Большаковым, который впоследствии стал директором ведущего экологического института - ИЭРиЖ (институт экологии растений и животных) УрО РАН, Председателем всероссийского териологического научного общества, Председателем Президиума УрО РАН и академиком-секретарем РАН. Именно благодаря поддержке В.Н.Большакова мне удалось привлечь в 1981-2007 гг. к полномасштабному комплексному изучению природы Висимского заповедника очень многих сотрудников из большинства лабораторий его института, а также из других серьезных научных учреждений Урала. Все сотрудники, планировавшие исследования в нашем заповеднике, получали некий «конт-планш» на усиленное материально-техническое обеспечение их полевых работ.

ТЕРСКОЛ

Одно из Всесоюзных совещаний по экологии горных видов млекопитающих проходило в 1977 году в Приэльбрусье в Терсколе. Компания там собралась большая и веселая. Там я встретился со знакомыми мне по переписке авторитетными исследователями фауны и экологии грызунов - Татьяной Васильевной Кошкиной, Натальей Владимировной Тупиковой, Натальей Викторовной Башениной, Александром Петровичем Кузякиным из Москвы, Эрнестом Викторовичем Ивантером из Петрозаводска, Николаем Николаевичем Даниловым и Александром Владимировичем Покровским из Свердловска. Кроме того, там был почти весь состав лаборатории Владимира Николаевича Большакова - в том числе Олег Антонович Жигальский, Константин Иванович Бердюгин, Николай Георгиевич Смирнов, Ирина Анатольевна Кузнецова.

Помню, сидели мы вечером за дружеским столом и обсуждали разные, а не только сугубо научные проблемы. В эту поездку я взял с собой только что вышедший из печати красочный фотоальбом Алексея Фрейберга «Алтайский заповедник», который я вез родителям в Саратов, и который показывал везде и всем, кто интересовался природой Алтая. И тут известный всем своими экспромтами и подначками Эрнест Викторович всенародно объявил, что этот альбом я дарю нашему иностранному участнику совещания Иво Грулиху из Брно (Чехословакия). Мне ничего другого и не оставалось, как подтвердить, что я рад подарить ему этот альбом в знак дружбы. Наша дружба, правда в дальнейшем только заочная, продолжалась в течение многих лет. Иво присылал мне оттиски его многочисленных работ по европейской фауне, красивые фотоальбомы о природе Чехии. Была идея съездить к нему в

гости вместе с В.Н.Большаковым; у нас даже его официальное приглашение было. Но тогда в начале девяностых годов прошлого века мои денежные возможности были очень скромными. И, соответственно, «нагружать» Иво (к тому времени уже пенсионера) иждивенческим визитом нам с Владимиром Николаевичем показалось неправильным.

Поднимались мы на фуникулере довольно близко к Эльбрусу, поднимались также и в высокогорье вблизи Терскола. Но самым запоминающимся был мой самостоятельный выход в горы ранним-ранним утром от гостиницы к перевалу в сторону Сванетии. Там в полной мере я насладился тяжелым, хотя и комфортным подъемом по тропе через весь горнолесной пояс до горных пастбищ, моренных озер и каменистых россыпей, лишенных растительности. Радовался тишине и абсолютному безлюдью, которые здесь днем из-за обилия туристов уже кажутся невозможными. Там я завернул на стоянку местных пастухов. Меня вполне дружелюбно встретили, угостили чаем. Мы даже успели поболтать на смеси русского и алтайского языков. И тут выяснилось, что местный язык содержит очень много знакомых слов, поскольку он тоже относится к тюркской группе языков. Я поделился с пастухами моими свежими впечатлениями от природы, а также о том, как мне понравилось путешествовать по Кабардино-Балкарии в 1969 году, когда мы с Лидой ездили из Нальчика на автобусе в село Верхняя Балкария. К общему завтраку и началу очередных заседаний я благополучно успел вернуться.

Там же я познакомился с замечательными москвичками, тогда студентками МГПИ им. Ленина, самоотверженно работавшими на стационаре ИЭМЭЖ в Черноголовке - Т.Ю.Чистовой, с которой позже неоднократно встречался уже в институте и О.К.Михайлиной (Барышевой), у которой сразу после этой командировки даже был в гостях, демонстрируя алтайские слайды их друзьям и коллегам. Здесь в Москве они познакомили меня с их старшей подругой из Кызыла (аспиранткой профессора А.П.Кузякина) Лилией Кыргысовной Аракчаа, ныне профессором кафедры экологии и зоологии Тувинского университета.

Именно там меня, как единственного специалиста по летучим мышам в Прителецкой части Алтая (каковым я по сути дела не являлся), проф. А.П.Кузякин включил в состав секции хироптерологов Всесоюзного териологического общества (ВТО) и свел со своими коллегами Константином Константиновичем Панютиным и Светланой Петровной Каменевой, работавшими к этому времени в МГУ. Поскольку я имел возможность попутно изучать фауну и экологию рукокрылых, то со временем в одном из очередных тематических выпусков трудов ВТО появилась моя статья на эту тему.

В Зоомузее МГУ

Кажется, именно в этот год моя командировка не окончилась Терсколом. Впрочем, это могла быть уже и не командировка, а просто очередной отпуск, когда

я поехал в Саратов не напрямую, а через Москву. Меня пригласили туда в Зоомузей МГУ, где размещался секретариат МОИП (Московского общества испытателей природы), чтобы я на одном из его заседаний рассказал о природе и исследованиях в Алтайском заповеднике. Подозреваю, что более всего это приглашение было спровоцировано тем фактом, что я всегда возил с собой одну-две коробки со слайдами. В Москве и других городах чаще всего получалось так, что на гостиницу денег обычно не хватало, а в дешевые гостиницы устроиться было непросто. И ночевал я по очереди у своих московских коллег и знакомых. Часто это был мой однокурсник Володя Лапшов, довольно часто это была моя предшественница на месте зоолога-микромаммолога в Алтайском заповеднике - Лариса Ивановна Барсова (с.н.с. на кафедре зоологии МГУ). Такие контактеры находились и в Барнауле, и в Новосибирске, и я их всех и всегда вспоминаю с искренней благодарностью.

Так вот организаторы этой встречи оказались не на должной высоте, пообещав слушателям слайды, но не обеспечив при этом аппаратуры. Хотя мне при этом сказали, что проектор надо взять с собой. Пришло десятка два людей, в том числе из свежих знакомых. Нашел я у друзей проектор, принес, включил... Единственная лампа тут же сгорела. Это ведь надо было знать, что в разных районах Москвы тогда использовалась сеть с разным напряжением. Данный мне знакомыми проектор был на 127 вольт, а в Зоомузее на Герцена 6 - 220 вольт. Рассказал я про все, что хотел, и ответил на все вопросы. Но мне самому хотелось показать, а большинству собравшихся хотелось посмотреть, хоть на слайдах, на недоступную многим роскошную природу Алтайского заповедника. Сейчас все проще - врубил Интернет - и наслаждайся...

НОВОСИБИРСК – КАМНЕРЕЗКА

Пожалуй, самая оригинальная командировка была у меня в Новосибирск примерно в 1978 году. Собственно, это была командировка как командировка. Коллекции, консультации, библиотека, экзамены. А вот по вечерам и по ночам... Не надо думать про что-нибудь этакое. Просто в этот год появился у меня знакомый

геолог и исследователь из Института геологии и геофизики СО АН СССР в Академгородке. Это был Оскар Исаевич Риппинен. Я его выручил в момент, когда при погружениях на Телецком озере их подвело водолазное оборудование, и надо

было серебром спаять какие-то трубочки на аквалангах. Серебро нашлось у меня на настоящей серебряной запонке. И вот в благодарность за это он организовал мне ночной пропуск в их институт на три дня для работы в камнерезной мастерской. Показал камнерезные и шлифовальные станки с алмазным инструментом, научил безопасно на них работать, дал ящик со всякой каменной мелочью, которую не жалко было портить. Показал приемы работы с горелкой, с помощью которой можно вести пайку серебром. Дал вальцы, на которых можно прокатывать разные, в том числе витые, проволоочки. А дальше, все что я делал, было творческим процессом. И результативным к тому же. За эти три ночи я сделал для Лиды несколько кулонов из мориона, родонита, чароита, сердолика и обсидиана, в том числе с оправками, а также перстень из бирюзы. Еще я привез домой много шлифованных и даже полированных заготовок из агата, лазурита, жадеита, пегматита, яшмы для разных похожих изделий. Набрал целую коллекцию из поделочных и полудрагоценных камней. Ребята сказали, что я даже сделал одну брошь в неизвестной им технике пайки, которую, так получается, что я изобрел самостоятельно. Добиться того качества изделий, что я видел вышедшими из-под рук Оскара Исаевича, мне конечно не удалось. Недостижимым идеалом для меня служило кольцо из великолепных гроссуляров, сделанное для его жены и показанное мне у него дома.

Но все же восторг и удовлетворение от самой работы и от сделанного своими руками были абсолютными. А вот сами руки все же несколько пострадали, несмотря на мою природную осторожность. При шлифовке мелких изделий, которые приходится держать пальцами, кончики пальцев касаясь инструмента моментально лишаются верхнего слоя кожи и краешков ногтей. Но это того стоит. Убираясь после работы, я находил в щелях пола мелкие кристаллики изумруда. Однако меня заранее предупредили, что их лаборатория занимается синтезом искусственных изумрудов, и ничего с собой брать нельзя. Я и не брал, разумеется...

В командировку в Яйлю

Одну из первых командировок от Висимского заповедника (который я еще очень долго по привычке везде именовал Алтайским) я совершил в августе 1982 года в родной поселок Яйлю. Тогда праздновалось 50-летие со дня организации Алтайского заповедника. Сбор участников и пленарное заседание с парадными докладами проходили на турбазе «Золотое озеро» в Артыбаше. Научную конференцию было запланировано провести в Яйлю. И вот после обеда выяснилось, что ко времени отхода теплохода никто не может найти директора (тогда им был А.Г.Зимин) и участников юбилея первого сорта - чиновников самого разного уровня. Мы - участники второго сорта - научные сотрудники всех рангов из

ряда ВУЗов, академических институтов и некоторых дружественных заповедников, не сговариваясь решили ехать без соответствующей команды от принимающей стороны.

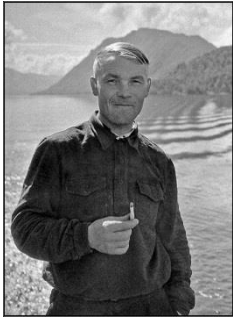
Приехали в Яйлю, опять нет никого из распорядителей этого мероприятия. И тут в соответствии с произнесенным вслух девизом - «Самозванцев нам не надо, командиром буду я» - я уверенно предложил всем свой план: проводить научную конференцию без хозяев и почетных гостей. Я взял у секретарши ключ от директорского кабинета, сел за председательское кресло и объявил о продолжении юбилейных чтений. Успели мы прослушать и по ходу дела обсудить два или три научных доклада, и тут появился хозяин кабинета, которому я передал «бразды правления», а ему ничего не оставалось, как принять от меня эти «бразды». Парадные гости («нужники» - нужные люди) не почтили нас своим участием и укатили автономно пьянствовать на гостевой кордон Челюш. В довольно короткий срок все доклады были заслушаны, была принята соответствующая Резолюция, и можно было переходить к главной части юбилея. Все с нетерпением ждали приглашения за праздничный стол.

Стол накрыли на яйлинской террасе в старом яйлинском саду. Хозяйки постарались на славу - все столы были уставлены домашней едой, хватало и горячительных и прохладительных напитков. За длинным-предлинным столом собралось в том числе все яйлинское население. Сидеть предстояло на довольно узких и длинных временных скамейках из досок. Дальше все происходило в самых лучших традициях комедийного жанра. Представитель Главохоты РСФСР К.В.Сторчевой, что курировал кадровые вопросы и осуществлял контроль за выполнением плановых работ, встал и сказал добрые слова о коллективе, о его главных достижениях, а также пожелал устойчивой и плодотворной работы в ближайшие 50 лет. А когда все стоя чокнулись стаканами, выпили и сели на свои скамьи, то сторона Сторчевого с ним во главе дружно стала падать и упала, наконец, вверх тормашками. Смеялась почему-то в основном противоположная сторона стола во главе с директором. Когда народ успокоился директор заповедника А.Г.Зимин решился произнести ответный тост в адрес внимательного и чуткого к нашим нуждам московского руководства. После слов с обещанием существенно улучшить природоохранные, производственные и научные показатели, директор предложил выпить... И когда все дружно сели, то также дружно, как и противоположная сторона всего несколько минут назад, полетели вверх ногами под их злорадный хохот. Думаю, что эти кульминационные события в праздновании 50-летия заповедника запомнились его участникам более всего.

КАК МЫ ОТДЫХАЛИ

Как был устроен быт, и как мы работали - более или менее я рассказал. Но кто же поверит, что даже самые сумасшедшие научные сотрудники не отдыхают. Хотя бы время от времени. Отдыхали и мы. Мне кажется, что неплохо.

Общественная баня в Яйлю была не только способом поддерживать чистоту тела, но и отменным развлечением и клубом. При этом соблюдалось четкое деление на женские и мужские дни. Обычно мы ходили в свой «клуб» по субботам и проводили там едва ли не по полдня. Была замечательная парилка. Добротных березовых веников каждый заготавливал по несколько десятков. Среди мужского коллектива находились записные рассказчики, которые запускали беседы на самые различные темы. Среди этих тем преобладали, пожалуй, практические и даже чаще всего технические. Парк лодочных моторов был в основном убогим и старым. У каждого находилась проблема, которую он бывал не в состоянии решить без консультаций со специалистами. Именно здесь такие признанные специалисты как «Тятя» - моторист Илларион Иннокентьевич Зиновьев или Альвиан (Вениамин) Сидорович Санаров или Семен Трифионович Блинов проводили тематические семинары. Про политику («за политику»), но без всяких диссидентских завихрений, тоже беседовали подолгу и с азартом. Как-то удивительно, но практически не обсуждалась тематика «про женщин». Настоящим сибирским мужикам не пристало чесать языки попусту. Была еще одна неперемнная тема - критика местного начальства, которое всегда делало меньше для своих людей, чем по мнению большинства следовало бы. Да и сами начальники в этих разговорах присутствовали на равных с прочими.

Более всего в банных ритуалах запомнились обязательные омовения в очень холодном во все времена года Телецком озере после посещения парилки. Такие контрастные процедуры повторялись столько раз, сколько посетитель ходил в парильное отделение. Исключения не делались и в зимний период, когда озеро уже замерзло. Тогда особо отчаянные здоровяки делали во льду не очень большую прорубь, и с криками (в том числе с отборным матом) ныряли с головой, и находились там даже подолгу. Прочие, в том числе и я, обходились снежным обтиранием прямо у банного крылечка. Такие процедуры давали запас бодрости на всю неделю. Не надо говорить, как все ждали следующего банного дня.

Прямо в конторе заповедника в актовом зале, находившемся на первом этаже, был устроен кинозал с отдельной кинобудкой. «Обилечиванием» зрителей и демонстрацией фильмов занимался хромоногий и многодетный Саша Руколеев. Это ему всегда радостно кричали при встрече дети - «дядя-Руко-Саша-леев». Он же ездил в Иогач, чтобы привезти очередную бобину с новым (почти всегда весьма

старым) фильмом. Для детей раз в неделю устраивались детские сеансы. А если на афише было написано «КДС», то это означало - «кроме детских сеансов», и что фильм предназначен к показу для людей старше 16 лет. Народ в кино ходил активно, пока не запустили в Яйлю свой собственный телевизионный ретранслятор.

Собирались мы и за столом по самым разным поводам – Новый год, День Советской Армии, Восьмое марта, Седьмое ноября, а также дни рождения, новоселья и проводы тех или иных сотрудников. Застолья были немудреные, напитки и закуски также под стать им, поскольку в магазинах никаких разносолов не имелось. Самым главным в этих сборищах была не выпивка и не закуска, а общение, да еще более важная для женщин возможность потанцевать под радиолу. Буквально гимном таких застолий являлся модный в те времена душещипательный хит Валерия Ободзинского – «Эти глаза напротив».

В каждый советский праздник в клубе проходило поселковое торжественное собрание и устраивался праздничный концерт. Женщины пели хором и соло. Читались патриотические и лирические стихи. Дети устраивали пирамиды и инсценировки. Любимым их жанром были речёвки. Изредка выступал местный ВИА, ядро которого составляли два гитариста - В.А.Яковлев и Н.И.Извеков, а пели самые голосистые в поселке дамы. Все такие мероприятия неукоснительно заканчивались долгожданными для женщин танцами. Мужики нечасто, но все же поддавались их настроению. Особенно на Новый год и на Восьмое марта. Похоже у местных дам в этом поселковом клубе я считался записным танцором.

Обязательным праздничным мероприятием был сбор и митинг у Камня Памяти погибших в годы Великой отечественной войны. Большинство ушедших на войну работников «первого» Алтайского заповедника (более пятидесяти человек) погибло в боях или умерло от ран в первые послевоенные годы. Нашими сослуживцами и почетными участниками этих митингов были участники той войны - бухгалтер Е.М.Поротников, лесники В.П.Пыжанкин, М.И.Анферов и Ф.С.Назаров, рабочие хозотдела А.Л.Ковалевский и А.К.Туймешев (дед Альчи), одевавшие военные кители с наградами, а также генерал в отставке М.Д.Холод в полной генеральской форме. Работники охраны даже давали праздничный салют выстрелом из табельного оружия - карабинов и пистолетов.

Однажды для наших школьников с привлечением более взрослых яйлинских детей, живших в Иогачском интернате, на 9 мая в ближайшем лесном массиве мы устроили военно-патриотическую игру «Зарница». Главной задачей было не растерять наших детей. Они так вжились в роли воинов противоборствующих армий «синих» (или «красных»), что боролись с противниками до последнего, не давая «врагу» снять погоны (что значило смерть воина). Наша дочка Катя так

отчаянно сопротивлялась этому, что даже кусалась. При этом от нее отступили даже великовозрастные яйлинские записные хулиганы - братья Поюченко. Начало боевых действий и их конец отмечались выстрелами из ракетницы.

А вот любимым мероприятием (не скажешь, что развлечением) были утренние десятиминутные (они могли длиться и до получаса) политинформации по понедельникам, которые проводил очень информированный во всех вопросах мировой и советской политики Михаил Дмитриевич Холод - генерал-майор в отставке. Он читал и анализировал, а потом доводил до нас огромное количество самой разной малодоступной информации. Все это воспринималось, несмотря на бытовавшую в Яйлю поговорку - «За Ажами советской власти нет», вполне политкорректно, и даже патриотически. Ажи - это мыс в 10 километрах от поселка Яйлю в сторону поселка Артыбаш (вблизи истока Би), где находился сельсовет. Диссидентством у нас и точно не пахло. Люди работали, и болтать было некогда...

На Новый год устраивались очень фантазийные «ёлки» с подарками для детей. После чего начинался общепоселковый (иногда костюмированный) праздник для взрослых. Однажды перед 1973 Новым годом был устроен конкурс среди яйлинских дам за звание «Мисс Яйлю». В нем решила участвовать наша Лидия Викторовна в костюме Нефертити. И заслуженно завоевала этот почетный титул! О ее интересном костюме и бесспорном триумфе много лет напоминают нам время от времени наши друзья, с которыми мы эпизодически общаемся.

Народ в Яйлю жил в основном молодой и спортивный. С наступлением устойчивых морозов и с выпадением снега появлялась возможность показать себя в зимних видах спорта. Необходимость именно на лыжах проводить зимние маршрутные учеты животных ввиду не имеется. Это была только работа. Для демонстрации своих спортивных кондиций мы устраивали лыжные соревнования - бег на спортивных или камусных лыжах по Яйлинской террасе на 2-3 километра. Устраивались и рискованные спуски на этих же лыжах с верхней террасы по очень крутому склону от озерной станции прямо в поселок. Трасса эта оканчивалась узким проходом между заборами, что было особенно опасным делом. И как я помню, в одном из таких соревнований я умудрился спуститься быстрее всех. После этих спусков устраивались еще и соревнования по стрельбе из пневматической винтовки по бумажным мишеням. Получался такой своеобразный биатлон.

На коньки люди вставляли в тот недлинный период ледостава, когда чистый и прозрачный лед еще не покрывался снегом. Коньки одевали, как казалось, практически все жители Яйлю. Доставались из сараев экзотические «снегурки», самодельные «ножи», и даже какие-то неизвестные мне двухлезвийные коньки. При этом все эти «снаряды» прикручивались нехитрым веревочным креплением прямо на валенки. Обычные коньки с ботинками встречались далеко не часто, а коньки для фигурного катания были вообще уникальным явлением. Люди просто катались, наслаждаясь скольжением. Хорошо было также катиться по ветру с распахнутыми полами одежды. Некоторые мастера выводили на лед даже самодельные буера.

Помню однажды мы с Тamarой Алексеевной Плищенко (тогда она была техником-лесоводом) составили компанию нашему фельдшеру Любове Матвеевне Попикиной в ее пробежке на коньках на кордон Челюш и обратно (профилактическая однодневка), чтобы проведать там жаловавшуюся на давление тетю Тасю (Таисью Яковлевну) Анферову. Путь этот в один конец составлял ни много ни мало порядка 35 км. Запоминающаяся была пробежка. Самое удивительное, что эта нагрузка для наших нетренированных ног оказалась вполне посильной. Да и трещины во льду, довольно часто встречавшиеся нам на пути, были благополучно преодолены.

Можно сказать, что почти любимыми были для нас воскресники (или субботники), которые довольно регулярно, но и не слишком часто, устраивались руководством по случаям, которые требовали много неквалифицированной рабочей силы. К этим случаям относились авральные разгрузки катера с продуктами для магазина, коллективная заготовка дров для детского сада, школы, общественной бани и особо прожорливой котельной, которая отапливала нашу контору. Также дружно после зимы вблизи конторы «причесывалась» территория, которая была лицом поселка, поскольку примыкала к месту причаливания туристических теплоходов. И что удивительно (а может быть и не удивительно), после окончания субботника, в научном отделе довольно часто и совершенно произвольно устраивались дружеские застолья.

Каких высот при этом достигал трудовой энтузиазм, можно судить по удивившей меня производительности труда на колке дров одного из сыновей знаменитого Николая Павловича Смирнова - Николая Николаевича. Комплекции он был примерно моей - худой и длинный. Только в отличие от меня занимался физическим трудом ежедневно. Он в начале семидесятых годов был в заповеднике простым разнорабочим. Надо бы добавить - настоящим «стахановцем». Вот чему в один из таких воскресников я был свидетелем: он единолично наколот и сложил в поленицу за семь часов 14 кубометров дров для местной котельной-кочегарки! Мой лучший показатель едва ли достигал пяти кубометров.

Дружно и весело проходили коллективные выходы на заготовку сена для казенных лошадей. В основном сено косили конной косилкой, а вот ворошить сено, копнить, а также складывать его в стога приходилось вручную. Иногда нас, как потребителей молока, приглашали для заготовки сена для нашей коровы - кормилицы. Корове-то все равно было, кто ей сено заготавливал. А мне всегда было приятно поработать на соседей, которые в авральные периоды сенокоса очень нуждались в нашей посильной, хотя и эпизодической, помощи. Удалось нам с Лидой и Катей уже в 1991 году поучаствовать в заготовке сена для коровы, что держали тогда Соня Костенко и ее дочка Юля - Катина одноклассница. Тогда, через 10 лет после переезда на Урал, мы с ностальгической поездкой посещали Телецкое озеро.

Праздниками были и коллективные выходы на лед для блеснения окуня в богатый рыбой Камгинский залив. Пару раз в середине марта я попадал на такую рыбалку. Непонятной была снасть, на которую должна была клевать эта хищная рыба. Это был тяжеленный латунный шестигранник толщиной не менее сантиметра и длиной до десяти сантиметров с двумя тройниками. Мне изредка попадались небольшие окуньки, весом заведомо меньше такой любопытной блесны. Но главное, в тихом безветренном заливе народ раздевался по пояс и принимал солнечные ванны. Правда в тени кожа остывала довольно сильно, и приходилось постоянно подставлять солнцу то грудь, то спину. А вот носы у нас успевали даже поджариться за день такой рыбалки.

Был еще выход за окунем и в еще одно окуневое место - на незаповедное горное озеро Бландуколь - куда я не попал по какой-то причине. А озеро было замечательное. В свое время оно было абсолютно безрыбным. И вот в порядке улучшения общей продуктивности рыбных ресурсов территории соседнего леспромхоза зав. Телецким стационаром БИ СО АН СССР Генрих Генрихович Собанский выпустил окуней. Через десяток лет там сложилась своеобразная ихтиологическая система. Кроме окуня здесь вообще не было другой рыбы. Мелкий окунь находил здесь много доступного корма и быстро рос. А вот с переходом на хищничество он был вынужден ловить более мелких своих собратьев. Самые старые экземпляры достигали прямо-таки гигантских размеров и веса порядка килограмма. При этом количество мелких и средних по размеру окуней вовсе не сокращалось и было очень значительным. Вот такой там был своеобразный «окуневый рай»...

А вот такой вид рыбалки, как ловля тайменя на дорожку, была доступна вообще мало кому. И она была сугубо индивидуальным занятием. Более других в этом деле был замечен начальник Телецкой озерной станции Валентин Васильевич Селегей. Он утверждал, что для поимки одного тайменя ему требовалось многократно «проутюжить» на небольшой скорости центральный плес озера и истратить для этого не менее полутонны бензина. Блесна воистину гигантских размеров следовала не менее чем в сотне метров за лодкой. И редко, пожалуй, даже не каждый год, на нее попадался таймень. Я слышал про нечастые поимки рыб весом 10-12 и более килограммов. В литературе приводились сведения о поимке в нашем озере тайменя весом даже 48 килограммов. А вот основную часть поголовья тайменя все эти годы на зимовальных ямах в нижнем и среднем течении реки Чулышман планомерно уничтожали коренные жители Алтая. Самое удивительное, как я слышал от старожилов, что почти до сороковых годов алтайцы, живущие там, вообще не считали нужным ловить и есть рыбу, даже такую ценную, как таймень.

В порядке отдыха мы с Лидой в первые годы нашей жизни на Алтае ходили несколько раз на ближайший к Яйлю глухариный ток, чтобы послушать и полюбоваться этими красивыми птицами. Обычно это было в первой половине апреля, когда в лесу местами был даже глубокий снег. Выходить надо было еще по темноте и последние километр или полкилометра следовало идти очень

осторожно, чтобы не спугнуть этих осторожных птиц. Наблюдать этот древний и красивый ритуал было очень интересно. Взрослые «петухи» важно выхаживали по земле и потом громко щелкали клювом. После этого, обычно нерешительно, начиналась вторая часть песни, когда «бормотание» глухаря проходило вначале недолго, а потом все дольше и дольше, и в финале он переставал слышать все что бы вокруг него не происходило. Иногда случались стычки между глухарями. Самки (капалухи) ходили поблизости, и на глаза попадались реже самцов. Молодые самцы прилетали позже начала тока и размещались на деревьях, откуда иногда было слышно, как они ненадолго вступают в число солистов.

Глухарей в заповеднике было много. Потом в течение лета приходилось довольно часто встречать взрослых птиц, гнезда с яйцами, совсем молодых и уже подросших птенцов. Зимой встречи с глухарями были не менее интересными. Ночевать они устраивались, прячась под снег на больших полянах. И когда рядом проходил лыжник, то тогда со страшным шумом впереди или сбоку от него, разбрызгивая фонтаны снега, взлетала такая огромная птица, что невольно можно было испугаться.

В начале нашей жизни на Алтае мы сталкивались с непонятным нам рыком, который раздавался иногда на склонах озера в конце лета - начале осени. Мы его сначала посчитали за рев медведя. Правда только до тех пор, пока не пришлось услышать именно ревущего медведя - его уже потом ни с чем не спутаешь. А оказался этот довольно отрывистый неизвестный нам рык всего-навсего ревом козули. Трудно было поверить, что такое некрупное изящное копытное животное может издавать такие грубые звуки.

Никакие праздники не обходились без выпуска стенных газет. Наверное, они были и до моего приезда. Но вот газета, которую мы выпускали буквально за один - два вечера, начиная с середины семидесятых годов в содружестве с научным сотрудником - гидрохимиком Татьяной Александровной Олигер (иногда в этом деле участвовали и другие люди), запомнилась не только нам, но всему поселку. У нас была твердая уверенность, что стенгазету с нетерпением ждали не только работники заповедника, но и вообще все жители поселка. Газета поэтому имела говорящее название - «От бани до конюшни». Размер она имела весьма внушительный - два, порою три ватманских листа, на которых основную часть составляла шутливая стихотворная история (или несколько историй в виде машинописного текста и шутливых рисунков) на основе важных для всех поселковых, а то и придуманных специально событий. Были также еще шуточные «Приказы=Проказы Деда Мороза», были шуточные и ироничные поздравления, для очень многих людей в них упомянутых. Надеюсь, они не казались обидными для них. Понятно, что в основном газета выходила один раз в год непосредственно перед наступлением Нового года. Жаль, что весь этот бесценный фонд сгорел вместе с конторой и архивом заповедника в 1999 году. Но эту традицию я, по заведенной привычке, продолжил (преимущественно

единолично) с 1982/1983 года вплоть до 2002/2003 года в Висимском заповеднике. Там газеты, надеюсь, сохранились в библиотеке и до настоящего времени.

Многие жители кроме любимой работы и разнообразных домашних дел, разумеется, находили время для чтения. Люди активно ходили в поселковую библиотеку, обменивались книгами из личных библиотек. А они, порою, бывали огромными и уникальными. Свежие новости и художественные произведения доходили в Яйлю с периодическими изданиями - газетами и журналами. Их многие выписывали десятками. Любимыми у нас были научно-популярные журналы «Наука и жизнь», «Химия и жизнь», «Природа», «Юный натуралист», «Юный художник», художественные журналы «Иностранная литература», «Звезда», «Новый мир», «Роман-газета», общественно-политические - «Работница», «Крестьянка», «Огонек», и газеты - «Книжное обозрение», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Комсомольская правда», «Алтайская правда» и «Молодежь Алтая». Получали мы и областную газету «Алтайдын Чолмоны» (с алт. *Звезда Алтая*). В порядке популяризации экологических знаний и пропаганды идей охраны природы мы и сами писали время от времени статьи в местные газеты.

Со временем мы приобрели качественный рижский стереофонический проигрыватель «Вега» и стали активно покупать пластинки с классической и популярной музыкой, а также пластинки с детскими сказками для Кати. Так что наша культурная жизнь в глухой тайге совсем не заглохла. Да и в командировках удавалось посещать театры, музеи, выставки. Со своей музыкальной коллекцией мы не расстались и до сего времени. Правда теперь проигрыватель сменили на корейский Samsung. А основным слушателем и ценителем всего этого богатства постепенно становится внучка Марина.

Хватало времени и для творческой самореализации. Практически все, в том числе и мы, занимались фотографированием (хотя и с разной степенью непрофессионализма). Были настоящие таланты, которые находили себя в любительской живописи (В.А.Шилов, И.А.Филус). На кордоне Кокши жили профессиональные художники - муж и жена Леонид и Раиса Шилкины. К ним всегда было приятно заезжать, чтобы посмотреть на их новые работы, подсказанные роскошной алтайской природой. Были и любители таких развлечений, как массовые и даже недобрые розыгрыши. Саша Овчинников однажды на полном серьезе составил список обманутых людей, которые захотели купить птенцов цесарок, что должны были эффективно собирать личинок и взрослых колорадских жуков с яйлинских картофельных огородов. Идея пришла ему в голову после приезда в поселок ученого, который на самом деле разводил цесарок, но не планировал продавать их людям.

Мне, как выяснилось со временем, ближе оказалось самое доступное и очевидное в лесу занятие. Это поиск разных деревяшек, к которым можно было приложить немного труда, чтобы вышли приятные, хотя может быть на чей-то взгляд и «мало-высоко-художественные» изделия. А я так прямо даже горжусь, что со временем из-под моих рук вышло несколько утилитарных деревянных изделий, которые хранятся у нас дома и напоминают мне о нашей замечательной жизни на

Алтае. Это, к примеру, две чаши из березового и пихтового капа, подставка для карандашей и резные ложки из кедровой древесины.

Но есть еще два изделия, о которых следует рассказать подробнее. Они, кстати, являются одним комплектом, состоящим из большого и маленького подносов, которые сделаны из одного куска кедрового корнекапа. Эту кедровую деревяшку, выветренную в давно прошедшие столетия до благородной седины, и насквозь пропитанную кедровой смолой, я нашел значительно выше современной границы леса на хребте Куркуре в экспедиции 1977 года. Этот факт позволил мне сделать приблизительный расчет возраста этого артефакта. С учетом того, что лес с такими вымирающими от старости деревьями мог расти здесь не менее 1000 лет назад, а возраст того дерева тоже мог достигать тысячи лет, я сделал вывод, что этой деревяшке около 2000 лет и она является ровесником Христа. Меня эта мысль грела всегда. Вообще-то я мог бы сделать полноценную датировку этого реликтового остатка бывшего когда-то кедром-исполином, для чего можно было привлечь силы дружественной мне лаборатории дендрохронологии ИЭРиЖ УрО РАН.

Так вот, подобрал я деревяшку. Выкинуть ее я уже не мог ни при каких обстоятельствах, хотя и весила она не менее пяти-шести килограммов. До лагеря я ее донес целиком. Там большую ее часть с внутренней стороны обтесал своим топором. Один более тонкий кусок легко отсоединился от более толстой части. А потом я везде таскал их с собой, пока не закончилась экспедиция и мы не вернулись в Яйлю. Там разными стамесками я придал окончательную форму и толщину изделиям. Как мне кажется, я еще более облагородил эти подносы, выявив великолепную кедровую текстуру и оставив местами естественные сколы и даже ту самую «седину» выветренной веками древесины. Крупный поднос висит на стене в квартире у дочери, напоминая ей об алтайском детстве. Мелкий поднос служит нам постоянно в качестве тарелки для хлеба на обеденном столе. А ведь первоначально предполагалось, что это будет стильный подносик для коньячного набора. Впрочем, это еще можно будет сделать к свадьбе внука.

Выше я уже писал, что мы однажды отдыхали с дочкой на Черноморском побережье в Гаграх. Но была еще одна замечательная и экзотическая поездка во время отпуска в солнечный Узбекистан, которую мы с Лидой совершили, залетев на три дня в Ташкент из Москвы. После ночлега мы побродили по центру города, посетили краеведческий и художественный музеи, были на местном базаре. На ночь глядя сели на поезд и уехали в Самарканд. Вот там-то и смогли мы вполне погрузиться в атмосферу настоящего среднеазиатского города с ишаками на улицах, с прекрасной архитектурой, с мечетями, медресе и мавзолеями, с изобильным и красочным азиатским базаром, с экзотическими женскими нарядами. Торговались, общались, фотографировали, бродили по тесным улочкам и по современному кладбищу. Все было ново и интересно. От поездки осталось много

впечатлений и целая коробка прекрасных ярких и красочных, как весь этот южный мир, слайдов.

Вернувшись наутро в Ташкент, мы перелетели через Алма-Ату в Барнаул. Сильно пожалели, что не можем также побродить по прекрасной столице Казахстана, где еще в дореволюционные годы жили мои предки. Тогда это был город Верный, столица Семиреченского казачьего войска. Именно оттуда родом были незнакомые мне мои дед и бабушка по материнской линии. Но это уже совсем другая история.

ЛОДКИ

Когда мы приехали на озеро, у заповедника был один катер для обеспечения всех перевозок с целью доставки работников охраны и научных сотрудников к местам их работы, а также для выполнения хозяйственных задач, которые решал заповедник по жизнеобеспечению его работников и всего поселка. Летом можно было пользоваться услугами теплохода «Пионер Алтая», который курсировал по озеру ежедневно с туристами на борту. Постепенно флот заповедника пополнялся индивидуальными средствами передвижения, которые давали возможность оперативнее решать задачи, стоящие перед лесным и научным отделом. В итоге и я в качестве оплаты за участие в хоздоговорных работах БИ СО АН СССР по разработке методов защиты кедров при посеве получил в 1973 году современную индивидуальную относительно безопасную лодку «Обь» с подвесным мотором «Вихрь». Я был вторым «владельцем» такой лодки на озере, после заведующего Телецким стационаром БИ СО АН - Г.Г.Собанского. До этого в научном отделе была только одна старая «Казанка» с маломощным мотором «Ветерок».

Чтобы лодка ездилась ей надо жутко много бензина. Лодочные моторы на бешеных оборотах крайне неэффективно его расходуют. Тогда бензин стоил относительно недорого, но доставлять бензин в Яйлю из Бийска было трудно и дорого. К тому же все ресурсы очень жестко лимитировались московскими начальниками и снабженцами. Так на рядового лесника (сегодня они называются инспекторами) выделялось лишь 20 литров на месяц. Мне для выполнения своих обязанностей приходилось использовать до 1000 литров бензина за навигацию. Бензин я очень часто покупал за свои деньги и ездил за ним на платную заправку в поселок Артыбаш. Что это значит - сейчас станет более или менее ясно. Берешь пустую бочку емкостью 200 литров, едешь с ней на лодке 30 километров, вытаскиваешь лодку и привязываешь ее, катишь бочку метров на 200-250 вверх по

склону к заправке, заправляешь, и катишь назад к лодке. Там ценой каких-то бешеных усилий, с использованием технических ухищрений вроде трапа из толстенных досок, загружаешь бензин в лодку. Едешь назад, поднимаешь лодку лебедкой на берег по стланям. Выгружаешь бочку и катишь ее в свой деревянный сарай для хранения бензина еще метров 15-20. Дальше на этом бензине едешь сам, возишь своих помощников и коллег. Операция эта занимала не менее полудня и выполнялась с чрезмерными для спины нагрузками.

Вообще плавание на лодке по Телецкому озеру было откровенно опасным делом. Но выбора особого не было, поскольку иначе любые перемещения становились зависимыми от теплоходов. А они выполняли свои рейсы по своим графикам и в своих направлениях.

Неоднократно я имел возможность сравнивать надежность разных лодок при сложных условиях навигации по озеру. В первую очередь это были внезапные и сильные ветры, приводящие к очень высокой волне. Пока мы плавали по очереди с другими сотрудниками на «Казанке» я убедился, что эта лодка вообще не пригодна для навигации по Телецкому озеру, поскольку это была лишь клепаная алюминиевая плоскодонка, которая не позволяла ехать при наличии даже легкой боковой и вообще сильной волны. Спустя много лет проблему с типовыми и достаточно безопасными индивидуальными лодками для охраны и науки была решена централизованно. Большую часть лодочного парка стали составлять большие, тяжелые, но надежные лодки «Прогресс-4». Управлять ими можно было уже не держась за румпель и сидя рядом с мотором, а вполне цивилизованно - сидя за стеклом на переднем сиденье и держась за руль.

Какое-то время мне пришлось перемещаться на небольшие расстояния на миниатюрной цельносварной лодке «Янтарь», которая даже с небольшим мотором по сути дела превращалась в быстроходную лодку, которая того и гляди грозила занырнуть даже под среднюю по силе встречную волну. Однажды я перевозил на ней на другой берег для работ на высотном профиле географа Ольгу Андреевну Шематову. И буквально за считанные минуты от слабого волнения озеро разбушевалось до шторма. Так что доплыть до другого берега уже было серьезной проблемой. Лодка поднималась на крутую короткую волну, мотор хватал воздух, винт бешено крутился, лодка резко тормозилась и срезала гребешки волн. В лодку попадало очень много воды. Меня галсы так, чтобы входить в волну хотя бы под углом в 45 градусов, мне все же удалось приноровиться к такой волне. Лодка, критически переваливалась с борта на борт, но имея дополнительные були (специальные устройства вроде полых коротких крыльев для повышения ее устойчивости), благополучно доставила нас в относительно безветренный заливчик Ыдып. Поволноваться нам, а также сотрудникам, которые видели, как мы попали в «низовку», пришлось изрядно. А вот посмотреть, как эта же лодка с 25-сильным мотором на полной скорости (но при тихой воде) буквально как скутер

летит под управлением нашего завхоза Виктора Георгиевича Макашова, было откровенно страшновато. В воде, по сути дела, находился только винт, и тогда любая помеха в воде могла быть фатальной.

Можно привести еще несколько примеров моих рейсов на лодке, что случались со мной в разные годы и со стороны казавшихся рискованными. Но это была уже более надежная лодка «Обь», возможности которой мной были освоены. Однажды выезжал я домой в Яйлю из Кыгинского залива, что находится в южной части озера. Даже в этом относительно закрытом от ветра заливе дула весьма заметная «низовка», и спихнуть лодку в озеро и отплыть от берега уже было серьезной проблемой. Волны упорно выбрасывали лодку обратно на берег, добавляя в нее все новые и новые порции воды. Наконец, повернув лодку носом к волне, вымокнув едва ли не по пояс, мне удалось отплыть от берега и завести мотор. На основном озерном плесе «низовка» бушевала гораздо сильнее. Я заехал на кордон Чири (он в заливе), подождал с полчаса; показалось, что ветер слегка стал стихать. Я решил ехать, а со мной до Яйлю напросился попутчик из временных рабочих, которых летом бывает в заповеднике не менее десятка. И, вот когда мы вырулили за мыс Аранак, прикрывающий Кыгинский залив, «низовка» показала нам свою мощь. Волны казались гигантскими, поскольку у них был разгон длиной во всю меридиональную часть озера. Казалось, что клепки вылетят, а все стрингера и шпангоуты рассыплются от мощных ударов волн по дну лодки. Нам удалось доехать до мыса Верхний Камелик близ Беле, где в это время стоял наш катер. И мой натерпевшийся страхов попутчик, не дожидаясь, пока я подтяну лодку к берегу, выскочил из нее прямо в воду. Дальше он решил ехать на катере. А я без комфорта, но уже и без риска, доехал до кордона Кокши.

Правда от этого кордона со мной решила ехать Любовь Филипповна Красникова (наблюдатель гидрологического поста Телецкой озерной станции), которой надо было срочно попасть в Иогачскую больницу. Но и ей пришлось несладко. Пока мы переплывали на другую сторону озера, где волна была слабее, бедная Любовь в один из моментов так сильно подскочила вверх, что потом проломила довольно толстую доску, служившую ей сиденьем. Подозреваю, что в такие переплеты она попадала уже не однажды, поскольку никаких панических действий не было, и соответствующих сложившейся ситуации высказываний о моем «классе вождения» я от нее тоже не услышал.

Вот будет кстати еще случай, который произошел на моих глазах примерно во второй половине декабря с мужем Любы - Геннадием Леонидовичем Красниковым.

Кордон Кокши в это время уже бывает практически недоступен для лодок. Ледовый режим в это время уже исключает лодочную езду. Так или иначе, но после очередного неудачного сеанса связи, Красников решил поехать в Яйлю, чтобы не остаться на зиму вообще без связи с центральной усадьбой. И вот работники охраны видят в бинокль довольно страшную картину. По озеру в нашу сторону, тяжело, разбрызгивая ледяную воду на волнах, едет моторная лодка. Подъехать-

то к берегу конечно можно, но вот из-за высокого и выходящего в воду «припоя» (из поломанного и вынесенного на берег довольно толстого льда) выскочить лодке не удастся. Решение приняли быстро. Топором и ломиками разломали лед, чтобы лодка могла притиснуться к берегу. Красников правильно понял этот маневр и точно «зарулил» в эту нишу. Тут его лодку подхватили руками четверо лесников и быстро вытащили подальше от воды. А вот самого Геннадия буквально пришлось вырубать из скамейки, на которой он сидел, управляя мотором. Его шуба, как и борта лодки были покрыты толстым слоем льда. Плыть с таким грузом на борту крайне опасно.

Вот другая история, которая случилась со мной вблизи кордона Кокши. Ехал я в южную часть озера. Была сильная «верховка», и я «зарулил» передохнуть в крошечный заливчик рядом с кордоном. Я попил чаю (правда ветер так и не стих), и на малой скорости двинулся дальше, не отплывая далеко от берега. Дальше все случилось совершенно неожиданно для меня - лодка «клюнула» носом во внезапно возникшую впереди огромную волну, черпнула невероятное количество воды (при этом было выдавлено и разрушено плексигласовое «стекло»), и критически задрала нос вверх. Мотор при этом не заглох, но, будучи сильно погруженным в воду, работал с перебоями. Мне удалось подрулить к крупнокаменистому берегу, ценой бешеных усилий частично вытащить лодку на берег, вычерпать большую часть воды из нее. Потом в более спокойном темпе я смог вытащить лодку совсем, окончательно слить воду и прочистить мотор. Потом только я понял, что меня «подловила» так называемая «стоячая» волна, которая периодически возникает от сложения двух разнонаправленных волн. Одной из них была озерная волна с юга («верховка»), другой - прибрежная волна, возникшая в озере при впадении быстрой и крупной реки Кокши. Такая вот получается озерная наука - лимнология...

Не менее опасной была езда по реке Чулышман, куда мы попадали сравнительно редко. Фарватер у нее очень узкий, русло периодически изменяется, дно бывает с крупными камнями, река местами разделяется на мелководные протоки, в которых часть русла бывает перегороджена видимыми и не видимыми из лодки затопленными стволами деревьев. Ехать туда без горсти запасных шпонок очень рискованно. Проехать без того, чтобы винт не зацепил за камень или корягу, почти невозможно, особенно в маловодные периоды. И тогда, когда лодку несет вниз по течению, надо на веслах причалить к берегу, либо спуститься до тихого плеса и поставить новую шпонку. Бывало, что и винт ломался совсем. Осенью обычно двумя лодками (как правило это была «Обь») мы выезжали туда за облепихой.

Но вот однажды мне пришлось подниматься по Чулышману на огромной лодке «Казанка-2». Лида возвращалась из экспедиции и по радиации попросила меня встретить ее на кордоне Ак-Курум, поскольку тогда не пришлось бы искать новых людей и лошадей для ее доставки к Телецкому озеру на кордон Чири. Директором временно тогда был ботаник Александр Владимирович Галанин. Он дал мне свою большую лодку, поскольку экспедиционного груза было много. И я к вечеру выехал

из Яйлю. Было еще не поздно и ночевать в Чири мне не захотелось, вот я и решил ехать сразу к месту встречи. Я проехал благополучно половину пути, но потом ночь наступила как-то внезапно. Стали попадаться неизвестные (или казавшиеся неизвестными) протоки. Мелководные плесы казались вообще перекатами. Деревья на берегах реки еще больше затемняли поверхность воды. Ориентироваться было очень трудно. Особенно, если учесть, что в эти места мне приходилось ездить лишь считанное число раз. Так или иначе, но я все же доехал до лагеря, когда меня уже и не ждали.

Наутро мы загрузились и поехали назад к озеру. Проблем возникало гораздо больше, чем при вчерашнем экстремальном ночном рейсе. В некоторые протоки лодка с трудом вписывалась со своими габаритами. Бессчетное число раз мы цепляли винтом дно. Местами вообще спускались без мотора, а только на веслах. Зацепив напоследок пару раз песчаное дно в непростом фарватере Чулышмана в его устье, мы вышли на озерную воду и приплыли в Чири. Нам было вообще непонятно - как же я проехал по этому маршруту ночью? Объяснение (кроме общего везения) было также простым. Лодка вверх по реке плыла практически не загруженной. Осадка была минимальнейшая, и даже мелководья были для нее проходимыми. Серьезный груз сделал лодку тяжелой и маломаневренной. Она стала задевать все препятствия, которые вчера я проходил играючи.

Бывали случаи просто анекдотические. Приехал наш начальник А.В.Галанин из командировки ближе к вечеру на берег Телецкого озера, а его никто не встречает. С попутной частной лодкой мне сообщили, что он просит за ним приехать. Дело срочное. Вскочил я в свою «Обь» и помчался в Артыбаш. Чуть ли не там только выяснилось, что весла в лодку я положить забыл. Подплыть к заезшему дому заповедника не так просто. Он находится в крошечном заливчике, в который надо проплыть по быстрой и каменистой протоке. Зацепишься винтом за камень, и потащит дальше под мост к истоку Бии. Обошлось. Нашел Галанина, сообщил, что без весел. Поискали другие, да не нашли. А выплывать в озеро - та же проблема возникает. Протока эта каверзная - очень уж узкая и кривая. Но решили, поплывем. Домой-то хочется... И выплыли на большую воду с божьей помощью. Больше я весла никогда не забывал. Да и винт запасный в лодке всегда имелся.

Было дело, приходилось и ночью по озеру ездить. Это случалось несколько раз, когда довольно поздно вечером выезжал на турбазу «Золотое озеро», чтобы читать лекции и показывать слайды туристам (а их собиралось до трехсот и более). Когда луна и силуэты гор видны, то ехать конечно можно. Если, разумеется, знаешь, где к берегу опасно приближаться. А вот чего никто гарантировать не мог при такой езде, так это того, что не попадет в воде топляк. Плавает такое притопленное бревно или ствол по озеру, а его и днем-то не видно, не то что ночью. Но обошлось...

А вот первому нашему директору Геннадию Михайловичу Дорохову не повезло фатально. В середине ноября 1972 года ночью он один возвращался с кордона Челюш (более тридцати километров от Яйлю) на своем директорском катере и по

официальной версии наткнулся на такой топляк. Доподлинно проверить это было нельзя, поскольку катер утонул и не был обнаружен. При максимальной глубине озера в этом районе порядка трехсот метров это и немудрено. Самого Дорохова, в спасательном круге от катера вынесло на берег в Чилиях, обнаружили на следующий же день частично вмерзшим в прибрежный ледок. Есть по крайней мере еще пара версий: новый, но фанерный катер с автомобильным мотором мог быть не вполне исправным (разболтался несущий вал и разрушил лодку), и та же версия, но с добавлением, что эту неисправность ему подготовили недоброжелатели. В это легко поверить, если напомнить, что заповедный режим не позволяет на всей охраняемой территории рыбачить и охотиться. А браконьеры - народ опасный.

В похожую ситуацию попадал я с Дороховым на суше, когда вдвоем на казенном УАЗике мы ехали по узкой горной дороге вдоль Бии от Артыбаша до районного центра Турочак. В какой-то момент наш УАЗ завихлял, перестал слушаться руля, но мы смогли остановиться. При осмотре выяснилось, что рулевая колонка едва держится лишь на одном из трех болтов. С попутным транспортом доехали до ближайшей деревни, нашли запчасти, вернулись, закрепили колонку как положено и поехали дальше. Иначе как покушение на жизнь официального лица, руководителя заповедника, этот случай назвать трудно. Но и невозможно оказалось проверить, кто к этому причастен.

Еще в связи с лодками можно вспомнить случай, когда было просто страшно. Он произошел в рейсе на полпути из Артыбаша в Яйлю после отказа мотора и его повторной заводки. Я едва успел тронуться с места, как вдруг у меня загорелся лодочный мотор. Я сбросил обороты. Остановился. Накинул на мотор штатный защитный кожух, а сверху прикрыл курткой. Огонь погас. Все это делалось в считанные секунды «на полном автомате» и без всяких раздумий. Испугался я уже несколько позже, когда осознал, что бы могло произойти на середине озера с горящим мотором и еще наполовину полным баком бензина, находившемся в непосредственной близости от мотора. А так, успели частично обгореть лишь высоковольтные и иные провода на моторе. Это тут же удалось исправить на скорую руку. Причины этой печальной истории выяснились сразу же: 1 - в поддон двигателя попадал бензин в результате плохой заводки; 2 - крепление высоковольтного провода на свече было нештатное (то есть «на соплях»), поэтому один провод отцепился и зажег пары бензина. А в качестве морали остался следующий вывод: мотор надо тщательно проверять перед выездом.

А вот следующий случай был таким, когда было по-настоящему страшно. Да и произошел он не в лодке, а на берегу озера в Яйлю в «пендешке», где хранились бочки с бензином, моторы и прочие лодочные причандалы. Собирался я ехать по своим рабочим делам на стационар БИ СО АН в Артыбаш. Вылил из бочки в металлическое ведро последние 10 литров бензина и начал через металлическую воронку переливать его в бензиновый бак. И вдруг бензиновые пары вспыхнули, загорелся бак, ведро наполовину с бензином у меня в руках, и, самое страшное - внешние стенки 200-литровой почти пустой бочки, которая при взрыве становится ужасным снарядом. В этот момент я вообще не отдавал себе отчета в своих

действиях: накрыл курткой бензобак, кинул какую-то тряпку на горловину бочки, сделав пару шагов выкинул в дверь почти до уреза воды ведро с остатками бензина, дотушил остатки огня на бочке, лопатой расшвырял горящую гальку на огненной дорожке от горящего ведра к «пендешке», убедился, что все потушено. Трудно сказать сколько времени прошло от момента возгорания - едва ли больше десяти-пятнадцати секунд. Наконец, я сел на крылечко. И вот только после этого испугался. Меня просто трясло, и я не мог встать на ноги. И так продолжалось минут пять, а может быть и больше. Почти пустая бочка из-под бензина, как и газовый баллон при взрыве равноценны противопехотной мине. Трудно представить, что могло бы произойти в любой момент. Тем более, что в сарайчике находилась еще пара бочек с бензином. По всем правилам этого случая не должно было быть. Открытого огня не было. Металлические емкости не должны давать электростатических разрядов. Одна деталь, по зрелому рассуждению, сработала против меня. Куртка на мне была не из натуральных материалов, а из синтетики. Видимо она и была причиной электростатического разряда, а концентрация паров в маленьком помещении в зоне «ведро - бак» была оптимальной для возгорания. Так что в дальнейшем бензин в бак я наливал только на открытом воздухе.

ТРАГИЧЕСКИЕ СЛУЧАИ НА ОЗЕРЕ

Считается, что все трагические случаи при езде на моторных лодках на опасном для навигации Телецком озере происходят с неопытными людьми, разгильдяями и пьяницами. Все-таки это не совсем так. Вот, в подтверждение, история, в которой озеро взяло к себе в жертву одного из самых опытных, предусмотрительных и трезвых мужчин в нашем Яйлю. Анатолий Михайлович Левшенков в свободное от работы время ездил в начале ледостава на другой берег, где добывал норку. В ту сторону он уехал по чистой воде, а когда возвращался, то столкнулся с неожиданной ситуацией - к берегу подогнало огромное поле достаточно толстого льда. И он решил уплыть в показавшийся ему свободным ото льда небольшой заливчик Кобухта вблизи поселка. Что случилось дальше мы все знаем только со слов В.А.Шилова, который в это время шел по склону и видел подплывающую к берегу лодку. Когда до берега оставалось не более 100 метров, лодка ткнулась в крошечную льдину, и быстро стала тонуть. Левшенков звал на помощь, Шиллов бегал по берегу и не мог ничего предпринять для его спасения. Потом Шиллов побежал в поселок, оттуда очень быстро выехало несколько лодок с веревками и баграми, но уже было поздно. И лодка, и Левшенков утонули, лишь сверху было видно огромное пятно бензина. Достать их не удалось, хотя место гибели было точно известно, а на поиски было потрачено несколько дней. Дело в том, что уже вблизи от берега глубина стремительно растет, и может достигать в этом месте уже 100 и более метров.

Другой случай на озере произошел с молодым жителем Яйлю - Олегом Владимировичем Пономаревым в самый радостный для него день. Тогда озеро унесло сразу четыре молодые цветущие жизни. Олег сочетался браком в

Артыбашском сельском совете, после чего радостная компания села в лодки и отбыла на другую сторону относительно мелководного здесь озера в поселок Иогач. Пассажирам одной из них (в том числе жениху и невесте) до другого берега доплыть не удалось. Свадебная суматоха привела к тому, что лодка перевернулась, и все попали в воду. Спасательных жилетов и кругов на лодке не было. Вода была очень холодная. Своевременную помощь их друзья с других лодок им не успели оказать, поскольку в это время уже выдернули их на берег. Было потеряно самое важное первое время. Да и лодка была самая примитивная и не предназначенная для плавания по этому озеру. Именно у родителей Олега все годы своей жизни на озере мы покупали молоко.

Другой Олег, но теперь уже Смирнов, самый младший сын широко известного Н.П.Смирнова, трагически погиб из-за несоблюдения техники безопасности при езде на тракторной тележке по склону озера к вертолетной площадке в пос. Яйлю. Такая езда по самому короткому, но и самому крутому склону была запрещена, однако практиковалась всеми трактористами прямо на глазах у наших беспечных руководителей многие-многие годы. Люди, живущие на берегах Телецкого, пожалуй, уже привыкшие к тому, что именно озеро ежегодно забирает к себе более одного процента взрослых мужчин в год, долго не могли поверить, что так трагически может завершиться привычная всем скоростная доставка почтовых посылок от вертолета к почте.

В ПРОЛИВЕ ЛОНГА

На лодках после отъезда с Телецкого озера я не плавал довольно долго. Однако летом 1984 года все же пришлось совершить весьма драматическую лодочную прогулку вдоль берегов острова Врангеля. Туда мы с Лидой попали в составе полевого отряда ботаников из лаборатории Крайнего севера Ботанического института АН СССР. Подозреваю, что единственным человеком, которому разрешали такое плавание был лесничий (это на абсолютно безлесном арктическом острове). Имени его я, к сожалению, не запомнил. Именно с ним я напросился в поездку от центральной усадьбы заповедника пос. Ушаковское до кордона Звездный. Это порядка 40-45 километров.

Краткая (месяц-два) навигация с использованием маломерных судов там обставлялась рядом серьезнейших ограничений, которые вводились ввиду ее исключительной опасности. У нас была рация и мы должны были каждый час связываться с начальством. В лодке (это был знакомый мне Прогресс-4, но с легкой металлической крышей и люком на ней) было два исправных мотора - один работал, а второй являлся страховкой от поломок. Мы не имели права отплывать далее 50-100 метров от берега. При наличии на маршруте плавающих льдин мы должны были вытаскать лодку на берег.

Туда мы доехали без приключений. Сделали все запланированные дела, и надеялись быстренько вернуться. Однако судьба злодейка нас подловила. Видимо слишком редкие случаи эксплуатации мотора не пошли ему на пользу, и он коварно заглох на обратном пути. От берега дул сильный ветер и на веслах невозможно было держаться на предписанном расстоянии. Кроме того, поставить другой мотор мы могли только вдвоем. Поставили, не утопив при этом ни тот, ни другой. Правда безвозвратно ускользнули от нас не закрепленные веревкой пассатижи. Мой капитан в очередной час (еще до пробной заводки нового мотора) должен был выйти на связь по радиации прямо из лодки. Но связь как на грех отсутствовала. Только после пятой безуспешной попытки мне пришла в голову здравая мысль, что внутри металлического «коробка» связь вообще невозможна. И правда, высунув антенну в люк, мы связались с директором. Договорились, что срочно находим подходящее песчаное место и вытаскиваем лодку на берег. За это время лодку отнесло на добрый километр от берега. Но удача нас не оставила - новый мотор завелся почти сразу же. И мы благополучно подрулили к берегу. Разожгли костерок, а еще через пару часов нас вместе с лодкой вывез на бортовом ГАЗ-66 опытный на острове водитель. Через сутки мне пришлось устно пересказывать директору (Леониду Федоровичу Сташкевичу) мою версию случившегося. Перед нашим отъездом с острова он предложил мне на самых льготных условиях перейти на работу в их заповедник заместителем директора по научной (и всякой иной) работе. Но белые ночи летом и полное отсутствие солнца в долгие зимние месяцы нас не вдохновили на перемену места жительства.

Не представляю, какие меры по нашему спасению в нейтральных водах могли бы предпринять наши старшие коллеги, если бы мотор не завелся?

ВЕРТОЛЕТЫ

Налетались мы на вертолетах за время нашей работы на Алтае более чем хотелось бы. В то же время этих полетов было гораздо меньше, чем требовалось для более комфортных перемещений по огромным просторам заповедника, да и просто при выезде с центральной усадьбы заповедника из поселка Яйлю, а также при возвращении туда после отпусков и командировок. Отношение к вертолетам, и особенно к вертолетчикам, было самое уважительное, трепетное и любовное. И, в самом деле, летали на этих винтокрылых машинах в сложнейших горных условиях, почти всегда с самостоятельным подбором площадок для посадок и взлетов, люди опытные, отважные и надежные. Пилоты не боялись брать на себя ответственность, поскольку в тех условиях, в которых они летали, никакие писанные правила уже не действовали, и никакие начальники не могли им

скомандовать, что надо лететь - и точка. И разных случаев, которые происходили с моим участием, или практически на моих глазах, было много, и они достойны того, чтобы с ними познакомились близкие мне люди.

В 1970-1971 годах в поселок Яйлю с почтой очень нечасто летал крохотный вертолетик Ми-1. Боюсь, что сейчас уже не найдется ни одной такой машины, которая летала бы в нашем небе. Случалось, и мне на нем раз (самое больше пару раз) летать в Турочак или обратно. Это было восхитительное воздушное приключение, особенно потому, что единственный пассажир сидел, как и пилот, впереди. А вот моему коллеге герпетологу Владимиру Александровичу Яковлеву повезло несравненно больше. В один из таких полетов он нахально попросил дать ему возможность осторожненько «порулить». Технически такая возможность имелась, поскольку второе место было оборудовано дублирующим штурвалом для ученика или второго пилота. И ему дали. И он почувствовал то, чего никто другой из местных жителей не чувствовал: «Я лечу! Сам!». Думаю, что пилот быстро взял все управление в свои руки. И летного ЧП не случилось.

Но очень быстро летный парк вертолетов в Горно-Алтайском отряде сменился на современные в тот период вертолеты Ми-2 (которые могли перевезти 5-6 человек) и солидный Ми-8 (который стал основным транспортным средством в горах Алтая, и который мог перевезти до 34 пассажиров). Но еще довольно долго в качестве борта для наблюдений за лесами в пожароопасный период служил такой же старый, как Ми-1, вертолет Ми-4. Кроме пилота на нем летал наблюдатель, который имел возможность связываться по радиации с лесхозами, леспромхозами и заповедником, которые получали от него максимально полную и оперативную информацию.

В середине семидесятых годов мы получили возможность покупать билеты на почтовый Ми-2, чтобы вылететь или прилететь в Яйлю из Турочака. Но из-за частой непогоды рейсы не выполнялись, и мы вынуждены были ездить обычным путем, то есть на катере в Артыбаш, и далее автобусом (почтовой машиной) до Турочака, далее так же до Бийска, или до Горно-Алтайска, откуда уже можно было ехать на обычных автобусах, а от Бийска еще и на поезде. Когда вертолет летал как чисто почтовый, к нашей вертолетной площадке претензий особенных не было, да и за полеты с подбором площадки пилотам доплачивали. Для площадки с правом перевозки пассажиров требования были гораздо более жесткие. И, надо сказать, в нашем поселке так и не смогли сделать такую площадку до самого 1981 года. Да и сейчас ситуация скорее всего не изменилась. Ведь рельеф в этой части озера не мог измениться. Озерная терраса была и осталась неширокой. На близко расположенных от нее склонах и вблизи самой площадки рос заповедный лес. По курсу взлетающего вертолета располагалась ложбина, довольно глубокая и поросшая крупной травой

и кустами. Вниз от площадки шел крутой склон, на котором располагался сам поселок. Взлетать и садиться в таких условиях при наличии сильных и изменчивых ветров очень трудно.

Что это на самом деле так, я имел возможность убедиться, наблюдая за взлетом Ми-2, в котором на полевые работы со студентами и грузом вылетала наша Лидия Викторовна. День был жаркий, вертолет был сильно перегружен. Меня и еще одного студента просто отказались сажать. Мотор ревет на огромных оборотах, винты раскручиваются, вертолет поднимает хвост и отрывается от земли, низко и тяжело уходит с площадки в сторону злополучной ложбины. Там его заметно прижимает к земле. Он цепляет колесами траву и кусты, но не задевая противоположного склона все-таки уходит от террасы вправо к озеру. Там более прохладный воздух помогает ему набрать необходимую высоту. И мы лишь тогда смогли с облегчением вздохнуть. В том же рейсе они вдобавок ко всему еще попали в грозу, но благополучно долетели до Язулы. Туда же мы со студентом с этим же вертолетом прилетели лишь к вечеру следующего дня. Ровно как нам и пообещали наши друзья вертолетчики. Основными пилотами, с которыми мне чаще всего приходилось иметь дело, были командир звена Борис Иванович Смирнов и пилот Владимир Григорьевич Усанов. Удивительно, но со временем выяснилось, что он был одноклассником и другом моего коллеги В.Е.Сергеева, который сначала был аспирантом у моего научного руководителя Б.С.Юдина, а потом многие годы преподавал на кафедре зоологии позвоночных в Кемеровском университете.

В этот же год, с этим же студентом из Иваново, но уже на вертолете Ми-8 мы вылетали из Улагана в Горно-Алтайск. В первый раз на просьбу взять нас с собой без билетов (на полупустой пассажирский рейс) наши знакомые вертолетчики ответили мягким отказом. Сказали - «Смотри, как будем взлетать». И правда, смотреть было откровенно страшно. Взлетное поле здесь расположено на высоте почти 2000 метров над уровнем моря. По правилам на 34-местную машину продавали лишь 15-16 мест. День был очень жарким, а это сильно снижает подъемную силу и возможности для взлета. Раскручиваются винты, мотор ревет, вертолет по самолетному катится по взлетному полю сильно задрав хвост. Передней стойкой задеваются и летят в стороны довольно крупные камни. Пробежав очень большое расстояние, он, наконец, в облаках пыли взлетает и тяжело набирая высоту уходит в небо. Назавтра (был заметно более прохладный день) нас взяли на борт. «Ну?» - спрашивают, - «Видели?». Видели, видели... И очень бы не хотели быть на борту таким образом взлетающего вертолета.

Взял меня однажды один из наших часто меняющихся директоров Александр Гаврилович Зимин (бывший ихтиолог из Томска и любитель рыбной ловли) в рейс на высокогорное озеро Джулукуль. Попутно мы должны были забросить груз из Беле на кордон Язула. Был июль, и погода стояла очень теплая. Для чодринцев и язупинцев взяли бочки с бензином из Яйлю, добавили еще картошки из Беле. Хорошо долетели, разгрузились. Вертолет без людей слетал из Язулы в Улаган для дополнительной заправки. Сели в салон все, кого надо было забросить на озеро. Начали взлетать. Не знаю, как это выглядело со стороны. А нам внутри вертолета

видно было, какой это титанический труд - безопасно взлететь в жаркую погоду с максимальным взлетным весом. Винты бешено крутились, вертолет лишь слегка приподнимался над землей, потом опять трогал колесами землю, опять пытался взлететь, но было видно, что совсем не мог этого сделать. Воздух был очень разреженным и совсем не было встречного ветра. Так продолжалось не менее десяти минут. За это время рубашка первого пилота стала уже абсолютно мокрой от пота. И вот огромный Ми-8, медленно сдвигаясь к краю небольшой площадки (за которой начинался крутой спуск в очень узкую здесь долину Чулышмана), смог, наконец, боком «свалиться» в эту коварную долину. Ювелирный и опасный маневр заключался в том, что таким образом вертолет быстро снижаясь, поймал свежий ветерок, и уже довольно близко к реке и к деревьям начал набирать высоту, перемещаясь вниз вдоль долины. А потом он набрал высоту и, вернувшись назад, полетел дальше в горы.

Но и посадка в тех условиях в жаркий день не была безопасным делом. Проверенной площадки вблизи озера Джулукуль не было, и пилот решил посадить свою машину на «бугор пучения» (это такое вздутие вечной мерзлоты), размером чуть больше корпуса самого вертолета, среди камней, мхов и кустарниковой растительности. И вот, когда он ровнехонько снижался над этим бугром, а расстояние до земли было порядка одного метра, вертолет буквально грохнулся на этот бугор. Из-под винтов полетели клочья мхов и кустарников. А вертолет довольно ровно поместился на свой постамент. Все высадились, устроили свой лагерь, а пилоты решили больше не испытывать судьбу и терпеливо дождались, когда ближе к вечеру (часа через два) подул свежий ветерок и условия взлета не стали более безопасными.

Гораздо более опасными были полеты на Ми-2 для доставки лесников и грузов к местам тушения лесных пожаров в горах вблизи верхней границы леса. Это связано не только с тем, что воздух вблизи пожара бывает более теплым и снижает подъемную силу винтов. Еще более опасно то, что вблизи пожара ближе к земле создается мощный ток воздуха в сторону огня. В заповеднике таких случаев не было. А вот в соседнем леспромхозе, где лесничим был один из бывших студентов-охотоведов (Саша Новиков из Кировского СХИ), который проходил преддипломную практику у нас, все однажды закончилось весьма драматически. Вертолет с лесниками (там был и знакомый мне Саша) приблизился довольно близко к кромке пожара, поскольку не было другой пригодной площадки, и его перевернуло. К счастью люди смогли быстро выбраться. А вертолет почти сразу же загорелся.

Случались со знакомыми мне людьми курьезные случаи, когда в назначенное время не прилетал вертолет, который должен был вывезти группы людей с полевых работ. Так было зимой в верховьях реки Абакан, куда для изучения горных козлов - бунов летал зоолог-охотовед Г.Г.Собанский с помощником - генералом в отставке М.Д.Холодом. Забросил их в укромную долину один из пилотов, пометил приблизительно на карте, полагаясь на свою память, место их лагеря, а потом внезапно уехал в краткосрочный отпуск. Лететь пришлось другому пилоту. Слышали наши зоологи вертолет, пытались дать ему сигналы, да напрасно. Он их

старательно искал совершенно в другом месте. Так и пришлось им (хорошо, что это были опытные полевики) сидеть там лишнюю неделю в своем зимовье, пока «свой пилот» не забрал их оттуда. Ближайшим человеком в нескольких десятках километров от них, но также без радиации, была лишь Агафья Лыкова.

Нечто похожее случилось с нашим зам. директора Алексеем Ивановичем Олигером на берегах Джулукуля. Тогда он с тремя членами своего маленького отряда (его отец - профессор биофака Чувашского университета Иван Михайлович Олигер, его племянник, а также В.А.Стахеев) должен был отработать там около месяца. При этом, как я помню, ситуация была создана искусственно его начальником А.Г.Зиминим, который решил послать вертолет на недельку позднее обговоренного срока. Вот и собирали наши полевики свой лагерь ежедневно в надежде на прилет Ми-8. Не уходили далеко от лагеря, чтобы в любой момент быть готовыми к вылету. Через несколько дней отчаялись ждать. И Алексей Иванович с племянником пошли пешком за 100 км в Бугузун, чтобы найти вездеход, выехать из лагеря и вывезти свой груз. И выехали. А вот буквально на следующий день вертолет прилетел и никого не обнаружил. Тут уже директору пришлось всерьез переживать по поводу пропажи целого отряда сотрудников, пока они через три дня не приехали в Артыбаш и не попросили по радиации выслать за ними катер.

Вот и в еще одной (уже трагической) истории были задействованы те же наши доблестные пилоты Горно-Алтайского летного отряда. Были у нас на практике студенты из Московского пушно-мехового техникума. Это были исполнительные и трудолюбивые ребята - две девушки и Володя Терещенко. Одновременно с ними неподалеку от центральной усадьбы изучая экологию соболя работали очень опытные студенты-охотоведы из Кировского СХИ - Саша Кашин и Саша Новиков, о котором я уже писал. Вот однажды в октябре Володю и одну из девушек (через более чем два месяца после приезда на практику) послали на 4 дня на ближайший маршрут по учету следов охотничьих животных. На этом маршруте длиной 18 километров было две таежные избушки с печками и запасом дров. В этих избушках, а также в следующей на ними еще через 12 километров базировались также два Саши, которые должны были страховать менее опытных студентов. Сбиться с маршрута было совершенно невозможно, поскольку он был перед этим пройден неоднократно нашими лесниками.

И вот буквально на третий день ночью в Яйлю прибежал Саша Новиков и сообщил, что Володя погиб, а его спутница обморозилась. Рано утром в сторону второй избушки вышла группа из четырех человек (я, главный лесничий Т.А.Плищенко и два лесника), чтобы забрать погибшего и оказать содействие в эвакуации девушки. Для этого из Горно-Алтайска должен был прилететь и сесть на лед озера Кожемир в километре от избушки вертолет Ми-8. Погибшего Володю нашли в километре от избушки, сбоку от лыжни. С девушкой в уже натопленной избушке находился Саша Кашин. Ребята ничего не могли толком объяснить.

Девушка была так напугана этой внезапной и видимо мучительной смертью друга, что даже не пыталась зажечь огонь в печке и просто сидела на нарах вплоть до прихода студентов-охотоведов. В результате у нее были в разной степени

поморожены пальцы рук и ног. Мы вывели ее к озеру, разожгли костер, и стали ждать вертолета. Вскоре он подлетел, но не мог сесть на лед озера, так как под почти метровым слоем снега была мощная наледь - вода, пропитавшая снег на треть и сделавшая лед ненадежным. Вертолет завис над озером буквально в сантиметрах над снегом. Мы подбежали на лыжах как можно быстрее к вертолету, который был от нас не менее чем в сотне метров, и затолкнули девушку внутрь. Пилоты сказали, что потребуются сопровождающие. Я и Т.А.Плищенко экстренно приняли решение лететь с ней. Побросали свои лыжи на озере и тоже забрались с помощью летчиков внутрь вертолета. И он полетел в областной центр, не залетая даже в Яйлю. На маневры над озером при эвакуации пострадавшей с озера ушло, наверное, не более пяти минут.

Володю, на нартах, наскоро сделанных из лыж, транспортировали в Яйлю два лесника и Кашин. Позже судмедэксперт в присутствии представителей техникума выяснил причину Володиной смерти. Ею оказался жесточайший заворот кишок (непроходимость кишечника), который был спровоцирован большим количеством сушеного мяса, которым питались студенты в лесу. Все прочие были исходно здоровыми, а Володя, хотя и не жаловался ни на что, и производил впечатление очень здорового человека, и даже был направлен на практику, как здоровый человек, но все же имел хроническую непроходимость кишечника. Это подтвердили и его родители, которые приезжали в Яйлю по этому печальному поводу. Девушку отправили в больницу. Все пальцы ее сохранились. И вскоре она уехала к месту учебы.

А вот мы с Тamarой оказались без документов и денег в закопченной зимней полевой одежде и в жутких «обутках» в ночном городе. Помогли пилоты. Они дали нам денег на еду, добросили нас на машине в гостиницу и устроили в ней на ночь совсем без документов. А на завтра пообещали доставить обратно в Яйлю. И, представьте, выполнили свое обещание. Утром следующего дня заехали за нами в гостиницу. Через час организовали для нас двоих «учебный полет» (фактически спецрейс) на огромном Ми-8. И вот мы с комфортом и очень быстро оказались опять на работе.

Побочным следствием в этой истории явилось также и то, что какой-то жулик и браконьер спёр оставленные мною на этом озере лыжи. Наши лесники перенесли их в ближайшую избушку. Имени этого нехорошего человека из соседнего леспромхозовского поселка Бийка я не знаю, но прозвище у него было очень соответствующее - «росомаха». Этого зверя повсеместно не любят таежные охотники за его привычку расхищать запасы в избушках и портить в капканах тушки добытых животных. А ведь я эти лыжи брал на один только этот выход в тайгу у своего соседа. И добрый мой сосед - Н.О.Шутков простил мне этот грех.

Поскольку вертолет для перемещения из одного пункта в другой был самым быстрым средством передвижения, то мы всегда при каждом удобном случае старались воспользоваться им. Вот и история об одном таком особом случае. Тогда я поставил единственный в своем роде рекорд по скорости перемещения от Москвы до Яйлю. Получилось, как я помню, что-то порядка десяти часов. Боюсь, что те, кто

неоднократно тратил на этот путь порядка четырех, а то и пяти суток, мне не поверят. Я и сам такой долгий путь считал, да и сейчас еще считаю нормой. Но вот как это получилось.

От Москвы до Новосибирска четыре часа лета. На высадку, получение груза и на судорожные метания за билетами, на регистрацию и посадку на рейс до Горно-Алтайска ушло еще пара часов. Сам перелет на Як-40 длился тоже не более часа. А вот когда прилетаешь в столицу нашей области, то первое, что пытаешься увидеть, нет ли на поле вертолетов, которые готовятся к вылету. Сбежав на летное поле, я ринулся к Ми-8, который уже раскручивал свои винты. Спрашиваю - «В Яйлю?». Мне отвечают - «Туда», и втаскивают на борт. Взлетаем. Летим минут десять. Неожиданно для меня разворачиваемся, и летим обратно. Садимся. И тут выясняется, что с моим рейсом из Новосибирска ждали техника с запчастями для вертолета, который по техническим причинам не мог вылететь из Яйлю. Меня и приняли за этого техника. Взяли мы техника. Посмеялись. И меня не высадили. При абсолютно негодной для полетов погоде на большей части нашего пути, пилоты летели очень низко по знакомым им ориентирам вдоль рек и дорог. И, наконец, к изумлению жителей поселка, внезапно вынырнули из густого тумана и приземлились. Так что местные пилоты в местных условиях могут творить любые чудеса. Что не раз и не два демонстрировали, не считая это чрезвычайным делом.

А вот пилоты пожарной авиации из Новосибирска, которые должны были срочно доставить на Ми-8 пожарных-десантников к месту тушения лесного пожара, однажды показали совсем другие качества. Эту историю я, правда, вычитал уже после своего отъезда с Алтая в газете, присланной мне из Яйлю. Прилетели десантники к месту работ, и решили, что здесь нет места, пригодного для посадки. Они полетали вокруг, да и улетели в долину Чулышмана, где размотали удочки и принялись ловить хариуса. А в это же самое время наши местные вертолетчики на маленьком Ми-2 день за днем летали на тот же пожар, перевозили к нему наших лесников, забрасывали им продукты и средства пожаротушения.

И, наконец, был еще один случай, когда местные пилоты помогли мне успеть на похороны моей бабушки - Ксении Прокофьевны, на руках у которой по сути дела я вырос (в деревне Елшанка Татищевского района) почти с рождения до поступления в пятый класс (в Саратове). Печальное известие ко мне пришло утром в виде радиограммы, когда я был в Беле в 40 км от Яйлю. Я довольно быстро приехал, чтобы собраться в дальнюю дорогу. Уже в обед затарахтел нечаянный вертолет, который летал на санитарное задание. Вертолет задержали на полчаса. За это время мне оформили отпуск за свой счет, собрали по кругу нужную сумму денег, Лида срочно принесла паспорт и вещи, и я улетел в Горно-Алтайск. Там пилоты втиснули меня без билета в Як-40 до Новосибирска, откуда я смог по телеграмме долететь только до Куйбышева (сейчас Самара). А вот дальше пришлось ехать поездом, но уже прямо до Саратова. Успел я вовремя проститься с моей любимой бабушкой и даже поучаствовать в разных присущих этому событию хозяйственных делах. Спасибо большое летчикам - они Люди... Успел к бабушке Ксене на похороны и второй ее любимый внук (и мой двоюродный брат) Женя,

который в это время был на сборах офицеров запаса в армии в Пермской области. И его, так же, как и меня, она растила многие годы. Его командиры тоже оказались на должной человеческой высоте.

Вот, кстати, будет еще одна история, связанная с комплектованием нашего оснащения необходимыми для работы приборами с использованием возможностей работников местной авиации. Для регистрации абсолютной высоты над уровнем моря мест находок интересных научных артефактов (следов, визуальных встреч и добытых животных) надо было пользоваться высотомерами. И однажды, когда я обратился к авиамеханикам в аэропорту Барнаула с такой просьбой, мне принесли и вручили такой прибор, не взяв ни денег, ни каких-либо расписок.

НА ОСТРОВ ВРАНГЕЛЯ И ОБРАТНО

После рассказа про плавание на лодке по проливу Лонга, мне кажется, что здесь будет вполне уместна история нашего полета на вертолете с отрядом ботаников под руководством Б.А.Юрцева с материка на остров Врангеля и обратно на мыс Шмидта с местными чукотскими вертолетчиками.

Правда до последнего броска на «остров метелей» мы должны были попасть в поселок Мыс Шмидта. Для этого мы с Лидой летели много-много часов из Екатеринбурга (тогда он еще был Свердловском) до Магадана с посадкой в Иркутске. В Магадане гуляли по берегу океана, заходили попить пива с крабовыми клешнями в провонявшей табачищем и переполненной колоритнейшим матом портовой пивнушке, а потом ночевали в гостинице. Наутро вылетели из Магадана на север через всю Чукотку с тремя посадками (Сеймчан, Омсукчан и Билибино) на раздолбанном АН-24. Этот очень познавательный полет проходил в солнечную погоду и длился чуть не весь день. Можно было представить, как долго мог длиться такой путь по зимникам на машинах. Летом такой маршрут был попросту невозможен. На Мысе Шмидта мы воссоединились с основным отрядом, который прибыл сюда самолетом из Москвы через Певек.

Вертолет был заказан и оплачен. Но мы ждали еще пару дней, пока наш рейс состоится. Прочие рейсы над морем и проливом Лонга до острова Врангеля пилоты вообще не выполняли, поскольку им в это время прекратили выплачивать так называемые «надводные». Дело в том, что полет без возможности совершить вынужденную посадку в любой момент мог закончиться трагедией. Что, кстати, незадолго до нашего приезда произошло с Ми-8 в Чаунской губе, где он вынужденно сел на ненадежный лед и утонул. Теперь по правилам эта огромная (34-местная) машина брала на борт не более четырех человек, которым предоставляли спасательные жилеты, бесполезные в ледяной воде. Итак, по правилам пилоты могли вообще не летать, поскольку из огромного набора запретов на полеты (погода на острове, в проливе или на материке; отдельный полет без пассажиров для проверки маршрута, проверки наличия и качества керосина на острове; ограничения по времени возврата в аэропорт) всегда можно было найти

причины не лететь. Предваряя события могу сказать, что уже неделю до нас рейса на остров ждала жена офицера погранзаставы с ребенком. Но вот до нашего возвращения с острова через три недели она так и не смогла туда улететь. Изредка люди могли воспользоваться рейсами, что выполнялись срочно по санзаданиям.

И вот уже за полночь мы летим по направлению на север, прямо впереди светит тускловатое солнце. Наконец, через примерно 180 км от материка приземляемся. Нас ждут пограничники со своими формальностями, а также сотрудники заповедника. И что удивительно - первое, что мы услышали от них, кажется вообще вместо приветствия, - «кодак есть?». Избалованные презентами профессиональных фотографов ребята надеялись, что мы обладаем этим бесценным ресурсом. Но увы ... Мы оказались лишь скромными любителями с распространенной тогда пленкой «Орвохром». Правда попутно нашим рейсом на остров завезли свежайшие абрикосы и персики, а также сильно залежавшуюся картошку с длиннющими ростками. Все это богатство было поровну разделено между всеми изголодавшимися по таким деликатесам жителями Ушаковского.

Мы замечательно поработали, и надо было возвращаться из отпуска на Урал. Конкуренция за места в вертолет, вылетающий на материк в поселок Мыс Шмидта была непредставимая. Наши интересы представлял директор заповедного острова, который ради нас отложил время возвращения группы москвичей. Уже около вертолета у нас в ногах валялся сильно пьяный работник Полярной станции, жена которого уже более двух недель ждала его на Южном берегу Кавказа. Он предлагал мне десятикратную сумму билета на мое место, объяснял свое бедственное положение. И командир вертолета вошел в его положение. Отдал ему свой спасжилет и принял на борт пятым пассажиром. Долетели мы до аэродрома, но погода стала портиться.

Рейс на Магадан задерживался на неопределенное время. Но спустя пару часов ожидания почему-то именно к нам подошла сотрудница Аэрофлота и спросила - полетим ли мы грузовым бортом в Магадан. Мы согласились... В самолете было ровно два места для пассажиров или сопровождающих грузы. И начался не менее интересный полет на АН-12. Первое место, куда мы полетели было Билибино. Там в течении полутора часов был погружен и надежно закреплен какой-то огромный железный предмет, занявший большую часть фюзеляжа. Взлетели, и пошли в сторону Магадана. Погода заставила летчиков повернуть в сторону океана; и тогда его и плавающие повсеместно льдины мы видели в иллюминатор с левой стороны. Потом видимость стала резко снижаться, и ребята предупредили нас, что будут садиться на запасном аэродроме. Землю мы увидели лишь тогда, когда уже практически коснулись ее колесами, приземляясь в поселке Чайбуха где-то у черта на куличиках в Гижигинской губе. Нам было интересно побродить по долине реки Чайбуха вдоль незнакомых нам прибрежных зарослей чозении (местный вид тополя). Мы спросили, через какое время нам надо вернуться, на что пилоты сказали, что они объявили шахматные соревнования с местными жителями, и мы можем не торопиться - «без вас не улетим». Так оно и было. Сходили на местную почту, и поскольку уже заведомо не могли успеть на

работу из отпуска в срок, послали директору телеграмму, которая звучала как ребус - «Задерживаемся один день нелетной погодой Чайбухе». Мы прогуляли не менее двух часов, нашли ожидавшиеся нами древесные окаменелости. Уже проглядывало солнышко, мы вернулись и вскоре полетели в Магадан. Билеты у нас были куплены заранее, и мы там надолго не задержались.

САДЫ И САДОВОДЫ

Своеобразной «фишкой» Прителецкой части Алтая является особый озерный климат. Именно здесь природные условия позволяют произрастать таким культурам как яблони. Первыми яблоневые сады разводили насельники монастыря, что размещался до революции 1917 года в долине Чулышмана. Следующим по времени садоводом стал поселившийся в 1927 году близ устья реки Чири Н.П.Смирнов, кому для создания огорода и сада пришлось строить террасы и возить на лодке землю с другого берега озера. А вот в Яйлю таким садоводом стал в тридцатые-шестидесятые годы мичуринец Дмитрий Степанович Рачкин, который много занимался сортоиспытанием и выбором наиболее перспективных здесь сортов плодовых. И когда в 1961 году заповедник был закрыт, то Иогачский леспромхоз, которому передали земли заповедника, заложил на Яйлинской террасе промышленные сады. Именно они, а также аналогичные сады на Белинской террасе, стали серьезной нагрузкой (и вообще непрофильной деятельностью) для Алтайского заповедника, который вновь был восстановлен в 1967 году.

В штате заповедника было две бригады садовых рабочих общей численностью не более 8-10 человек. Они, разумеется, не могли полноценно ухаживать за садами общей площадью несколько десятков гектаров. Вот и приходилось нам время от времени участвовать в садовых делах. Весной это была массовая прививка черенками промышленных сортов еще не переросших саженцев, весной и осенью приходилось много заниматься обрезкой - формированием крон плодоносящих деревьев. Летом много хлопот доставляла необходимость хотя бы прокашивать междурядья и приствольные круги. Обкапывания подкронового пространства здесь не практиковалось вообще. А если приходилось попадать в сад во время массового цветения яблонь, то это посещение всегда доставляло море удовольствия. Ну, разумеется, в нашей помощи садоводы нуждались еще и осенью, когда созревала основная часть урожая - осенние и зимние сорта яблок. Плодов было всегда много - десятки тонн. Их собирали, затаривали в ящики, перевозили на береговой склад, оттуда перегружали на катер или баржу, и уже из Артыбаша везли в Турочак, Бийск или Горно-Алтайск на переработку. Небольшую часть урожая удавалось реализовать жителям Иогача, Артыбаша и последним туристам на турбазе «Золотое озеро». Яблоком хватало всем жителем Яйлю как из личных садов, так и из казенного сада, поскольку за участие в сборе урожая все имели возможность получить десятую часть собранного для заповедника.

Но самым интересным и увлекательным мероприятием, связанным с Яйлинскими садами, было участие в обязательных дегустациях большого количества даже весьма редких сортов яблок, которые хранились в специальном хранилище. Это было необходимо для отбора тех сортов, которые должны были отличаться вкусом, ароматом, лёжкостью, внешним видом и еще кучей признаков, чтобы в дальнейшем именно лучшие сорта становились массовыми. Даже если это было единственное уродившееся и сохранившееся яблоко, его разрезали на маленькие кусочки и давали пробовать всем участникам дегустации, после чего они с полной ответственностью должны были проставить соответствующие баллы в анкетах. Вспомнить названия испытанных сортов для меня задача непосильная. Но удовольствие от этих творческих мероприятий запомнилось надолго.

Следует отметить, что на берегах Телецкого озера вообще не было основного вредителя - яблоневой плодовой яблони. Это обстоятельство заметно повышало товарные свойства яйлинской продукции. Не каждый год, но все же из-за повышенной летней влажности на яблоках появлялись небольшие пятна парши, которые, впрочем, никак не ухудшали их вкуса. Из всего поразительного видового разнообразия сортов, выращивавшихся там яблок, запомнились лишь привычные для Саратова сорта - астраханская белая, мельба, серый анис, уэлси, пепин литовский и пепин шафранный, антоновка. Однако летние в Поволжье сорта становились здесь осенними, а осенние - позднеосенними и зимними.

Мы себя тоже можем отнести к племени телецких садоводов. В первую же весну мы пошли в питомник, выбрали себе саженцы и посадили их в нашем огороде. К моменту отъезда мы уже целиком снабжали себя твердыми, мелкими и суховатыми грушами сорта «Лукашовка». Есть их было совсем неинтересно. Но варенье из них было ароматным и очень вкусным. Особенно интересное варенье получалось, когда к нему добавляли ягоды садовой черноплодной рябины - аронии. Довольно много у нас выросло яблок сорта «Боровинка». А вот крупной настоящей «Антоновки» и ранней «Мельбы» было все-таки немного. Самым важным деревом в нашем огороде была посаженная нами осенью 1972 года ель. В ближайших кедрово-пихтовых лесах она не встречалась, массово произрастая преимущественно в верховьях правых притоков Телецкого озера. К 1981 году это было довольно большое дерево, которое украшалось нами как новогодняя ель. Но уже к 1991 году люди, которые заселили наш бывший дом безжалостно срубили ее. Нам их логика совершенно непонятна.

А вот кто пользовался урожаями из Яйлинского и Белинского садов без всяких на то оснований, так это местные медведи. Очень часто, а в голодные годы в обязательном порядке, они приходили в сады поодиночке и целыми компаниями и буквально терроризировали садовых работников. Ломали множество крон, выискивая деревья с особо вкусными и сладкими плодами. Иногда они рушили штабеля ящиков, приготовленные для отправки. Даже выстрелы из карабина не отпугивали их. И это всегда было большой проблемой для директора и всех работников охраны заповедника.

РАБОТНИКИ ОХРАНЫ

Даниил Макарович Молоков

История чрезвычайно простая и, пожалуй, даже не случившаяся, если иметь ввиду какой-нибудь позитивный результат. В первые годы моей работы в заповеднике вышло так, что я должен был организовать проведение учетов и сбор материалов по экологии промысловых видов млекопитающих. В частности, ранней весной 1972 года надо было провести картирование и описание берлог на севере Прителецкой части заповедника. Считается, что именно здесь медведи собираются на зимовку с окружающих (в том числе и не заповедных) территорий. И вот тут-то выяснилось, что берлоги лучше всех знает Даниил Макарович Молоков. Но он давно на пенсии и живет в Кебезени. Я же по жизни устроен так, что если есть задача, которую я внутренне считаю своей, то она должна (и будет) выполнена. Так, по моему мнению, устроены все заповедные люди, которые работают десятки лет, занимаясь наукой и охраной. Короче говоря, в начале мая я поехал в Кебезень, познакомился там с Даниилом Макаровичем и уговорил его поехать на Телецкое, для того, чтобы он показал мне медвежьи берлоги. Он посетовал на здоровье, сказал, что несколько десятков берлог, которые он знает, показать не сможет, а вот пару-тройку мест, где есть группы из нескольких берлог, мы посетим.

В назначенный день я приехал в Артыбаш (с алт. *голова порогов*) и встретил Молокова. Но он сказал, что не может уехать, не встретившись с людьми, которых долгое время не видел. Русские люди и без подсказок догадаются, что дальше произошло... Ровно то и произошло, что больше я его в ближайшие два дня не видел. Потом пошел снег, сделавший склоны в районе кордонов Караташ (с алт. *черный камень*) и Байгазан (с алт. *богатый котел, казан*) очень опасными. Берлоги остались без инвентаризации и описания. Другая попытка уговорить Даниила Макаровича вовсе не увенчалась успехом. Правда, в качестве компенсации он передал мне свой экземпляр Устава службы охраны заповедников РСФСР, изданный еще в годы войны.

Этот самый Д.М. водил научные экспедиции по территории заповедника еще в начале тридцатых годов, а потом до пенсии работал в службе охраны. Личность легендарная. Есть еще одна веселая и одновременно драматическая история с участием Д.М., рассказанная им самим. Надеюсь, что в его рассказе я ничего не путаю.

Вот эта история. Зоолог Федор Дмитриевич Шапошников (1909-1973) ходил в экспедицию на Шапшальский хребет с проводником Д.М.Молоковым. Перемещались они в поисках архаров отдельно, но в зоне видимости (по крайней мере с биноклем). Вот Молоков увидел, что Шапошников выстрелил в архара и попал в него. После этого Д.М. стал перемещаться в сторону архара, к которому уже подошел Шапошников. Дальше он видит... - что уже никого не видит...

Через некоторое время он все-таки нашел то место, где лежал архар. Только архара там уже не было. А чуть ниже на камнях лежал почти без сознания Шапошников. Объяснялась эта история вполне прозаически. Пуля попала в рог архара и оглушила его на время. В момент, когда подошел Шапошников, архар очнулся, вскочил на ноги и крепко отомстил своему обидчику, поддав ему огромными рогами. Такие рога могут весить до двух пудов! К счастью Шапошников остался жив и здоров. И до самой смерти работал заведующим кафедрой зоологии Тюменского университета.

Эта же драматическая встреча с архаром (алт. *кочкор*) отражена в дневниковой записи самого Федора Дмитриевича так: *«07.07.41. Верховье реки Богояш. ... Подошел метров за 30 сверху, из-под ветра. Два самца стояли рядом на ветру. Подкараулив третьего самца, выстрелил в него. Кочкор упал. В карабине застрял следующий патрон. Стадо исчезло. Подбежал к барану. Баран стоял на коленях. Хотел заколоть его, но получил внезапно удар рогами и потерял сознание. Очнулся метров на 60 ниже по склону. Из горла шла кровь. Кочкора не было видно».*

Как жаль, что в пожаре 1999 года, когда дотла сгорела контора Алтайского заповедника, погибла и неопубликованная рукопись Ф.Д.Шапошникова и геоботаника из БИНа Е.В.Волковой - «Экосистема кедрового леса верховьев реки Эринат», написанная ими в конце сороковых годов прошлого века.

А вот веселая история, которую я слышал от Василия Петровича Пыжанкина (лесник Алтайского заповедника, ветеран ВОВ), обладавшего феноменальной памятью. Он мог рассказывать истории о своей жизни с мельчайшими деталями и за любой ее период. Дежурство на Абаканском кордоне (неподалеку от заимки староверов Лыковых) до войны велось посменно. Для пополнения припасов туда были посланы под руководством старшего наблюдателя Д.М.Молокова молодые тогда наблюдатели (вроде так они в то время назывались), в том числе Пыжанкин. Надо сказать, что Д.М. был очень крепким и строгим мужчиной. Молодежь решила над ним пошутить. В муку, что он должен был нести, положили едва ли не пятикилограммовый камень. Д.М. сетовал, что поклажа тяжеловата, но исправно донес ее от Яйлю до кордона (порядка 60 километров). Камень он обнаружил уже на месте. И вот тут-то оказалось, что силы его не оставили... Долго он бегал за подшутившими над ним молодыми наблюдателями с поленом. И, как заверял Василий Петрович, мог и взаправду сгоряча пришибить насмешников.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ ЯДОМЫКОВ

История наших отношений с Дмитрием Петровичем складывалась почти с самого начала моей работы в заповеднике и продолжалась до отъезда из него в 1981 году. Д.П. был родом из Коо, что находится в долине Чулышмана. Поэтому он был и остается для меня истинным представителем коренного алтайского населения. Когда выполнялись общие работы, участником которых был также Д.П., то выделить его из массы других лесников-алтайцев вовсе и не хотелось. Как и все другие, он был доброжелателен, выдержан, исполнителен, внутренне интеллигентен, с хорошим чувством юмора. Индивидуальные черты характера проявились для меня в совместных с ним полевых работах, где он был и хорошим следопытом, и незаменимым проводником, и умелым конюхом, и универсальным рабочим. В общем он был для меня самым настоящим «Дерсу Узала».

Первый совместный с ним выход состоялся в начале осени 1971 года, когда меня направили на недолгие полевые работы в помощь (и на учебу) к опытному зоологу из БИ СО АН (ныне ИСиЭЖ РАН) – Юне Владимировне Дроздовой. Д.П. жил в это время на кордоне Ак-Курум (с алт. *россыпь белых камней*) близ устья р.Чульчи. Из кордона, что в устье Чулышмана, нас четверых (я, Дроздова, ее сестра Тамара и наш зоолог А.Б.Бешкарев) в пешем порядке, но с грузом на лошадях, доставил лесник Герасим Лукич Каланов. После ночлега мы погрузили свой груз на другую лошадь, и уже под руководством Дмитрия Ядомыкова мимо знаменитых «чулышманских столбов» поднялись в верховья р.Карасу. Там выставили ловушки для учета мелких млекопитающих, комфортно ночевали в пастушеской избе и на следующий день с уловом и без проблем вернулись в Ак-Курум. Там-то и происходили основные события.

Расседлали лошадей, поставили палатки, перекусили. Затопили баню. Искупались. И по заведенной в народе традиции решили отметить счастливое возвращение небольшим возлиянием. Но мне (непьющему) хотя и было понятно, что алтайцы нестойки к действию алкоголя, но и в голову не могло прийти, что до такой степени. У Дроздовой была фляжечка с чистейшим медицинским спиртом. Как всем, так и Дмитрию налили не более 50 мл спирта, разбавленного неизвестным мне количеством воды. Потом возможно был подходящий повод опрокинуть еще по 20-30 мл этой смеси.

И вот произошло то, чего никогда не должно происходить по вине неосмотрительных научных сотрудников. Наш Дмитрий заметно «поплыл». Он погрузился, отключился от общих разговоров и ушел к костру. Там он стал говорить

на алтайском языке сам с собой, временами заметно повышая голос как бы произнося заклинания. Он явно шаманил (алт. *камлал*), кидал в костер кусочки мяса. Время от времени вполне четко слышалось знакомое уже мне слово «курмес» (с алт. *черт, злой дух*) и что-то, что я истолковал как угрозы в адрес вообще русских людей. Стало страшновато, особенно с учетом того, что рядом с Дмитрием лежал карабин. Именно карабин и показался мне ключевым в этой неприятной ситуации. Стараясь не спровоцировать Ядомыкова на агрессивные действия, я подошел к нему. Не уверен, что он меня вообще заметил. Вынул из карабина затвор. Не вступая в разговоры с ним, отошел к нашей компании.

Наутро все проснулись. Дмитрий выпросил у Дроздовой минимальнейшую дозу спиртного, ссылаясь на головную боль. Ни о чем не спросил. И мы его не расспрашивали. Затвор я ему, также молча, вернул. Больше мы об этом случае никогда не вспоминали. Спиртом и водкой я до этого, и потом тоже, никогда с людьми вообще не рассчитывался. Хотя в России это довольно трудно делать.

Но, все же, очень неприятный случай со спиртом (и с моим невольным участием в этой истории) в Алтайском заповеднике произошел в 1978 году в Язулинском лесничестве. Но об этом как-нибудь потом.

Другая, гораздо более продолжительная и сложная экспедиция с участием Ядомыкова проходила летом 1973 года. Тогда из устья Кыги в верховья Чульчи выходило одновременно три отряда: орнитологический, который возглавлял Э.А.Ирисов, териологический под руководством В.А.Шилова и второй териологический («микромаммологический»), в котором был я и студент из Саратовского университета - Александр Чигвинцев по прозвищу «Бамбука». Проводником у меня был Д.П.Ядомыков.

Однако выяснилось, что в тех местах, куда должны были попасть мы, он не был ни разу. Но он уверенно сказал, что мы пройдем везде где надо, и не будет проблем с поиском нужных переправ или мест для ночлега с достаточным количеством корма для лошадей. Уверенность его основывалась на том, что перед выходом на маршрут он обсудил его с дядей, который знал эти места, и на словах объяснил порядок преодоления всех опасных мест. При погрузке лошадей я заметил, что Дмитрий захватил с собой комплект для обработки лошадиных копыт и даже для их подковки на маршруте, захватил он с собой предусмотрительно также ветеринарную аптечку для наших лошадей. Как потом оказалось, не напрасно. Однажды он смог квалифицированно оказать первую помощь пострадавшей кобыле, которая очень сильно повредила себе бок при опрокидывании на крупнокаменистом и очень скользком склоне на первых же километрах пути после выхода. Спокойно и самым рациональным образом он руководил навьючиванием грузов, обеспечивал устойчивую работу лошадей всего нашего сводного отряда в первую половину пути.

А когда, после переправы через Чулышман в районе Чодро, мы пошли отдельным маршрутом, то это вообще было восхитительно. Во-первых, потому, что с небольшим теперь грузом мы могли везде ехать верхом. Во-вторых, нам вообще

уже не приходилось тратить время на заготовку дров к ночлегу, приготовление завтраков и ужинов (обед не предполагался с самого начала). Когда мы попадали на алтайские летние скотоводческие стоянки или в алтайские населенные пункты, то везде у него находились родственники, которые еще более гостеприимно, чем обычно, встречали нас, кормили, поили, устраивали на ночлег. Непременным ритуалом при этом после приветствия - «табыш бар?» (с алт. *новости есть?*) - был обстоятельный разговор, в котором заинтересованно обсуждались важные или просто интересные новости - про родственников, про дела, про охоту, про политику.

Может быть здесь, а может быть еще ранее, Дмитрий удачно пошутил над нами, когда хозяйка заботливо подливала и подливала в наши опустевшие пиалы новые порции алтайского чая. Он сказал, что следует сказать «бэзе», и подливать больше не будут. Но этого не случилось, и мы поняли, что нас разыграли. Позже выяснилось, что «бэзе» в переводе с алтайского значит *еще*. На самом деле достаточно было сказать «ахыр» (с алт. *хватит*), а еще лучше перевернуть пиалу вверх дном. Шутки эти были добродушными и Д.П. при этом лукаво поглядывал на нас своими узкими азиатскими глазами.

А вот теперь о том, какими зоркими были эти глаза. Необычайно зоркое зрение Дмитрия меня поражало и восхищало необыкновенно. И как было жаль, что нам обычным научным сотрудникам не было дано такого дара, каким от рождения обладал он. Стандартный в этом отношении случай произошел однажды в долине реки Чулышман, когда мы ехали с ним верхами в район Ак-Курума. Долина узкая, каменистые склоны уходят вверх почти отвесно, в самом верху на переломе к более пологому месту начинался лес и небольшие поляны, до которых было порядка километра. «Смотри» - говорит мне Дмитрий - «вон 12 маралов пасутся у кромки леса». Смотрю туда, куда он мне показывает. Ничего не вижу. Беру бинокль. С трудом нахожу пару оленей. Дальше Дмитрий подсказывает мне, куда надо смотреть. Вижу еще не больше пяти-шести. Прочих я так и не увидел вовсе, хотя он тщательнейшим образом описывал мне место, где находятся оставшиеся маралы.

В тот раз он рассказывал, в каких конкретно местах ему довелось удачно охотиться на горных козлов – бунов (алт. *теке*). Увидеть их среди камней чрезвычайно трудно, там более что ближе километра эти осторожные звери редко дают себя увидеть. А чтобы их добыть надо еще к ним скрытно подойти. И ему удавалось это сделать, правда, надо было идти совсем тихо, и обязательно лишь в носках. Доказательством его правоты и исключительных охотничьих талантов была теплая шуба алтайского покроя, сделанная из выделанных шкур буна.

Довелось как-то раз беседовать с ним на тему об охоте на медведя. Своим рассказом он буквально ошарашил меня. Все знают, что сибиряки считаются чрезвычайно меткими охотниками, и добывают белку выстрелом в глаз, чтобы не портить шкурку. А вот Дмитрий охотился на медведя, убивая его выстрелом в нос из малокалиберной винтовки. Стрелять таким легким оружием в позвоночник, в сердце, или в череп бесполезно. Но в его рассказ вполне можно поверить, ведь до мозга пуля легко может попасть через тонкие носовые перегородки, только надо

лишь точно попасть в нужное место. И стрелять нужно, подпустив медведя на самое минимальное расстояние. Какое же надо иметь самообладание и уверенность в своем единственном выстреле? Ведь если не попадешь, то тогда избежать медвежьего гнева уже не удастся ни за что.

Именно Дмитрий научил меня готовить на костре два замечательных таежных алтайских блюда. Для первого требовалась крупная свежая кость любого копытного животного (марала, лося, лошади, коровы). Ее попросту клали в золу костра и нагребали сверху угли. Через 7-10 минут кость выгребали из золы и легко раскалывали вдоль с помощью довольно тяжелого алтайского ножа. Внутри открывалось драгоценное содержимое – печеный жирный костный мозг (алт. *килик*), который был настоящим лакомством для алтайцев. Второе блюдо готовилось точно так же, но не более пяти минут. Только в костер надо было положить черешки повсеместно произрастающего по скалам дикого ревеня. Печеный в костре ремень (алт. *тёшхон*) имел вкус напоминавший яблочное пюре с добавлением аскорбиновой кислоты. Его подавали на десерт. Только обязательно надо твердо помнить, что кислота, содержащаяся в этом растении, разрушает зубную эмаль.

ПЕТЯ ЧАЛЧИКОВ

Когда я первый раз сел на лошадь и «героически» проехал на ней 90 км из Улагана до Язулы, одним из встречавших меня лесников кроме лесничего Пойдона Сопроковича Марлужокова был Петя Чалчиков. Он недавно вернулся из армии и был очень общительным и доброжелательным молодым человеком. Моя экипировка (ватник вместо алтайской длинной шубы из пуховых коз), а также ичиги (с алт. *высокие кожаные мягкие сапоги*), одетые на шерстяной носок с толстой байковой портянкой, ватный тяжеленный спальник буквально рассмешила его до слез.

В окрестностях Язулы уже выпал снег и ночевать под кедром было уже откровенно холодно. Вот Петя и решил облегчить мою дальнейшую экспедиционную участь, выделив из названных предметов ключевой – ичиги. Я и сам понимал, что моя портянка, сделанная из старого байкового одеяла, крайне неудобна, не спасет от мороза, долго не прослужит, а если намокнет, то не высохнет даже на костре.

Зашли мы с ним к его тетке, попить алтайского чая и подкрепиться чем алтайский бог пошлет. Не знаю, что он ей там говорил, показывая рукой на стену, на которой висела толстая мягкая кошма (вроде ковра из натуральной шерсти), но тетка без долгих разговоров сняла кошму, взяла в руки огромные ножницы, и без всяких выкровок вырезала из нее две заготовки. Потом вдела в огромную иглу толстенную скрученную шерстяную нитку, и стала чрезвычайно быстро сшивать все в окончательные изделия. Пока мы с Петей угощались чаем, из-под ее ловких рук

вышло два огромнейших и уютнейших чулка, толщиной не менее полутора сантиметров. Удивительным образом они оделись мне на ноги. И не менее удивительным образом я всунул их в ичиги. Осталось только уже на ноге обрезать эти чулки сверху, чтобы они не мешались, выглядывая из очень высоких голенищ.

Десять зимних сезонов носил я эти чулки, совершая многодневные лыжные переходы с целью учета животных, либо перемещаясь на лошадях верхом в продуваемой ветрами долине Чулышмана, и всегда с благодарностью вспоминал Петю и его умелую тетушку. По инерции первые два-три зимних сезона после переезда на Средний Урал я еще пользовался камусными лыжами и алтайскими обутками с кошмяными чулками. Потом перешел на более уместные здесь предметы экипировки. Ичиги положил в кладовку, а когда через пару лет в моем кабинете житья не стало от летающей повсеместно моли, я догадался, что моим любимым и драгоценным чулкам пришел конец. Так бесславно кончили они свой век. А вот камусные лыжи, тоже привезенные с Алтая, и сделанные искусным мастером из толстой прямослойной черемухи (алт. *чодро*) попали в качестве моего дара в Свердловский областной краеведческий музей. Туда же, кстати, при уходе на пенсию по их просьбе попал и мой парадный китель с «генерал-полковничьими» (три больших звезды в один ряд), по статусу примерно полковничьими погонами заместителя главного государственного инспектора по охране природы Висимского заповедника.

Есть еще одна драматическая (а могла быть и трагическая) история, случившаяся с Петей Чалчиковым. Как и все современные алтайцы (также, как и мы - научные сотрудники) носил Петя почти бессменно и почти круглосуточно резиновые сапоги. Случилось так, что он сначала натер ноги, потом в ранку попала инфекция, и дело дошло до настоящего заражения крови. На работе хватились Петю через два или три дня отсутствия. Его начальник, лесничий Владимир Алексеевич Шилов поехал узнать, что с ним случилось. Зашел к нему в избу, видит много уже очень пьяных людей за столом. Пытается отыскать среди них Петю, но не видит его. После довольно сложных переговоров выяснилось, что тот лежит за занавеской в жутком состоянии. А народ, таким образом уже прощается с ним, поскольку всем давно ясно, что Петя уже не жилец на этом свете. До ближайшей больницы, напомним, 90 километров пути верхом.

Но не таков был Шилов. Он-то считал, что Пете можно помочь. В это время, по законам неизвестно какого жанра, в Язулу прилетел совершенно случайный вертолет. Шилов кинулся к командиру и стал просить забрать больного до Горно-Алтайска. Случилась абсолютно непонятная для меня история, в которой ну никак не могли участвовать наши добрые знакомые, героические пилоты местной малой авиации. Командир запросил за услугу два десятка соболиных шкурок. Вот тут-то Шилов в этой критической ситуации проявил себя как волевой командир. Он вынул свой табельный пистолет, и буквально угрожая стрелять, погрузил больного и полетел с ним в областной центр.

Главный хирург областной больницы Анатолий Михайлович Гоман подтвердил диагноз. И предложил - как единственно возможный вариант - ногу отрезать. Петя,

который в это время был в сознании, категорически отказался от операции. Докторам ничего не оставалось делать, как лечить строптивного больного. Молодой организм с помощью лекарств справился с недугом. И в итоге он много-много лет продолжал работать в заповеднике, женился, завел детей. И был, разумеется, очень благодарен своевременной помощи и воле Владимира Алексеевича, а также своему алтайскому доброму богу и защитнику – Кутаю.

ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ ПЫЖАНКИН

Василия Петровича всегда считали, и по праву, самым надежным и безотказным лесником заповедника. На период моей работы там он был также еще и старейшим работником заповедника. Наблюдателем заповедника он стал еще до начала Отечественной войны. Вернулся с наградами и с ранением, по которому он получил вторую группу инвалидности, и мог уже не работать. Но работал - по привычке, да и деньги были нужны для его не малой семьи.

Спокойный, уравновешенный, позитивный, очень скромный человек. В пределах своей компетенции всегда мог дать дельный совет в житейских и производственных вопросах. Поскольку он всю жизнь практически провел в лесу, то именно жизнь леса и его обитателей были ему знакомы досконально. Первичные научные документы (бланки, карточки, ведомости учетов, фенологические анкеты, дневник наблюдателя) заполненные им всегда были примером для подражания. На них мы ориентировали других лесников при проведении ежеквартальных занятий.

Интереснее всего было расспрашивать его о давно минувших днях - довоенных, военных, послевоенных. Память на лица и на события у него была феноменальная. К нему всегда обращались, когда надо было вспомнить о работе заповедника, его директорах и других сотрудниках, о закрытии заповедника в 1951 и 1961 годах, о восстановлении «второго» и «третьего» заповедника в 1958 и в 1968 годах, об охоте, заготовках леса и другой хозяйственной деятельности Иогачского леспромхоза на бывшей заповедной территории. Про свои маршруты по тайге, особенно дальние, он мог рассказывать с мельчайшими подробностями.

ИВАН СВИРИДОВИЧ ОРОБЦЕВ

После восстановления «третьего» заповедника в 1968 году и до 1971 года (когда я уже работал) на кордоне Челюш работали вместе самые колоритные и яркие личности: лесники - М.И.Анферов и И.С.Оробцев - настоящие сибиряки-таежники. Оба великолепно выходили на фотографиях, что делали профессиональные фотографы. По всему было видно, что шло между ними

негласное соревнование во всем, а более всего в вопросе о том, кто на кордоне главный. Кордон был удобным для проживания, но покосов для личной скотины было маловато, да и лов рыбы «для пропитания» (не всегда в рамках правил) на глазах «конкурента» был затруднительным.

Всем было видно, что уступать никто не хотел, и дело доходило до скандалов и жалоб руководству. Как говорится - «в одной берлоге двум медведям не зимовать». И вот однажды Иван Свиридович (заботами тогдашнего директора Г.М.Дорохова) переехал лесником в Баргузинский заповедник на Байкал. Там он тоже не потерялся, и многие годы был «визитной карточкой» и полновластным хозяином Южного кордона.

МАКСИМ ИВАНОВИЧ АНФЕРОВ

Жизнь Максима Ивановича в целом проходила у нас на глазах. Но иногда на его «гостевой» кордон приезжали высокие гости, и тогда уже нельзя было сказать, что все и всё знали о гостях и их времяпровождении. Максим Иванович был хотя и контактным человеком, но четко понимал дистанцию между ним и гостями. Мог выпить с ними за компанию (если приглашали), мог поговорить «про жизнь» и ничего не сказать лишнего. Надежный и удобный был человек. Никаких особых «дивидендов» от этого своего привилегированного положения он не имел. Разве только (в том числе и для гостей тоже) поставили ему бензиновую электростанцию, да спутниковую тарелку, едва ли не первую на территории Горно-Алтайской автономной области.

Самое хорошее впечатление произвел он на моего тестя Виктора Герасимовича, с которым мы ловили хариуса «на самодур» вблизи кордона Челюш, да и заночевали там ввиду непогоды. Оба они были ветеранами Великой отечественной войны, и быстро нашли общий язык, тем более, что тесть почти всю свою армейскую жизнь (1940-1962 гг.) был политработником, разбирался в людях, и умел с ними общаться. Они неплохо выпили, а также закусили тем, что быстро сготовила безотказная тетя Тася, и, наговорившись досыта, разошлись спать далеко за полночь. Расстались оба довольные друг другом и этой нечаянной встречей.

Довелось и Лиде дважды воспользоваться услугами Максима Ивановича в ее относительно непродолжительных ботанических экскурсиях на Абаканский хребет. Первый раз, это было в 1975 году, когда участие в ее экспедиции принимал будущий ботаник-флорист, а тогда агроном Николай Иванович Золотухин. Они поднялись через верховья реки Тузеим в гольцы от кордона Челюш в верховья одноименной реки. Задачей был сбор массовых гербарных образцов, произрастающих здесь цветковых растений. На север простиралась широкая

долина реки Дырях (левого притока реки Большой Абакан). Незаметно они так увлеклись работой, что ушли далеко от границы заповедника, а когда стали возвращаться, то выбрали неправильное направление и ушли в следующий приток реки Дырях, а потом при пасмурной погоде пытаюсь вернуться в заповедник ушли от него еще дальше. Но не теряя общей ориентации в пространстве они изменили первоначальные планы и вернулись уже не в Беле (как планировалось ранее), а в один из последних правых притоков реки Кыга.

Экспедиция была трудной в плане ночевки и ввиду очень больших расстояний, которые приходилось проходить ежедневно. Но заслуженный ветеран войны хотя и ворчал на ботаников, но стойко переносил все тяготы экспедиционной жизни. Именно здесь Лида впервые довольно близко увидела медведя. Она приняла правильное решение, и постаралась не дать ему обнаружить себя. Она присела в кусты и относительно негромко (и знаками) пыталась спросить Максима Ивановича, что ей надо делать. Правда он трактовал эту историю по-другому. По его словам - «она сильно испугалась и прямо свалилась в кусты». Но испугать Лиду мало кто может. По крайней мере так было потом неоднократно.

Другая их совместная с Анферовым экспедиция на Абаканский хребет в 1977 году была не просто трудной, а даже чрезвычайно опасной. На этот раз в экспедицию от кордона Челюш брали трех помощников-студентов, а Максим Иванович обеспечивал перевозку груза на лошади. Правда очень далеко им уйти не удалось. Уже на второй ночевке у Лиды поднялась чрезвычайно высокая температура, нестерпимо болела голова, ее бил сильный озноб и даже терялось сознание. К утру состояние не улучшилось, они решили прекратить работы и пошли в сторону Беле. Уже после ночлега на этом кордоне ее состояние заметно улучшилось. Но возобновлять экспедицию она уже не решилась, и, оставив для работ на Белинской террасе студентов, вернулась в Яйлю. Выяснить, что с ней случилось, она так и не смогла. Теперь мы считаем, что это был острый период неизвестной тогда на озере, и не менее опасной чем клещевой энцефалит такой болезни как боррелиоз (или болезнь Лайма).

ГЕННАДИЙ ЛЕОНИДОВИЧ КРАСНИКОВ

Визитной карточкой и самым долго проживавшим на кордоне Кокши лесником был Г.Л.Красников. Как и на других кордонах здесь в любое время мог остановиться любой человек и воспользоваться гостеприимством хозяев - ими были Геннадий и его жена Люба. Гену жизнь на кордоне очень устраивала: он большую часть года был сам себе хозяин, поскольку связь кордона с Яйлю прекращалась порою на несколько месяцев (с декабря по апрель-май) из-за неустойчивого и даже не ежегодного ледостава в меридиональной части озера. Нельзя сказать, что того же мнения была Люба - у них было три дочери, и виделись они с ними в школьном возрасте только порядка трех летних месяцев.

До заповедника Гена работал главным инструктором на турбазе «Золотое озеро». Он легко соглашался на любые маршруты по заповеднику. Был всегда хорошо экипирован, в отличие от наших научных сотрудников. Мне не пришлось ходить с ним в экспедиции, а вот Лида была в его компании в сложнейшей ботанической экскурсии в верховьях реки Кокши. Именно тогда им попадались редко встречающиеся на заповедной территории лесные северные олени. Их вдоволь поснимал Алик Позняков - фотограф из Барнаульского краеведческого музея. Об экспедиционных сложностях, а также о драматической Гениной истории с соболями, я расскажу в другом месте настоящих записок.

В гостях у Герды

А этот текст из дневников своего отца мне прислала дочка Гены Красникова - Женя (Евгения Геннадьевна Моткова), которая и сейчас живет на Телецком озере. Надо сказать, что Герда, это волчица, которая довольно долго воспитывалась у Красниковых на кордоне Кокши.

20 апреля 1976 г. Днём было нашествие гостей. Сразу появилось на трёх лодках восемь посторонних людей. Герда находилась в вольере, и отвыкшая за зиму от многолюдья, заметалась, стремясь скрыться от чужих глаз. Залезть бы ей в будку, и дело с концом, но она как одержимая сновала челноком по вольере из конца в конец. Вечером с Женькиной помощью изловил её и принёс в избу. Приехал ночевать Юрий Марин.

Через полчаса после его появления Герда вылезла из-под кровати и робко пришла в кухню. Я скормил ей кусочек хлеба, погладил, почесал и она осмелела до такой степени, что подошла и обнюхала гостя. Затем вновь отправилась под кровать.

11 июня 1977 г. Юра Марин привез Герде угощение - десятка три мышей. Герда уписала их в один присест, а вечером, когда запустили к ней щенков на кормёжку, она отпрыгнула полупереваренных мышей и каждому щенку досталось штук по пять. Щенки заметно поправляются и подрастают. Бой почти сравнялся с Багирой, Бирюк самый крупный.

Конец Герды, как и почти всех диких животных, попавших к человеку достаточно случайно, был трагическим. Герда у Гены была приучена выходить на постукивание по миске, которое означало, что принесли еду. Потом, когда Гена попытался выпустить волчицу на другой берег озера для естественного воссоединения ее с дикими волками, случилась нелепая трагедия. Один из местных (язык не поворачивается сказать «охотников»), прельстившись премией,

выплачиваемой за уничтожение волка, подманил ее на стук по миске (о чем он знал, как и многие жители ближайших населенных пунктов) и подло убил это несчастное животное.

Кроме Герды у Гены всегда были собаки. Помню одну очень характерную для него историю. Пообедали мы с ним супчиком. Я поставил тарелку на тумбочку близ рукомойника. А Гена привычным движением свою тарелку отправил прямиком на пол. Спрашиваю - «зачем?». Ответа ждать не пришлось. Подошла собачка и стала очень прилежно вылизывать эту тарелку. Увидев мое удивление, Гена прокомментировал этот номер так: «Зачем тарелки мыть, если их до стерильного состояния собака вылизывает. Лично я свою тарелку вообще не мою».

Очень надеюсь, что Женя сможет найти рукопись неопубликованной повести покойного уже отца о его жизни и работе на Телецком озере. Часть сюжетов из этой интересной книги была использована барнаульским писателем Анатолием Гуциным. Это была его публикация «Тайга Геннадия Красникова» в журнале «Алтай» (1991 год).

ИВАН ИВАНОВИЧ КАРМАНОВ

С Иваном Ивановичем мне приходилось встречаться много раз в начальный период моей работы в заповеднике. Человек он был трезвомыслящий и разумный. А поскольку он был лесничим (начальником) Белинского лесничества с сетью из пяти кордонов, то приходилось ему быть еще и ответственным. Был он заметно старше меня, имел опыт работы в местах, удаленных от цивилизации и от вышестоящего начальства. Поэтому в практических вопросах я на него мог положиться. А в бытовых вопросах в периоды моей работы на их территории он и его жена Ульяна Акпыжаева попросту брали меня на содержание. Бывал я в Беле достаточно часто и подолгу, поскольку именно здесь мне пришлось вести закладку пробных площадей по зимнему маршрутному и площадному учету охотничьих животных.

Закладка площадей проходила при моем участии и под моим контролем. А вот учеты животных, увы, проходили везде одновременно, и я чаще всего был в числе учетчиков в Яйлинском лесничестве. Вот и решил однажды сердобольный Иван Иванович освободить своих подчиненных от запредельно тяжелых работ по учетам животных в очень сильно пересеченной горнолесной местности. Подлог обнаружился не сразу, а лишь при обработке не очень квалифицированно сфальсифицированных документов учета. Помню, что меня насторожила очень уж хорошая сохранность абрисов и ведомостей учетов, которые заполняются только в полевых условиях. Да еще в этих учетах статистически подозрительными были ряды значений численности животных.

Вот и пришлось нашему Ивану Ивановичу показывать, что он ответственное лицо. Как честный человек он не стал отпираться. В объяснительной записке написал все как есть, и получил заслуженный выговор. Не помню, чтобы у нас в те времена практиковались премии по итогам работы. Так что наказания в виде лишения премии, более существенного

чем выговор, он благополучно избежал. Надеюсь, что потом учеты были уже реальными. Но не исключено, что обман был уже более изощренным. Вообще-то при проведении таких работ надо, чтобы учетчики добровольно соглашались с тем, что пусть объем работ будет меньше, но достоверность результатов важнее любых количественных показателей. Благодарности за учетные работы и участие в экспедициях наши лесники также получали не материальную, а в виде упоминания в приказах. Так что врать для получения материальной выгоды, преувеличивая объемы работ, смысла не было.

Было, правда, и еще одно серьезное последствие у этой истории. Именно после упоминания в объяснительной записке Иваном Ивановичем особой опасности работ на крутых склонах, мне пришлось в срочном порядке для всех участников этих учетов заказывать в заповедной кузнице кошки. Их по технике безопасности следовало одевать при подъемах и спусках на крутых заснеженных склонах.

Впоследствии Карманов уволился из заповедника и переехал жить на изолированный кордон Ижон (Июгачского леспромхоза), что на левом противоположном берегу Телецкого озера. Там его начальство и настырные научные сотрудники почти вообще не доставали. Приходилось не однажды заезжать к нему в гости, когда случались разнообразные осложнения в поездках по озеру на лодке. И всегда Иван Иванович с готовностью помогал чем мог, а Ульяна, как и раньше, ставила на стол чай с домашними печеньями. Вспоминали работу в заповеднике, и обсуждали своих коллег, начальство, бытовые проблемы. Все как всегда...

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ СМІРНОВ

Коля был немного младше нас, поэтому общение шло на равных, тем более, что в первое время он работал на разных работах на центральной усадьбе заповедника в Яйлю, и никаких требований к его деятельности со стороны научного отдела не могло быть. Какой-то период времени он был мотористом на теплоходе Телецкой озерной станции «Восток». А потом уехал вместе с женой Светланой и двумя малолетними детьми на кордон Чири, чтобы быть ближе к стареющим родителям. Светлана была наблюдателем гидрологического поста, а Николай лесником заповедника. Вот тут-то и раскрылись все Колины таланты. Тайгу и ее обитателей он знал не понаслышке. Наблюдательность и хорошая память помогли ему великолепно вести дневник лесника и заполнять другие формы регистрации явлений в неживой и живой природе. Он был замечательным следопытом, и проведение им маршрутных учетов животных было образцовым. Самое ценное для нас в его записях было то, что они были лаконичными и емкими - только самое существенное.

Когда дети выросли, их отправили учиться на Украину к родителям Светланы. Долго это продолжаться не могло. Сначала к родителям (кажется в город Хмельницкий) уехала Света, потом и Николай. Но прожил он там не более года. Свободолюбивым телецким жителям всегда была нестерпима теснота и жесткая заданность цивилизованной городской жизни. Очень многие молодые «яйлинцы» (как, впрочем, и «белинцы») уезжали в близлежащие города, а потом возвращались на родину, поступали на самую простую и малооплачиваемую работу. Многие, выучившись, возвращались и становились крепкими работниками охраны заповедника, совсем немногие - научными сотрудниками или работниками отдела экологического просвещения.

Потом пришло печальное известие о трагической гибели его дочери Лены (она была ровесницей нашей Кати). С этого времени, как я узнал, приехав на Телецкое в 2002 году, Николай стал выпивать больше обычного, потом уволился из заповедника и нашел более удобную для совсем «свободной жизни» работу - сторожем и разнорабочим на туристической стоянке вблизи устья реки Чулышман.

Света Смирнова (в девичестве Грудень) развелась с ним и вышла замуж за поляка, став пани Левандовской. Их с Колей сын Сергей - зрелый и крепкий хозяйственный мужчина - живет с семьей в Белоруссии. Младшая ее дочь и внучка живут в Англии. И у нее, как и на озере, на все и на всех хватает сил и времени. Я всегда удивлялся и восхищался такой жизненной стойкости наших женщин. Информацией о сегодняшней жизни Светланы поделилась со мной ее подруга и сослуживица по работе на озерной станции - Надежда Михайловна Яковлева

(Соловьева), которая по воле судьбы живет сейчас с дочерью Яной в Приднестровской Республике.

ТАМАРА АЛЕКСЕЕВНА ПЛИЩЕНКО

Совсем рядом с нами в предпоследнем доме на единственной тогда улице в сторону Камгинского залива жила Тома Плищенко. К тому времени она была одинокая молодая разведенная женщина с ребенком - кареглазой дочкой Кирочкой. Позже к ней насовсем приехала ее мама, чтобы помогать ей по хозяйству и воспитывать внучку. Тома была специалистом лесного хозяйства и занимала должность техника-лесоведа центрального Яйлинского лесничества. В то время ее начальником был главный лесничий Адольф Кузавинис. Он был охотоведом и кинологом. Изучал экологию норки в Прителецкой части заповедника. Позже он уехал к себе в Литву. Какое-то время спустя Тома стала главным лесничим заповедника, возглавив разбросанный на две сотни километров штат, состоявший из мужчин с самыми разными интересами и образованием. В задачи лесников входила охрана территории от нарушителей заповедного режима, сбор первичной научной информации, проведение учетов охотничьих видов животных, прочистка троп и устройство несложных переходов через речки по основным тропам, ремонт и строительство зимовий, жизнеобеспечение лесников на наиболее удаленных кордонах.

Контактная, заводная, улыбчивая, общительная, хлебосольная, по-доброму настроенная ко всем людям - она всегда была в числе инициаторов и участников всех общественных мероприятий, праздничных концертов, а также традиционных застолий по всяким и разным поводам. Наравне с мужчинами участвовала в трудоемких работах по зимнему учету животных. Много ходила на лыжах, ездила верхом, плавала на лодках. Самыми любимыми у нее были, и остаются по сей день многодневные выходы в экспедиции в труднодоступные районы заповедника. Не однажды она сопровождала в ботанических экспедициях нашу Лидию Викторовну. И мне пришлось вместе с ней принимать участие в проведении описаний свежих гарей в кедровых лесах, которые пострадали в пожаре, возникшем от молнии.

Ко времени поступления дочки в школу она уехала по предложению нашего московского начальства возглавлять лесной отдел Саяно-Шушенского заповедника. Сейчас она на пенсии и ей (увы) 75 лет. До сих пор работает инженером по технике безопасности. Но без трудных походов в тайгу по-прежнему не может жить. И ходит в горы, помогая научным сотрудникам.

Именно с ней (и с Любой Попикиной) я бегал на коньках по льду Телецкого озера из Яйлю в Челюш порядка 30 км в одну сторону. С ней же нас внепланово

(для сопровождения пострадавшей студентки) увезли с озера Кожемир на вертолете в Горно-Алтайск без документов и денег, а потом также спецрейсом на Ми-8 забросили обратно в Яйлю. С ней же опять (и с Виктором Шичковым) на водоразделе между реками Кыга и Кайру в начале сентября (1976 г.?) мы попали в буран и могли уйти куда угодно, но только не в сторону дома.

Сейчас мы изредка созваниваемся по Скайпу. И всегда бывает приятно услышать щебетание неугомонной и оптимистичной Томочки.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДВОЕГЛАЗОВ

Однажды один из самых метких стрелков в наших местах - Николай Александрович Двоеглазов - помог нам одним выстрелом справиться с купленной на мясо, но не хотевшей умирать коровой. Но я могу вспомнить еще пару историй с его участием. При этом в одной из этих историй действующим лицом был также и я. В одну осень медведям в тайге было трудно найти достаточно корма. И они, как и всегда в таком случае, стали подходить к кордонам, поселкам, поедать урожай яблок в саду и нападать на домашнюю скотину. На кордоне Байгазан, где жил лесник Федор Степанович Назаров, медведь задавил крупного бычка, никак не реагируя на крики и выстрелы. Такие ситуации всегда грозят обернуться еще большей бедой. И начальство решило отстрелять этого медведя.

Послали Двоеглазова, как меткого стрелка, и меня, как зоолога для официальной документации факта отстрела. Мы приехали с ним туда и нашли все следы преступной деятельности «косолапого», в том числе и остатки бычка. В этом месте, рассчитывая, что медведь вернется доедать свою добычу, мы и устроили ему засаду. Еще вечером до сумерек мы выбрали поблизости толстую сосну, с которой без помех можно было стрелять. Устроили на толстых ветвях засидку, для страховки подвязали себя веревками, и стали ждать. Ждали мы долго. Так долго, что вся эта история нам не только надоела хуже горькой редьки, но убедила в том, что добыть таким образом медведя удастся только исключительно хорошим охотникам, да и то не с первого раза. Медведя мы слышали. Он ходил поблизости. Только он не был дураком. Он наверняка унюхал нас, и не подходил к своей добыче. А ведь сидели мы много часов, стараясь не шевелиться и не разговаривая, даже шепотом. А вот уже после того как мы, отчаявшись в успехе, едва живые, уже утром ушли на кордон, он доел спокойно остатки этого бычка.

В эту поездку Двоеглазов поведал мне другую и гораздо более драматическую историю на эту же тему. За несколько лет до этого был тяжелый для медведя год. На одной из алтайских стоянок в долине Чулышмана медведи обнаглели до такой степени, что, не обращая внимания на собак, приходили прямо к жилью и съедали

все, что казалось им съедобным, в том числе оставшуюся вареную картошку из остывшего казана. Его пригласили для окончательного решения этого серьезного вопроса. Ночь была лунная, он сидел рядом с жильем. И, вот он, медведь... Принюхиваясь подошел к потухшему кострищу. До него было не более десяти метров. Первым же выстрелом он уложил на землю непрошеного гостя. Не успел он успокоиться от первого выстрела, как сюда же подходит еще один медведь. Второй выстрел, и, опять повержен на землю, наказанный насмерть «преступник». Этим дело не окончилось... В итоге, за считанные минуты Двоеглазов четырьмя выстрелами добыл четырех медведей. Правда последние два были еще медвежатами, хотя и достаточно крупными. И вот тут-то, наконец, он вспомнил, что в магазине карабина было лишь пять патронов, и запасных у него не было. Как он выразился, рассказывая мне эту историю - «пятый патрон оставил для себя». Наверное, уже можно было поверить, что вслед за четырьмя еще и еще пойдут на него другие медведи.

Жена Николая Александровича - Юлия Андреевна Кочеева несколько лет вплоть до нашего отъезда с Алтая работала фельдшером в Яйлю. Эту семью начиная с восьмидесятых годов преследовали трагические события. Их дочь Таня, заменившая Юлю на посту местного фельдшера, была убита одним из местных «отморозков» рядом с поселком, когда она возвращалась из Артыбаша. Сам Двоеглазов утонул в Чулышмане, переправляясь со своим конем на, казалось бы, невинном и давно знакомом броде.

Их сын Владимир летом 2002 года, когда мы с дочерью приезжали на Алтай, любезно взял над нами шефство и возил нас по Телецкому озеру. И со всеми нами на лодке тоже происходили крайне неприятные события. Мотор отказал на самой середине озера в южной его части, и до Беле мы были вынуждены долго плыть на тяжелой лодке «Прогресс-4» на кургузых алюминиевых веслах по достаточно серьезным волнам. Я был у него и у его жены, красавицы алтайки, в гостях. Они успешно занимались небольшим, но прибыльным бизнесом - кормили летом многочисленных туристов очень вкусными мясными пирожками и торговали сувенирами. И вот уже недавно мне через Скайп бывшие яйлинцы сообщили, что он (полный сил молодой еще мужчина) добровольно ушел из жизни. При этом мне также передали его слова, которые он (все считали в шутку) говорил местным мужикам - «Пить не могу, но и не пить не могу».

ПРО СПИРТНОЕ НА АЛТАЕ

Ряд историй, где люди пили спиртное, уже был пересказан выше. А вот в следующей истории кроме уже знакомого Пети Чалчикова был еще один участник (имя его не сохранилось в моей памяти). Было также два пострадавших, одним из которых незаслуженно оказался и я. Второй (он был конем) – пострадал вообще

фатально. История эта многокомпонентная, поэтому в ней может оказаться много деталей, напрямую не относящихся к происшествию. Ключевым предметом, ликвидируя интригу, скажу сразу – был спирт.

Летний экспедиционный сезон 1978 года в научном отделе был как всегда напряженный. Лошадей на всех не хватало. Мы с Лидой должны были из Язулы выехать для работ на хребте Тетыкуль. До Язулы Лиду со студентами и основным грузом (без предварительных гарантий, но удачно) забросили вертолетом. Я и оставшийся студент (нас не взяли на борт из-за перегруза) обсуждали возможность попасть туда же самостоятельно (50 км по озеру и 150 км пешком по долине и склонам Чулышмана). Но вертолетчики твердо пообещали, что нас на следующий день доставят. Отряд, упоминавшегося ранее В.А.Шилова (тогда и.о. главного лесничего заповедника), вообще выбрал более надежный вариант (30 км по озеру, 500 км на машине по Чуйскому тракту до Улагана и 90 км на лошадях до Язулы). Целый день мы жарились на вертолетной площадке, и уже не надеялись, что улетим. Но чудо случилось – и мы к вечеру уже были в Язуле. Утром очень расположенные ко мне язулинцы привели своих лошадей, прихватив одну казенную, и мы, потеряв один лишь день, выступили в путь. Путь был недолгий – всего пара дней. И мы, заложив базовый лагерь, ушли по своим научным делам, отпустив лесников домой.

Через пару недель я вернулся в Яйлю. А там с меня неожиданно требуют объяснительную, касающуюся спаивания лесников, которые угробили казенную лошадь. И что же выяснилось? Мои доблестные проводники (и Петя в том числе) не ушли из лагеря сразу после нашего выхода по маршрутам, а, заметив предательски оттопырившийся из-за фляжки карман рюкзака, нашли там спирт... Ну, и ... По пьянке загнали лошадь в крупнокаменистую россыпь, где она сломала обе ноги. И когда Шилов приехал в Язулу, вся деревня ела «махан» (с алт. *вареное мясо*), и никто не спешил выходить с его «начальственной» экспедицией, куда бы то ни было. Обиделись на меня коллеги крепко. Но, как тогда, так и сейчас я не считаю себя в этом виноватым. Виноват крепкий алкоголь, который лично я употребляю крайне редко и в контролируемых дозах, и которым ни с кем не рассчитываюсь.

А вот, кстати, еще одна история, связанная с традициями питания и наблюдавшаяся в алтайском поселке Язула в верховьях Чулышмана. В периоды ответственных общественных работ (ческа пуха, заготовка кормов) в удаленных поселениях Горного Алтая объявляется сухой закон. И он обычно неплохо исполняется, поскольку индивидуальная доставка спиртного сильно осложнена именно удаленностью. Зато потом делается организованная заброска этого груза на вертолете, и жизнь входит в свое обычное русло.

Летел я однажды из Улагана таким рейсом в Язулу. Приземлились. Винты еще не остановились, люди уже в нетерпении у вертолета. Открывается дверь, всовывается первый алтаец. Вопрос сопровождающего – «Сколько? Только водки у нас нет, а есть лишь коньяк». Следует немедленный ответ – «Два». Уточнить что нужно два ящика, а не две бутылки, даже смешно. И так всем все понятно. И к этому

потребителю подвигаются ближе к выходу из вертолета два ящика коньяка. Они немедленно хватаются покупателем и его компаньоном, и оттаскиваются от борта. О деньгах при этом речь не ведется вообще. В считанные минуты весь груз расходуется по рукам. Продавец только успевает записать на бумажечке - кто и сколько взял. А деньги все отдадут в любое подходящее время, и в любом количестве. Поскольку все свои люди. И, надо уточнить, люди вовсе не бедные. Работники совхоза зарабатывали тогда вполне приличные деньги, они к тому же еще сдавали пух со своих личных коз, поголовье которых у многих было почти такое же, какое они выпасали в казенном стаде. Тратить деньги им было негде, да и нет такого количества товаров, которые им на самом деле необходимы. Одеваются и обуваются очень скромно, едят почти все свое, и главным образом мясо. Вот для детей, которые выезжают учиться в Горно-Алтайск в институт и техникумы, денег не жалеют. Там все местные коренные студенты-алтайцы в наше время одевались в самую модную импортную одежду и покупали недоступные нам тогда импортные магнитофоны и другие дефицитные вещи.

Вот еще одна совершенно дикая история, которую мне приходилось слышать от одного из ее участников. Она также связана с абсолютной неспособностью алтайцев противостоять алкоголю. В одной из чисто алтайских деревушек, вдалеке от райцентра и от какой-либо власти, случилось следующее. Умер человек. Его похоронили на кладбище. Проводить в последний путь пришли все родственники и знакомые - наверное все жители этого населенного пункта. Проводы заключались в неумеренном потреблении водки прямо на могиле усопшего. И ему при этом на могилу, каждый раз, когда все выпивали, тоже выливался стакан спиртного. Наверное, это такая традиция.

Но в итоге мужчины (подозреваю, что это были молодые парни) так сильно перебрали, что в полностью невменяемом состоянии так перессорились между собой, что вынули ножи, которые они всегда носят с собой... Дело кончилось еще одним трупом. Самое удивительное, что родственники вновь усопшего никуда не стали заявлять. Приехавший на расследование убийства милиционер ничего не мог добиться от односельчан, присутствовавших при этом диком деле. Вообще-то алтайцы люди мирные, не воинственные и не кровожадные, и обычно зла другим людям не желают. Это водка пробуждает в них самые зверские инстинкты.

Но есть еще одна очень удивившая меня история про пьющих армян, косвенно связанная с нашей жизнью на Алтае. Поехал я однажды из Яйлю в Москву на какую-то научную конференцию. Разместили нас на проживание в самой модной в те времена гостинице «Космос» вблизи ВДНХ. Соседом моим, как в фильме «Мимино», оказался колоритный армянский шофер. Из своей заветной фляжки наливал он себе грамм по сто армянской виноградной самогонки с исключительной регулярностью - перед завтраком, возможно перед обедом, и, разумеется, перед ужином. На мой вопрос - как это в него без видимых последствий столько спирта вливается - он сказал, что в этом нет ничего необычного. И даже, если он пообедал без положенных ста граммов, то точно останется голодным. То же перед каждой едой до сих пор делает его далеко уже не молодой отец. Все в их родне так

делают. Водить машину ему это вовсе не мешает. Я вежливо поинтересовался - нет ли среди его многочисленной родни людей, особенно детей, с заметными отклонениями в здоровье. Нет, и никогда не было. Такой четкий ответ я услышал от человека, который мне вовсе не показался хроническим алкоголиком. Полная противоположность пьянеющим уже от рюмки водки алтайцам.

Может возникнуть закономерный вопрос - «А сам автор этих записок пьющий или не пьющий?». Ответ будет такой - «Очень умеренно выпивающий». Наверное, алкоголь пробуждает эти отрицательные инстинкты не у всех людей, употребляющих разнообразные спиртосодержащие напитки. Опираясь на собственный, правда очень небольшой опыт, могу сказать, что точно не у всех. За всю жизнь мне довелось заметно «перебрать» лишь дважды. Это значит, что голова соображала замедленно, самооценка была недостаточно самокритичной, а ноги как-то неуверенно выполняли свои функции, и пройти по прямой было просто невыполнимой задачей. Агрессии ни к кому я безусловно не испытывал.

Один раз это случилось в Крыму в 1967 году, когда мы закрывали сезон подводных погружений с аквалангами. Меня понесло на виноградники за еще совсем неспелым виноградом к столу. Сторожа этого не видели, и я без их помощи покинул довольно крутой склон и благополучно вернулся на берег моря с бесполезной кислой добычей. После чего благополучно заснул, проснувшись уже от утреннего холода в палатке. Точно помню, что это полубессознательное состояние мне совершенно не понравилось.

Другой раз такая свинская ситуация случилась на территории Телецкого стационара СО АН СССР после успешного окончания сезона работ по кедровой тематике. Отметить это событие собрались все исполнители разделов хоздоговорной темы (5-6 человек во главе с ответственным исполнителем в.н.с. Владиславом Никитовичем Воробьевым). Он и выставил на стол огромный сосуд с чистейшим медицинским спиртом. Спирт вливался с каждым тостом легко и свободно, хотя и небольшими порциями. Но в итоге, как всегда это бывало при употреблении спиртосодержащих напитков более отведенной мне нормы, меня выворачивало наизнанку независимо от количества и качества закуски. Опьянение было чрезмерным, и мне это было очевидно, как и в предыдущем случае, когда я откровенно «перебрал».

Не знаю, почему люди к этому скотскому состоянию так стремятся. Я в нем ничего позитивного не обнаружил, и с тех пор предпочитаю употреблять виноградные вина хорошего качества и в умеренных количествах. А спирт, коньяк, виски, самогонку и водку пью мало и крайне редко, и, разумеется, не до потери сознания.

ДИРЕКТОРА И ИХ ЗАМЕСТИТЕЛИ

Алтайский заповедник всегда был очень сложным для управления природоохранным и научным учреждением. Причины этого очевидны - он расположен в горах юга Сибири в очень удаленной и малонаселенной местности на практически лишенной инфраструктуры территории. Из-за сильно пересеченного горного рельефа дорог в нем нет, и нет даже развитой сети конных троп. Даже к центральной усадьбе заповедника (поселок Яйлю) нет полноценной дороги, как нет сюда линии электропередач, как нет и телефонной линии. Основная связь Яйлю с «большой землей» осуществляется лишь по озеру на лодках и катерах. Размеры заповедника сопоставимы по площади с иными европейскими государствами и в настоящее время составляют около миллиона гектаров (около 10000 квадратных километров). И попасть в его южные лесничества можно лишь вертолетом, либо трудным и долгим путем через Чуйский тракт на машинах и далее на лошадях.

Организован был заповедник в 1932 году. В 1951 году он, как и многие заповедники, был закрыт под глупейшим предлогом вовлечения их ресурсов в восстановление послевоенной экономики. В 1958 году он вновь был открыт. Но в 1961 году волюнтаристским решением Н.С.Хрущева он, в числе большинства других заповедников СССР, был вновь упразднен. И в последний раз был восстановлен уже в 1967 году. Вот и менялись директора так часто, что местные жители даже и вспомнить многих уже не в состоянии. Хотя считать директоров по номерам в Яйлю все же было принято.

Но вот кого здесь очень долго все помнили, как строгого справедливого руководителя и очень хорошего организатора, так это Василия Васильевича Криницкого. Он руководил «вторым» заповедником с 1958 по 1961 год. За такой короткий период времени он смог многое сделать для обустройства центральной усадьбы и кордонов, организовал комплексные исследования горной кедровой тайги с привлечением многих известных и молодых ученых из крупных научных центров Москвы, Красноярска, Новосибирска, Барнаула. Впоследствии он не менее продуктивно работал директором Дарвинского заповедника, а еще позднее - руководителем Управления заповедников при Министерстве сельского хозяйства СССР. Я с ним, к сожалению, не был знаком лично. Но такие же добрые отзывы о нем, как о человеке и о руководителе слышал, побывав однажды еще и в Дарвинском заповеднике.

Первым для меня, а по очереди уже двадцатым директором Алтайского заповедника был Геннадий Михайлович Дорохов. В 1968 году его пригласили работать во вновь восстановленный заповедник из Управления охотничьего хозяйства Алтайского края, которое весь период становления «третьего» заповедника активно участвовало в материальном и кадровом строительстве

нашего учреждения. Ключевой проблемой на первом этапе было отсутствие у заповедника собственного катера морского класса. Только такой транспорт мог быть безопасным в условиях суровой навигации на Телецком озере. Буквально через год катер, получивший красивое и символическое имя «Ирбис», уже плавал по озеру, перевозя разнообразные грузы, а также людей (в том числе детей в Иогачский интернат и обратно). Капитаном этого теплохода был мой сосед Яков Кондратьевич Претцер из барнаульских советских немцев.

Буквально через пару лет после нашего приезда Дорохов трагически погиб, замерзнув в зимнем озере после ночной аварии директорского катера, в котором он был и рулевым и единственным пассажиром. Ему на смену из Барнаула прислали относительно молодого человека, но уже способного и согласного руководить таким сложным учреждением, как Алтайский заповедник. Охотоведу Олегу Андреевичу Макарову в момент его появления в Яйлю было едва ли больше

32-33 лет. Вскоре после его вступления в должность флот заповедника пополнился самоходной баржей, которая была призвана перевозить основные крупногабаритные стройматериалы и топливо. Новый директор даже собирался писать кандидатскую диссертацию по экологии волка. Но директорские дела не очень-то этому способствовали. Он так и жил, перемещаясь регулярно между Барнаулом и Яйлю, изредка появляясь в Бийске, Горно-Алтайске и Турочаке. Вот так и получалось, что директору в то время прежде всего надо было быть хорошим снабженцем.

Во время директорствования О.А.Макарова (он был двадцать первым директором) мне пришлось полтора года исполнять обязанности заместителя директора по научной работе. Кроме обычных своих дел (как и у других научных сотрудников) я готовил к сдаче в Главохоту РСФСР две «Летописи природы», которые задолжал московскому начальству мой бывший начальник Э.А.Ирисов. Макарова моя кандидатура на полноценное вступление в должность замдиректора вроде бы устраивала. Даже помню, что на каком-то (мне совершенно ненужном и вообще профессионально бесполезном) собрании Яйлинской партийной организации, партийцы даже критиковали меня за чужие долги, воспринимая меня уже как свершившегося замдиректора или соискателя этой должности. Однако я, уже с первого дня после вступления во временную должность, категорически заявил директору, чтобы он искал себе настоящего заместителя с ученой степенью, а мне бы дал возможность вести собственную научную работу.

Наконец Макаров показал мне документы потенциального своего заместителя. Им был Александр Владимирович Галанин - молодой, но уже опытный исследователь флоры, кандидат наук, имевший также опыт педагогической деятельности. Он вскоре приехал из Калининградского университета со всем своим семейством. Еще года через два уже А.В.Галанин вынужден был становиться директором заповедника, поскольку Макаров уехал

работать опять в Барнаул, где он достаточно быстро стал руководителем Алтайского краевого управления охотничьего хозяйства.

А вот Галанин, наш ровесник (и двадцать второй директор), стал настоящим мотором нашего профессионального роста, поскольку сам был недавним аспирантом в Ботаническом институте в Ленинграде, автором ряда серьезных публикаций по флоре Северо-Востока Сибири. Мы стали готовить и проводить творческие семинары, осваивать и более сознательно использовать начала математической обработки своих материалов. Было очень полезно обсуждать с ним научные статьи, которые мы стали писать активнее, чем раньше. Более всего повезло ботаникам - они включились в комплексное ботанико-географическое исследование территории заповедника, для чего творчески осваивали такой новый для ботанической науки исследовательский аппарат как сравнительная флористика. Вскоре Лида стала аспирантом в том же институте, там же с успехом и защитилась впоследствии. Но долго быть директором Галанин не захотел, или не был способен в этих условиях. Он уехал в Сыктывкарский университет по конкурсу заняв должность зав. кафедрой ботаники. Позже он работал директором Сохондинского заповедника, замдиректора Института биологических проблем Севера в Магадане, директором Ботанического сада ДВНЦ во Владивостоке. Не мелкий он был человек. Его уже нет с нами. Но с полным на то правом он написал про себя эти строки:

Ну что же ты молчишь, стихия?
Иль не согласна с мнением моим?
Иль я Природой вовсе не храним?
Ну что же ты молчишь, стихия?...

Послушай, Мир, я награжу тебя,
Отдай частичку твоего единства,
Возьми меня в себя. Я близко.

Двадцать третьим (и четвертым у меня) директором вскоре стал Александр Гаврилович Зимин - бывший ихтиолог из Томска. Он был ненамного старше нас, но имел какой-то организационный и хозяйственный опыт. Так вот в итоге нельзя было определенно сказать, что наши директора могли положительно или отрицательно влиять на выполнение нами наших научных обязанностей. Мы жили в разных измерениях. И было замечательно, что нам просто давали творчески и самостоятельно работать.

В качестве заместителя у Галанина, а потом и у Зимина, был также молодой кандидат наук из Чебоксарского университета, наш ровесник, Алексей Иванович Олигер. Через пару лет после нашего отъезда с Алтая после увольнения Зимина именно он стал, но тоже не на долгий срок, двадцать четвертым директором Алтайского государственного заповедника. Позже он стал директором Присурского заповедника в Чувашии.

Какие истинно демократические порядки царили в научном отделе и в целом в заповеднике в семидесятые годы можно понять, если вспомнить одно из собраний научного отдела с участием А.И.Олигера. Через полгода-год после вступления А.И. в права руководителя научного отдела у сотрудников резонно возник вопрос, а что собственно нам ждать от его приезда в плане совершенствования нашей совместной деятельности. Крутой «замес» А.В.Галанина, который не только радикально изменил подходы к исследованиям заповедных ботаников, но и стимулировал прочих сотрудников на комплексные работы, а также на все виды повышения квалификации – был вдохновляющим примером «правильного» руководителя. А.И. будучи хорошим специалистом в области энтомологии, а также вполне доверяя квалификации и опыту имевшихся в отделе научных сотрудников, сделал ставку только на собственные исследования, даже не поинтересовавшись проблемами конкретных людей.

А людям хотелось осмысленнее и результативнее работать, опираясь на опыт и более ответственный подход к делу своего старшего по чину коллеги. Собрались как-то я, Валера Стахеев, Коля Золотухин, Володя Яковлев и пригласили А.И. на серьезный разговор о перспективах научной работы в заповеднике. Думаю, что он очень недоумевал – а что собственно этим свихнутым ученым надо? Никто не «прессует», планы сами разрабатывают, материалы публиковать не мешают. Работай и радуйся. Хорошо пообщались. Только вот позитивных изменений в плане организации работ похоже не только я, но и прочие так и не увидели.

Уже после нашего отъезда директорами становились хорошие наши знакомые - люди, прекрасно знавшие все сложности руководства такой непростой организацией как Алтайский заповедник. Это был Николай Лукашов, бывший начальник Телецкого стационара ВНИИОЗ (институт охотоведения и звероводства), позднее его сменил начальник опергруппы заповедника Сергей Ерофеев.

Им на смену на короткий срок приходили также начавшие работать в заповеднике позже нас Александр Паничев, Вячеслав Тригубович, Сергей Спицын.

В настоящее время заповедником успешно руководит Игорь Вячеславович Калмыков, до этого работавший в Саяно-Шушенском заповеднике. Заповедник получил статус биосферного и с честью поддерживает его, проводя в регионе обширную работу с населением.

УНИКАЛЬНЫЕ ЛЮДИ

Уникальная природа Алтая собирала на своих берегах не менее уникальных людей. С некоторыми из них довелось встречаться и даже работать многие годы. Некоторые только приезжали ненадолго, но все равно запомнились своей биографией или образом жизни. Вообще-то уникальными, каждый в своем роде, были все люди, которые поселились на берегах Телецкого озера и работали там многие годы.

Николай Павлович Смирнов

Наиболее известной личностью на озере несомненно являлся Николай Павлович Смирнов. Будучи уже довольно взрослым человеком, он приехал на берега озера в 1927 году по рекомендации докторов, когда у него обнаружили признаки начинающегося туберкулеза. Поселился близ устья реки Чири в южной части Телецкого озера. Сначала работал в бригаде лесорубов. Позже поступил метеонаблюдателем гидрологического поста «Чири» и оставался им практически до своей смерти в 1994 году в возрасте 92 года. Многие годы он гордо носил почетное звание старейшего метеонаблюдателя Советского Союза.

Чтобы просто жить и выращивать своих детей ему и его жене Доре Захаровне (которую он взял в жены из соседней алтайской деревни Балыкча) приходилось очень много трудиться. Позднее, когда подрастали старшие дети, они тоже включались в повседневные дела. Всего они родили 17 детей, из которых до 10 лет дожило 14. Все их дети умели хорошо работать, но все равно обижались на то, что родители заставляли (вынуждены были заставлять) всех очень много работать, лишая их таким образом многих детских забав.

Не однажды строптивая река в весеннее половодье уносила его жилье или надворные постройки. И тогда все отстраивалось заново. Чтобы выращивать овощи, а позднее разводить плодовый сад ему приходилось строить на склоне озера из камня подпорные стенки и заполнять получившиеся полости плодородной почвой с другого берега озера. Землю приходилось перевозить не один год на весельной лодке. Он был известным садоводом, имел переписку со многими известными специалистами-садоводами.

Самым примечательным для многих фактом его биографии было знакомство с Михаилом Андреевичем Сусловым - всесильным «серым кардиналом» из состава

Политбюро ЦК КПСС, который отвечал за всю советскую идеологию. Всю жизнь он вел с ним личную переписку, посылая и получая праздничные поздравления. Посылал ему даже яблоки из своего сада. Были случаи обращения по более серьезным поводам. Так однажды, когда возник вопрос, на каком основании он незаконно распоряжается государственной землей на очень большой площади, то по распоряжению самого высокого начальства за ним официально закрепили землю на площади необходимой для проживания его чрезвычайно многодетной семьи.

Они с женой были гостеприимными людьми. Все, кто заглядывал к ним в гости, не уходило без угощения чаем, который часто переходил и в обед. Их гостями были Николай Бухарин, министры, космонавты, партийные руководители самого высокого ранга. Был среди них приезжавший на озеро многие годы писатель Глеб Александрович Горышин (из Ленинграда). Именно он получил возможность познакомиться с дневниками Николая Павловича, которые тот вел всю свою жизнь. Позднее на их основе была написана и в 1986 году издана биографическая повесть «Алтайские дневники» вошедшая в книгу «Уроки доброты».

ГЕОРГИЙ ДЖЕМСОВИЧ ДУЛЬКЕЙТ И ЮЛИЯ ИВАНОВНА ЗАПЕКИНА

Наиболее широко известным научным сотрудником «первого» Алтайского заповедника был Г.Д.Дулькейт (1896-1988). В годы войны и позже немолодой уже Г.Д. был руководителем научного отдела. Так вот он с 1940 по 1945 гг. практически в одиночку вел «Летопись природы» заповедника, выполняя все виды наблюдений и учетов птиц и млекопитающих, фиксируя сезонные события в жизни природы Прителецкой части заповедника. Он был творческим человеком и поэтому на ходу изобретал собственные методы учетов и изучения зимней экологии животных. Собранные им в этот период материалы вместе с аналогичными сведениями из

района заповедника «Столбы», что под Красноярском, позволили ему написать несколько монографий по крупным охотничьим видам млекопитающих, по мелким куньим хищникам. Особенно много он сделал для изучения экологии соболя. За эти работы ему была присуждена ученая степень доктора биологических наук.

Его жена Ю.И.Запекина-Дулькейт в те же годы занималась изучением водных беспозвоночных Телецкого озера и его притоков. Работы эти очень трудоемкие, требуют глубоких знаний в области гидробиологии. Г.Д. глубоко вникал и в эти проблемы и оказывал ей всестороннюю помощь.

И вот однажды летом 1972 года в Яйлю в гости к сотрудникам «третьего» заповедника приехали эти всеми уважаемые и далеко не молодые люди. Было реальное ощущение, что, общаясь с ними, ты прикасаешься к истории. Я переписывался с ними, налаживая собственную научную работу. Встречался с ними, будучи в командировке в Красноярске, куда я приезжал за архивом и библиотекой Алтайского заповедника. Невольно ловил себя на мысли, что это вообще люди другого сорта - настоящие, старой закалки, самоотверженные исследователи.

Михаил Дмитриевич Холод

Судьба свела меня и с такой легендарной личностью, как генерал Холод (1911-1994). Человеком он был очень неординарным. Трудно представить себе боевого генерала в отставке, который по доброй воле бросил городскую квартиру и работу парторгом в Одесском отделении Интуриста. Почти все его коллеги и сослуживцы жили в Москве, поднимались в свои роскошные квартиры даже на второй этаж на лифте, ездили по городу с личным водителем. А он с 1962 года и до самой смерти жил на северном берегу Телецкого озера в неблагоустроенном доме в поселке Яйлю (в столице Алтайского заповедника), изолированном от дорог общего пользования и вообще от цивилизации. Здесь он нашел себе достойную подругу жизни - ученого садовода Лилию Юрьевну Жебровскую. С ней и ее мамой Мильдой Федоровной он разводил кроликов, занимался выращиванием овощей для личного употребления, поддерживал в порядке жилой дом, хозяйственные постройки и теплицы. Будучи истинным любителем природы, он не рубил деревья для заготовки дров, а ловил в озере плавник, буксировал его к берегу на весельной лодке, вытаскивал на сушу, а позднее пилил его в одиночку, и потом перетаскивал вверх по склону в дровяной сарай.

Самым важным его занятием было проведение интереснейших политинформаций в конторе заповедника по понедельникам, а также чтение лекций по плану общества «Знание» по всей Горно-Алтайской автономной области. Не отказался он однажды помочь мне, молодому научному сотруднику, не имевшему лаборанта, согласившись сопровождать меня в одном из зимних многодневных выходов на полевые работы по учету животных по следам. Таким образом я могу сказать, что у меня работал лаборантом самый настоящий генерал-майор. И, надо сказать, он ничуть не отставал от меня в ходьбе на лыжах по заснеженным горным склонам.

Вот именно тогда долгими зимними вечерами и ночами в таежной избушке в верховьях реки Мионок мне довелось услышать от него некоторые факты из его неординарной биографии. Детство он провел на Донбассе. Был в числе первых пионеров и первых комсомольцев. С семнадцати лет начал работать металлургом. Потом по комсомольской путевке поехал в Новокузнецк. Служил на Дальнем Востоке. Если ничего не путаю, то участвовал в агитационном лыжном походе с Камчатки до Москвы. Прошел всю войну (Смоленщина, Восточная Пруссия, Подмосковье, Украина, Приднестровье), дважды был ранен. При этом один раз его от гибели (при форсировании Днепра) спас партбилет, в который было вложено стальное зеркальце. Закончил войну в Румынии, и там же служил в первые послевоенные годы начальником Главного политуправления наших войск в Румынии.

Была история, когда меня со всех сторон активно агитировали вступить в ряды компартии. Аргументация была железная - «это нужно для карьерного роста». А мне как в те годы, так и позднее нужна была просто интересная творческая работа. Хотя так получалось, что все равно мне попутно приходилось много заниматься административной и организационной работой. Так вот после долгих уговоров с его стороны лестную для меня рекомендацию для вступления в партию предлагал мне дать генерал Холод, который безусловно был самым настоящим коммунистом. Вторую рекомендацию пытался мне дать мой любимый тесть Виктор Герасимович Лазарев, также бывший в войну и в послевоенные годы армейским партийным работником и также настоящим коммунистом. И я, по правде говоря, также считал себя вполне состоявшимся «беспартийным коммунистом», поскольку старался любое дело делать по совести. Но в партию я так и не вступил. Не нужно мне это было. Аргументация у меня для отказа тоже была железная - «не созрел еще».

Когда мы приезжали с дочерью Катей на Телецкое озеро в 2002 году, то жили в опустевшей усадьбе Жебровских и Холода. Много времени проводили в беседке, построенной Михаилом Дмитриевичем на скале прямо над озером. И, разумеется, тепло вспоминали эту дружную семью неординарных и настоящих людей. Лилия Юрьевна усадьбу свою, единственную в поселке находящуюся в частной собственности, после своей смерти завещала научному сотруднику и нашему доброму другу Ирине Адольфовне Филус, с тем, чтобы устроить здесь экологию-

просветительский центр Алтайского заповедника. Но вопрос этот требовал вложения существенных средств, которые быстро собрать не удалось, а позднее не стало и Ирины. Надеюсь, что этот замечательный проект будет реализован, как дань памяти этим замечательным людям.

Лилия Юрьевна и Мильда Федоровна Жебровские

Почти сразу после нашего приезда в Яйлю в круг наших близких знакомых вошла заметно более взрослая по сравнению с нами Лилия Юрьевна и уже совсем пожилая (по нашим «послеинститутским» меркам) ее мама - Мильда Федоровна. Это были люди интеллигентные, жившие духовными интересами и постоянной работой на своем земельном участке. Только здесь можно было увидеть целые коллекции сортовых ирисов, георгинов, флоксов, лилий, гладиолусов и других великолепных цветов. Основной работой Лидии Юрьевны в разные годы было сортоизучение плодово-ягодных культур, поскольку она работала здесь от Алтайской селекционно-опытной станции Института садоводства им. Лисавенко.

Основным и незаменимым работником в их очень обширном хозяйстве был уже упоминавшийся генерал М.Д.Холод.

Мама ее прожила очень сложную тяжелую жизнь. С шести лет она уже вязала на продажу. Учиться в школе ей пришлось всего два года, и при этом она всегда много читала, была очень грамотным человеком и интересным собеседником. Еще ребенком она со своими родителями из Литвы приехала в степной Алтай. Значительную часть жизни она проработала в санатории «Белокуриха». Там она в период существования Сибирской республики видела адмирала Колчака. Там же она еще до 1920 года познакомилась со своим будущим мужем, который позднее в 1937 году был репрессирован и умер в заключении от аппендицита. Вещие сны предшествовали ее знакомству с мужем, а потом и известию о его смерти. Ее чистому уму и прекрасной памяти могли позавидовать все наши молодые научные сотрудники. Лида в свободное время довольно часто вела с ней душевные разговоры о жизни.

ВАЛЕНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ И ТАМАРА СЕМЕНОВНА СЕЛЕГЕЙ

Очень большую роль во многих вопросах яйлинской жизни неизменно играл В.В.Селегей - бессменный начальник Телецкой озерной станции, которую он же и организовал в 1965 году. Он же добился того, что она всегда была на особом месте среди других подразделений Западно-Сибирского управления гидрометеослужбы (Новосибирск). Человек он был волевой, организованный, умел работать с людьми. По вопросам снабжения своей организации всем, что нужно для работы, и по уровню их зарплат, озерная станция намного опережала заповедник. Именно поэтому туда в первую очередь попадали новые высококлассные специалисты вспомогательных служб. А профильных специалистов они получали по распределению и выращивали из местных кадров, давая им возможность учиться заочно в специальных институтах. Уже через несколько лет в 1974 году В.В.Селегей и его жена Тамара Семеновна смогли подготовить рукопись и опубликовать очень объемный труд «Телецкое озеро», основанный на многолетнем мониторинге большого количества параметров, по которым изучаются внутренние водоемы. Без самоотверженного труда всего коллектива эту книгу нельзя было бы подготовить.

Много сил и времени он уделял практическому краеведению. В 1977 году Селегей обнаружил и установил вблизи озерной станции паровой котел первой царской паровой яхты «Шефъ» на Телецком озере. Ее подарил Чулышманскому мужскому монастырю П.А.Столыпин. Позже яхта носила имя «Партизан» и ходила по озеру с 1913 по 1944 год. Еще до нашего отъезда на Урал они с Тамарой перевелись на работу в Управление гидрометслужбы в Новосибирск, но связи с Яйлю не теряли.

Ольга Александровна Липина

Приехала однажды к нам в гости на Телецкое озеро моя любимая тетушка - Галина Александровна. При встрече теплохода выяснилось, что она приехала не одна, а с появившейся уже на теплоходе своей новой знакомой Ольгой Александровной Липиной (палеонтологом из МГУ), которой надо было где-то устроиться на ночлег. У нас такие проблемы решались очень просто, и в нашем доме всегда находилось место для разных людей, волей случая попавших в Яйлю по делам или просто путешествующих. И таких знакомых, которые в свою очередь были готовы принять нас у себя дома в самых разных городах нашей страны, было также немало. Так мы и познакомились.

Природа Алтая не могла не очаровать Ольгу Александровну. У нас завязалась переписка. Интересным для нас было в частности то, что если мы поздравляли ее,

ее дочь - нашу ровесницу Наташу и ее внуков со-всеми советским праздниками, то к нам приходили поздравления с Новым годом и Рождеством, а советские праздники попросту игнорировались.

Их чисто женская разновозрастная семья была верующая и частично воцерковлённая. А как потом выяснилось, то она была еще и далеко не пролетарского происхождения. В церковь, как мне показалось, не ходила только Ольга Александровна. А вот ее дочь Наташа посещала свой храм (не помню какой) регулярно, и ее гражданским мужем в период нашего активного знакомства был даже церковный бас Игорь. Старшую внучку Марину мы видели пару раз - она была уже замужем, жила отдельно и воспитывала двоих детей. А вот младшая внучка Катя (вторая дочь Наташи) была ненамного старше нашей Кати, она прекрасно рисовала, и, как нам стало известно впоследствии, поступила в какую-то специальную православную школу-мастерскую, где всерьез училась писать иконы. Вот именно Катино лицо показалось нам совершенно итальянским. Наташа нам однажды рассказала, что среди ее предков были не только итальянцы, но и немцы и французы.

Однажды в один из наших приездов в Москву мы остановились у них на несколько дней и Ольга Александровна дала нам почитать рукописную книгу, сделанную ею по дневникам ее родителей и по их переписке из-за рубежа с родственниками. Родителями ее были профессора биологи из МГУ и одни из родоначальников отечественной гидробиологии. Среди литературы, с которой мы знакомились в период учебы в университете, была книга ее отца А.Н Липина «Пресные воды и их жизнь», изданная еще в 1940 году.

А вот при чтении довольно толстой рукописной книги (написанной как интереснейший биографический роман) мы смогли узнать о совершенно незнакомой нам дореволюционной жизни молодых супругов (ее родителей), далеко не бедных интеллигентных людей, которые получали образование не только в России, но и несколько лет в ряде европейских стран. Это было для нас как обратная сторона Луны - мы о той жизни вообще ничего не знали и не могли знать по факту нашего рабоче-крестьянского происхождения. Сейчас, когда уже издано очень много книг воспоминаний самых разных интересных людей, острота восприятия каждой новой истории-биографии снизилась. Но хотелось бы еще раз почитать ту книгу. Хотя Ольги Александровны уже нет в живых, но едва ли ее потомки бросили свою замечательную профессорскую квартиру вблизи университета. И, следовательно, это вполне возможно...

Одно имя в их семье было под запретом. Этим человеком был наш блестящий и замечательный университетский профессор Александр Степанович Константинов, который читал нам интереснейший курс «Введение в современную биологию». Он был заведующим кафедрой общей биологии Саратовского мединститута и одновременно заведовал кафедрой беспозвоночных животных биофака СГУ. Написанный им учебник «Общая гидробиология» был основным учебником по этой специальности в ВУЗах СССР. Как косвенно выяснилось, он был любимым учеником ее отца, а также желанным претендентом на руку старшей

сестры Ольги Александровны. Но их брак не состоялся, в чем всеми родственниками очевидно усматривалась его непрощаемая вина. Он окончил университет в 1941 году. Воевал, был в плену. Потом работал в Саратове до 1972 года, а затем переехал в родную Москву работать на кафедре ихтиологии биофака МГУ. Было приятно встретить его однажды в стенах главного ВУЗа страны, куда я приезжал довольно много раз по делам или в гости к своим коллегам по их прежней работе на Алтае.

Александр Михайлович Янгель

Однажды в Яйлю в штат заповедника был зачислен мало похожий на разнорабочего довольно молодой интеллигентный человек из Москвы по имени Александр. Должность ему дали с относительно неопределенными обязанностями - что-то вроде учетчика или техника. Он оказался очень контактным, общительным и словоохотливым. Постепенно мы с ним познакомились, помогали чем могли в период его адаптации к местным условиям. Человеком он был сугубо городским, и экзотика алтайской природы его не очень глубоко трогала. Разговоры наши были не сказать, чтобы очень частыми, но продолжительными и, наверное, интересными ему. А то, что нам были интересны его рассказы о своей жизни - это значит не сказать ничего. Это был человек из недоступного нам мира советских «небожителей».

Саша Янгель родился в 1942 году и был сыном в наше время мало кому известного (а попросту надолго засекреченного академика) - Главного конструктора ракетно-космических систем Михаила Кузьмича Янгеля. Его мама Ирина Федоровна Стражева была доктором технических наук и профессором Московского авиационного института. Этот же институт окончил и Саша, но работал в основном в Доме культуры МАИ. Вот именно мама и направила на Телецкое озеро из Москвы своего сына подальше от его друзей-собутыльников. До этого, даже пройдя лечение от алкоголизма в Кремлевской клинике, он вновь начинал неумеренно выпивать. Событьем у него, а также соседом по палате с тем же диагнозом, в частности оказывался родной брат всеильного Генерального секретаря ЦК КПСС - Яков Ильич Брежнев. Нередкими были его выпивки с уже известными всему миру летчиками-космонавтами, среди которых он называл и Юрия Гагарина. Друзьями их семьи были космонавт Павел Попович и известный летчик Марина Попович, которая тоже готовилась к полету в космос. Среди людей, с которыми Саша общался (и, разумеется, выпивал) был также и кумир миллионов жителей нашей страны Владимир Высоцкий.

Ранжирование значимости трех ракетно-космических корпораций, существовавших многие годы в СССР, и негласно конкурировавших между собой, ярко и образно проявлялось в кем-то сочиненной народной мудрости: «Янгель работает на нас, Королев на ТАСС, а Челомей на унитаза». Теперь, спустя десятки

лет после этого соревнования, уже, наверное, потребуется давать и небольшие пояснения. «Янгель» (Михаил Кузьмич) - все структуры, создававшие надежное ракетно-космическое оружие и тяжелые ракеты носители, в том числе и для орбитальных полетов спутников с людьми на борту. «Королев» (Сергей Павлович) создавал всемирно известные спутники и ракеты для мирного освоения космоса. Его успехи широко освещались прессой, в том числе ТАСС (Телеграфным агентством Советского Союза). «Челомей» (Владимир Николаевич) - сеть институтов и производств, выполнявшая в том числе и удачную программу по созданию ракет «Протон».

Какие, например, формы отношений считались нормальными в кругу его знакомых? Узнал в свое время Саша, что я собираю материалы для защиты кандидатской диссертации и решил мне помочь. Давай, говорит, я напишу Анатолию Петровичу, и ты быстро защитишься. А это не менее и не более чем Президент Академии наук СССР - академик А.П.Александров. А я и тогда не сильно спешил, да и сейчас не жалею, что так и не собрался дописать диссертацию и получить научную степень. И уж, разумеется, помощь великих мира сего для этого вовсе не требуется. Надо всего-то полноценно работать и делать свое дело так, чтобы тебя признавали коллеги.

Был у нас с ним еще один анекдотичный случай. Бывая у нас в гостях он так или иначе заглядывался на нашу драгоценную, несравненную, замечательную и любимую «Мисс Яйлю» - Лидию Викторовну. Среди московских своих подруг он, разумеется, ничего похожего не встречал. И вот однажды, отчасти в шутку (но может быть и с некоторой надеждой), он спросил, а нет ли у Лиды сестры. Очевидно он предполагал, что и сестра должна быть такой же неотразимой.

Проработал Саша в заповеднике год или чуть более. Приезжала к нему его гражданская жена Люда, которая, как и мать тяжело страдала от его запоев. Он уехал назад в Москву. И вот там однажды у него в гостях оказались Лидины родители - Виктор Герасимович и Анна Ивановна, с которыми он познакомился у нас на Алтае. И вот уже они нам рассказывали, как и где живет Саша, кто у него в соседях. Их очень поразило, что не только вход в подъезд, но и въезд на территорию перед домом охранялись строгими людьми в черных костюмах. Жили в этом доме люди далеко не случайные, и требующие особой охраны. Тем не менее одним из соседей Саши был артист Юрий Никулин.

Первые годы после окончания института он работал в Днепропетровске, где находилось конструкторское бюро отца «Южное» и знаменитый «Южмаш». В шестидесятые годы он был первым капитаном команды КВН (клуба веселых и находчивых) этого города. В Москве, кроме Дома культуры (клуба) МАИ, Саша Янгель (А.Стражев) работал в газете «Правда», журналах «Огонёк» и «Техника молодёжи». Последние годы жизни работал в Управлении культуры Москвы. Он умер от сердечного приступа в 1989 году. Сейчас в его квартире возможно живут Сашина жена Люда и дочь Анна. Так-что, будучи знакомыми с Сашей, мы были всего в одном рукопожатии от таких известнейших людей двадцатого века как

космонавт Ю.А.Гагарин, актер и поэт В.С.Высоцкий, артист Ю.В.Никулин, академики М.К.Янгель и А.П.Александров.

КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ СТОРЧЕВОЙ

Воистину уникальными были люди, которые в годы нашей работы на Алтае руководили системой заповедников. Человеком из отдела заповедников Главохоты РСФСР, с которым более всего приходилось контактировать по вопросам обеспечения основной деятельности (охрана, наука, экологическое просвещение и хозяйственная деятельность) большей части российских заповедников был К.В.Сторчевой. Это был крепкий хозяйственник, уволившийся из армии и еще полный сил и желания работать. Такие люди как он работали очень конкретно. Он был одним из тех, кого позже стали называть государственниками. Он лично знал и постоянно общался с первыми лицами (директор, заместитель по науке, главный лесничий) каждого из подконтрольных ему двух с половиной десятков заповедников. Мало того, его интересовали все инициативные и ответственные научные сотрудники и работники охраны. Видимо и я попал в его список на выдвижение в руководящие кадры.

Приезжая по самым разным поводам в наш заповедник, он стремился попасть не только на центральную усадьбу, но и лично посмотреть на жизнь лесников в совсем уже глухих местах - на отдаленных кордонах. Устраивал встречу с коллективом, где лично доводил до общего сведения результаты проверок. Приватно встречался с людьми, с которыми у директора были обостренные отношения. Собирал жалобы и предложения, неукоснительно сообщал о принятии (или причинах непринятия) мер по этим жалобам. Вполне себе демократическая жизнь у нас происходила.

АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ НЕЧАЕВ

На два уровня выше по положению в Главохоте по сравнению со Сторчевым был заместитель начальника этого ведомства - А.В.Нечаев. В его хозяйстве кроме заповедников были распределенные по всем, как сегодня бы сказали «субъектам Российской Федерации»: Управления охотничьего хозяйства и многочисленные организации с федеральным статусом - охотхозяйства, разнообразные охотничьи заказники, специальные фермы, госпромхозы, зообъединение, охотустройство, охотнадзор, ЦНИЛ Главохоты. Тем не менее мне пришлось столкнуться с той же дотошностью (что видел я у Сторчевого), с которой он работал со всеми людьми. Я как научный сотрудник был вне его прямых забот и обязанностей. Но поскольку однажды, когда я и Лида собирались уезжать с Алтая, он принял меня, видимо проверяя рекомендации Сторчевого и решив составить обо мне собственное мнение как о кандидате на должность зама по науке в одном из заповедников. Это

было намного раньше, чем возник конкретный вопрос о моем переводе из Алтайского заповедника в Висимский. Однажды из отдела заповедников пришла телеграмма, что мне надо переговорить с Главохотой по вариантам устройства. Я на лыжах за 18 км вышел на почту в поселок Бийка, откуда уже была телефонная связь с миром, и позвонил в Москву Нечаеву. Мне не пришлось объяснять кто я такой, вводить его в курс моих дел в связи с предстоящим переводом. Он мгновенно включился в предметный разговор так, как будто мы с ним общались не несколько месяцев назад, а только вчера. Позже он благословлял меня (подписав служебное удостоверение) на работу в Висимском заповеднике. И далее я видел его (хотя и не каждый год) на так называемых балансовых комиссиях, когда вся работа заповедника за год, как под микроскопом, оценивалась отделом заповедников и другими службами Главохоты. Заповедники, которые могли сделать много самых разных проектов, и надежно их делали (в особенности строительных и хозяйственных), получали необходимые финансовые средства и новую технику в первоочередном порядке. А вот невыполнение планов (которые мы сами же и составляли) приводило не только к лишению премий, но и к известным ограничениям в финансировании программ развития. Надежность была основным критерием работы. А возможности руководства Главохоты в лице ее начальника Н.В.Елисеева (который был в очень хороших отношениях с Л.И.Брежневым) и его зама А.В.Нечаева определялись их прямой подчиненностью Совету Министров РСФСР. И были эти члены Совета Министров вслед за Брежневым все как один заядлыми охотниками, которые сталкивались с нашим руководством не только в рабочих кабинетах, но и в непринужденной обстановке на самых разнообразных охотах. И не в заповедниках, разумеется...

АКАДЕМИЯ И ВУЗЫ

Весь свой трудовой путь я провел в очень хорошей компании. Всегда вокруг и рядом были высококвалифицированные и дружественно настроенные сотрудники Академии наук СССР из самых разных его учреждений, находившихся в самых разных городах нашей страны. Это был в первую очередь Биологический институт) Сибирского отделения АН СССР (Новосибирск), ИЭМЭЖ (институт эволюционной морфологии и экологии животных) АН СССР (Москва), ИЭРиЖ (институт экологии растений и животных) УрО АН СССР (Свердловск). Это были также многие университеты (Московский, Петрозаводский, Саратовский, Томский, Новосибирский, Горьковский и многие другие ВУЗы), из которых ко мне на практику присылали студентов мои коллеги.

БОРИС СТЕПАНОВИЧ ЮДИН

Я был прикреплен к БИ СО АН СССР в качестве соискателя ученой степени кандидата биологических наук. Моим научным руководителем был зав. лаборатории териологии этого института, ведущий специалист по насекомоядным животным Сибири и признанный эксперт по экологии крупных хищников и копытных животных - Б.А.Юдин. К его лаборатории относился и Зоомузей института. Появлялся я в институте обычно поздней осенью со своими проблемами, связанными со сложностью определения землероек, для сдачи кандидатских экзаменов, для обсуждения готовившихся к печати научных работ, для работы в библиотеке, для докладов по итогам своей работы за год на заседании лаборатории.

Интересно проходила проверка правильности моих определений. За неделю-полторы я готовил серию стекол, на которых с использованием пластилина крепил по несколько сот зубных рядов всех землероек и некоторых экземпляров сомнительных для меня в определении мышевидных грызунов из двух родов (лесных и серых) полевков. Потом однажды поздно вечером появлялся свободный от всех обычных дел Борис Степанович, и в бешеном темпе диктовал мне правильные названия для соответствующих номеров определяемых экземпляров. На это уходило иногда до трех-четырёх часов времени. И только потом я вносил окончательные записи в результаты учетов мелких млекопитающих, которые проводил весь полевой сезон.

Борис Степанович был также непревзойденным экспертом в приготовлении разнообразных наливок и спиртовых настоек. Запомнились настойки на скорлупе кедрового ореха (что-то вроде коньяка), настойки на свежих почках черной смородины, разнообразные комбинации настоек из высокогорных лекарственных растений, чистые настойки корней родиолы розовой и маральего корня. Он же и употреблял их, как мне кажется в излишних количествах.

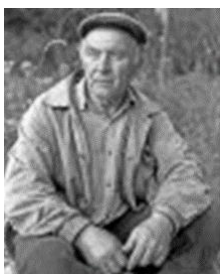
В одну из поездок я застал в препараторской комнате финальный этап досушивания им мумиё до стадии мягкого битума - запах был специфический и распространялся далеко по институтскому коридору.

Все сотрудники лаборатории при необходимости были готовы дать мне необходимые консультации, щедро выставляли на моем рабочем столе целые стопки специальной литературы - монографий и научных сборников, с которыми мне, по их мнению, следовало бы обязательно познакомиться. Среди этих замечательных людей могу назвать Лиану Ивановну Галкину, Антонину Федоровну Потапкину, Юрия Геннадьевича Швецова, Тамару Александровну Дупал.

ГЕНРИХ ГЕНРИХОВИЧ СОБАНСКИЙ

Генрих Генрихович Собанский заметную часть жизни с рождения в 1927 году и до окончания школы провел на Урале. Потом учился сначала в Московском пушно-меховом институте, а потом в Иркутске. Работал охотоведом в Красноярском крае, научным сотрудником в Башкирском заповеднике, позже в Восточно-Сибирской охотостроительной экспедиции. С 1962 г. был охотоведом в Горном Алтае в известном тогда «Кедрограде». С 1964 г. перешёл в Биологический институт Сибирского отделения Академии наук СССР (ныне Институт систематики и экологии животных СО РАН) в качестве заведующего Телецким стационаром.

С 2005 года, уже на пенсии, работал научным сотрудником Алтайского заповедника. Много лет занимался изучением экологии крупных млекопитающих - медведей, маралов, сибирских горных козлов. Наше эпизодическое общение заключалось в том, что я, как начинающий зоолог, получал у него очень полезные консультации по сбору и обработке первичных научных данных, собранных штатом охраны заповедника. Он же был инициатором масштабных работ по визуальному весеннему учету медведя в заповеднике на склонах Телецкого озера с лодок.

К сожалению, мне не довелось работать с ним в общих экспедициях. Он умудрялся проводить наблюдения за поведением таких экзотических животных как горные козлы в очень труднодоступных местах в верховьях реки Большой Абакан. Именно там однажды произошла довольно драматическая история, связанная с неплановой задержкой на целую неделю их эвакуации с места полевых работ.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ ИШУНИН

В нашей с Лидой короткой поездке в Узбекистан в 1979 году мы смогли остановиться на ночлег в Ташкенте по приглашению нашего старшего коллеги из института зоологии Узбекской Академии наук Григория Ивановича Ишунина в его холостяцкой квартире в квартале Чиланзар. Там он накормил нас сытной яичницей с луком, приготовленной им по его личному рецепту. Потом это «скорострельное» и нехитрое блюдо стало моим дежурным блюдом, когда рядом не было Лиды, более изощренной в приготовлении вкусной пищи.

Этот немолодой невысокий суховатый человек, чисто внешне слегка похожий на моего деда, имел по всем вопросам свое собственное мнение, а также негибкую волю. Работая очень долго в Средней Азии, он «не прогибался» под местных баев, одним из которых несомненно являлся и директор института, в котором он работал. На Втором съезде Всесоюзного териологического общества СССР (в 1978 году), на котором мы и познакомились, Григорий Иванович активно и принципиально выступил против включения директора своего института (его

фамилии я уже не вспомню) в Члены Президиума этого научного общества. Основания для этого он привел самые нелюбимые: плагиат, использование служебного положения в личных целях, преследование неугодных ему сотрудников. И все участники практически единогласно проголосовали против, поддержав честного и смелого научного сотрудника. Позже он неоднократно присылал мне свои книги и оттиски работ. Я также старался делиться с ним результатами своей научной работы.

Татьяна Борисовна Саблина и Владимир Константинович Абрамов

Однажды осенью 1972 года в Яйлю не в командировку, а просто на экскурсию приехали столичные зоологи Т.Б.Саблина и ее заметно более молодой муж В.К.Абрамов. Они зашли в управление заповедника, чтобы представиться директору и получить содействие в перемещении по озеру. Директор привел их в лабораторию и передал на мое попечение. Я возил их на лодке по озеру, рассказывал о природе и исследованиях, ведущихся заповедником, приглашал к себе в гости. Так мы и познакомились. В то время Саблина была Ученым секретарем ИЭМЭЖ, руководителем секции Охраны природы Московского общества испытателей природы (Всесоюзного по сути), членом редколлегии «Зоологического журнала». Она была уже известным зоологом и исследователем животного мира Дальнего Востока. В 1973 году она стала одним из организаторов Всесоюзного Териологического общества СССР. Абрамов, ранее трудившийся охотоведом и научным сотрудником на Дальнем Востоке, работал в ЦНИЛ Главохоты, курировавшей исследовательскую работу в заповедниках России. Он был сыном организатора и первого директора Сихотэ-Алинского заповедника - Константина Георгиевича Абрамова.

Разговор (очень заинтересованный со стороны Саблиной) зашел о моей научной работе. Она убедила меня в том, что мои материалы имеют право на публикацию в центральных журналах и предложила, не откладывая написать и послать в «Зоологический журнал» статью о расхищении кедровых семян в тайге Северо-Восточного Алтая. На эту рекомендацию ее натолкнуло знакомство с моим отчетом по хоздоговорной теме по защите кедра при посеве в тайге.

Вдохновленный такой поддержкой, я довольно быстро написал эту статью, оформил ее рисунками надлежащего качества. И через довольно краткое время после отправки статьи в редакцию журнала получил оттуда извещение о принятии статьи в печать и конкретные замечания квалифицированного рецензента по доработке статьи. Им, как позже выяснилось, был д.б.н. Николай Федорович Раймерс. Доработка не заняла много времени, и через год я получил корректуру статьи, а потом уже увидел ее напечатанной в журнале. Оттуда же мной были получены оттиски статьи, которые я с гордостью отправлял своим старшим товарищам и коллегам. Позднее я не стесняюсь отправлял статьи для публикации в такие научные журналы как «Бюллетень МОИП (Секция биологии)», «Известия

Сибирского отделения АН СССР», в журнал «Экология», в издания Териологического общества АН СССР.

Я виделся с Т.Б.Саблиной и В.К.Абрамовым в Москве, куда достаточно часто ездил в научные командировки. Несмотря на предельную занятость они всегда находили время для общения, обсуждения организационных и научных вопросов. По их рекомендациям я пользовался очными и заочными консультациями по тематике моей работы таких ведущих и признанных зоологов как Н.Ф.Реймерс из Москвы, а также Г.Ф.Бромлей, В.А.Костенко и Е.Н.Смирнов с Дальнего Востока.

ФЕЛИКС РОБЕРТОВИЧ ШТИЛЬМАРК

С известным зоологом и охотоведом Ф.Р.Штильмарком и с его женой Надеждой Константиновной Носковой (они в те годы работали в ЦНИЛ Главохоты) я познакомился уже в начале семидесятых годов достаточно близко, и долгие годы поддерживал с ними добрые дружеские отношения, переписывался, неоднократно бывал у них дома.

С Феликсом Робертовичем нас познакомила Татьяна Борисовна Саблина на одном из совещаний по заповедному делу в Москве в 1974 году. Мы встретились с ним в городе и очень долго проговорили на тему о современном состоянии заповедного дела в Сибири. Тема его живо интересовала, поскольку он был к этому времени автором ряда проектов по созданию новых заповедников. Благодаря его усилиям на территории СССР было организовано более десятка заповедников, в частности, Сохондинский (1973), Малая Сосьва (1976), Таймырский (1979), Юганский (1982) и Центрально-Сибирский (1985). Феликс Робертович со временем стал настоящим классиком заповедного дела в России и опубликовал несколько крупных работ.

Меня тогда интересовали детали работы по проведению учетов и изучению экологии мелких млекопитающих, а также куньих и других охотничье-промысловых видов млекопитающих. Его интересовали практические вопросы функционирования заповедников, в том числе Алтайского, в котором я в это время работал. Он был великолепным охотником, держал прекрасных западносибирских лаек. Очень много времени провел в диких местах, однако и мой скромный опыт по устройству быта в заповеднике однажды понадобился ему.

В начале восьмидесятых годов (1984) Феликс Робертович согласился занять пост заместителя директора по научной работе в организованном им Юганском заповеднике. Контора заповедника находилась в леспромхозовском поселке Угут. Тем не менее отсутствие на начальном этапе соответствующей инфраструктуры (транспорта, складских и рабочих помещений, оборудования и снаряжения и прочих необходимых для функционирования заповедника вещей) повергло его в некоторое уныние. И он написал мне письмо, в котором прямо просил поделиться

в частности опытом заготовки дров для отопления собственного и очень холодного жилья. Я буквально не поверил, что такие вопросы могут смущать известного проектировщика заповедников и такого опытного полевого зоолога как он. Но уж так оно и есть: «гладко было на бумаге, да забыли про овраги...». На Алтае все эти и иные вопросы организации работ и быта в большинстве случаев решались непосредственно научными сотрудниками. В итоге в 1985 г. Ф.Р. уехал из Юганского заповедника назад в Москву.

Я намеренно не освещаю здесь его многочисленные и неоспоримые заслуги как писателя, теоретика заповедного дела, проектировщика большого числа особо охраняемых природных территорий, охотоведа-эколога, историографа российских заповедников. Это все можно найти на соответствующих сайтах и в специальной литературе. Он является автором свыше 400 научных и научно-популярных книг и статей. Важнейшими из них я считаю книги: - Н.Ф.Реймерс, Ф.Р.Штильмарк «Особо охраняемые природные территории» - М.: «Мысль», 1978. 295 с., Ф.Р.Штильмарк «Историография российских заповедников (1895-1995)»- М.: «Логата», 1996. 340 с., Ф.Р.Штильмарк «Заповедники России». Т. 1.- М.: «Логата», 1999. 240 с. и Т. 2.- М.: «Логата», 2000. 255 с.

Интересный опыт общения с Ф.Р. был у меня в Висимском заповеднике, куда он приехал, чтобы разобраться в запутанной истории с регуляцией численности (=научно обоснованный отстрел) лося в охранной зоне заповедника. Здесь ему, как опытному охотоведу, было достаточно проехать на санях пару километров по заповеднику, чтобы сделать твердый вывод о заповедной плотности населения этого вида копытных на особо охраняемой территории, где порядка десяти лет не допускался его браконьерский отстрел. Впоследствии регулируемый отстрел и его норму научно обосновали, и успешно проводили вне заповедной территории (в охранной зоне) силами охраны заповедника, не привлекая к этому плохо организованных местных охотников.

Отец его - Роберт Феликсович Штильмарк был выходцем из прибалтийских немцев. Он, находясь в лагерях Гулага, написал замечательный роман «Наследник из Калькутты». В первом его издании соавтором приключенческого романа числился начальник лагеря, не написавший в нем ни строчки. Этой книгой я зачитывался еще в начальной школе. Позже Феликс Робертович, восстановив справедливость, издал эту книгу под единоличным авторством отца.

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА ТУПИКОВА И ВАЛЕНТ ВИКТОРИНОВИЧ КУЧЕРУК

Валент Викторинич Кучерук
(1916–2003)

Помню любопытную историю, связанную с написанием статьи в одно из специальных изданий, где был опубликован результат моего оригинального подхода к картографированию населения мелких млекопитающих животных Алтайского заповедника. Статья моя попала на рецензирование к очень серьезному специалисту - одному из классиков в области зоологического картографирования - Наталье Владимировне Тупиковой (МГУ). Переделка для статьи потребовалась серьезная и заняла не менее года. В это время я не только вел переписку с Тупиковой, но и встречался с ней в Москве. Принимая меня в своей квартире она и ее муж, еще более известный среди зоологов специалист - Валент Викторинич Кучерук (авторитетнейший эксперт ВОЗ по вопросам медицинской зоологии, д.б.н., сотрудник НИИ эпидемиологии и микробиологии имени Н.Ф.Гамалеи Минздрава СССР), очень тепло и заинтересованно общались со мной, и не только по теме статьи. Расспрашивали про ту часть Алтая, где я работал, кормили, поили, показывали слайды со всего света. Ее вклад в написание моей статьи по моему пониманию превысил все разумные пределы. И я без всяких задних мыслей предложил ей быть соавтором. Ответ был замечательным во всех смыслах - «Я борзыми щенками не беру». Может быть она предполагала, что я таким образом напрашиваюсь к ней в аспирантуру, либо просто хочу усилить научный вес этой публикации ее соавторством? Чего я, разумеется, ввиду не имел. И обижаться на нее смысла не было.

Кстати, уходя из гостей от Кучеруков, я всегда уносил с собой заметное количество любезно подаренных мне книг по предмету моих исследований, в том числе несколько выпусков легендарной серии «Фауна и экология грызунов», много лет выходившей под редакцией В.В., а также широко известную книгу «Принципы и методы зоогеографического картографирования», написанную Н.В. в соавторстве с Л.В.Комаровой. Эти два старших по возрасту и опыту ученых очень много сделали для советской зоологии, воспитали много хороших специалистов. Вот и мне было очень полезно общение с ними, хотя, к сожалению, очень редкое. Но я им всегда был очень благодарен за это.

Хотя общался я с этими людьми довольно мало, но историй и легенд о их жизни слышал очень и очень много. Мне их с восторгом рассказывал мой однокурсник Володя Лапшов, которому довелось работать с Кучеруком в институте им. Гамалеи и участвовать в нескольких его экспедициях. Вот две истории, из которых проглядывают живые черты этих замечательных людей. Посетовал как-то раз Кучерук на плохую память Тупиковой, которая к сроку не сделала какую-то важную для него работу, и добавил: «Ну и память у Тупиковой - двух мышей в голове удержать не может». Другое происшествие произошло прямо у Володи на глазах. Шла Тупикова через оживленный перекресток, да замечталась. Скрип

тормозов..., машина уже наезжает вплотную..., Тупикова делает не соответствующий ее почтенному возрасту подскок, и вращаясь вокруг своей оси приземляется «пятой точкой» на капот автомобиля. Все это действие сопровождалось вовсе не женским визгом, а вполне внятными и соответствующими случаю крепкими русскими выражениями в адрес водителя. Обошлось без серьезных последствий. Синяки не в счет.

Юна Владимировна Дроздова

Познакомился я с ней в 1972 году в первой своей краткой экспедиции, там, где ничтожная доза спирта, выпитого Дмитрием Ядомыковым, сыграла с ним свою злую шутку. Далее мы общались с ней эпизодически на темы учетов мелких млекопитающих весь мой период работы на Алтае. Одну полезную мысль она мне накрепко заложила в мою зоологическую голову - учет проводится для того, чтобы как можно полнее выявить видовой состав и соотношение обитающих в исследуемом биотопе мелких млекопитающих, и для этого надо стремиться к максимально возможному проценту результативно сработавших ловушек. Для этого она использовала ряд несложных приемов, которые я в дальнейшем обязательно использовал, добиваясь того, что в моих учетах стандартными ловушками и со стандартной приманкой из хлеба с подсолнечным маслом всегда ловилось больше видов и в большем количестве, чем у рядом работающих «мышеловов». Вот эти «правила»: - ловушки должны тщательнейшим образом настраиваться и настораживаться; - все ловушки, устанавливающиеся через пять метров, все же должны ставиться в местах с наибольшей вероятностью поимки - в кустах, у норки, в корнях; - надо использовать мелкие кубики белого хлеба с плотной корочкой, слегка поджаренные на сковородке.

И вот именно таким образом с помощью этой приманки в итоге были выявлены все обитающие в Северо-Восточном Алтае виды мышей, высокогорных, серых и лесных полевок, лесные лемминги, лесные мышовки, бурундуки и сеноставки, водяная кутора, белозубка, а также все виды землероек-бурозубок, включая самую мелкую из них - крошечную. Ловчие канавки, как наиболее результативные в отношении отлова землероек, также никто не отменял. И я их активно использовал при проведении учетов мелких млекопитающих животных на территории Алтайского государственного заповедника.

К 1977 году «третий» заповедник ко дню своего 10-летнего юбилея собрался издать четвертый выпуск научных Трудов. Одним из приглашенных авторов была Дроздова. И еще одна статья по мышевидным грызунам долины реки Чулышман была у нас с ней совместной. Однако объем ее основной статьи в разы превышал установленные лимиты. Мне как члену редколлегии пришлось существенно изменить форму подачи основного материала. Заменяв одной сводной таблицей порядка полутора десятков таблиц, где нерационально повторялись одни и те же колонки, я сэкономил необходимое место, но при этом пришлось изменить стиль

ссылки. Изменения были доброжелательно приняты моим старшим и более опытным коллегой. А я в дальнейшем без колебаний брался за научное редактирование объемных научных сборников самого разного ранга и тематики.

Позже Юна Владимировна переехала из Новосибирского Академгородка в Москву ближе к дочери и постепенно отошла от работ, связанных с отловом мелких млекопитающих. По отзывам других коллег я узнал, что она замкнулась в себе. В причины этого вдаваться конечно же не стоило. Однажды я был у нее в гостях, но понял, что наше общение ее заметно напрягает.

Юрий Соломонович Равкин

Во времена моих первых занятий учетами мышевидных Юрий Соломонович был уже зрелым зоологом, который разрабатывал свой подход к классификации животного населения, основанный на математических методах. И в структуре БИ СО АН к этому времени существовала группа (или сектор) биоинформатики, в котором работало несколько весьма математически продвинутых зоологов. Среди прочих мне было приятно иметь дело с молодыми тогда специалистами Борисом Рябко и Верой Шадринной, которые, как и их шеф (как, впрочем, и я в заповеднике) занимались изучением пространственно-типологической структуры животного населения мелких млекопитающих.

Наша связь с Равкиным не прекращалась до моего выхода на пенсию. Я стал одним из «богатых» учетными материалами вкладчиков в его автоматизированную базу данных учетов позвоночных и некоторых групп беспозвоночных животных Сибири и Урала. Одна из последних моих работ по Алтаю была совместной с ним и многими другими специалистами, проводившими многолетние учеты животных на постоянных учетных стационарах. Оригинальным, как и сам Юрий Соломонович, было его предложение присоединиться мне к этой совместной работе - «а не сделать ли нам общими усилиями глобус (именно глобус!) пространственной неоднородности животного населения Северо-Восточного Алтая?».

ДИАДОР ИГОРЕВИЧ ИВАНОВ

Из того же БИ СО АН, только с постоянным базированием (проживанием) на Телецком стационаре на окраине поселка Артыбаш, был Диадор Игоревич.

Жил он там бобылем. Вид у него, как и имя, был весьма экзотическим - высокий, крепкого телосложения, с весьма выдающейся бородой, которая, вместе с почти постоянно присутствовавшей лукавой улыбкой, невольно наводила на сравнение Диадора с Дедом Морозом. Пожалуй, и характер у него был «дед-морозовский»: легкий, но не простой, даже довольно критичный и доходящий до непримиримого в отношении всякой «начальственной» несправедливости.

Вот этот свободолюбивый и независимый кандидат наук был одним из крупнейших в Советском Союзе специалистов по такой экзотической группе паразитов птиц, как полостные клещи. Полостные в том смысле, что эти микроскопические и очень специализированные животные жили исключительно в носовой полости птиц. До приезда на Телецкое он работал в Омске в НИИ природно-очаговых инфекций. Но не сработался. Забегая вперед скажу, что и в структуре БИ СО АН он тоже долго не проработал. Устроился в Горно-Алтайскую противочумную станцию карантинных инфекций Минздрава СССР. Там по его отзывам начальство и рабочая обстановка его тоже не устраивали.

Общались мы эпизодически, но всегда со взаимным интересом и удовольствием. Приходилось по случаю ночевать у него на стационаре, если я не успевал засветло вернуться на лодке в Яйлю. Бывали у нас с ним и совместные выходы в высокогорье на Колюшту, совместные поездки по озеру, в долину Чулышмана за облепихой. Человек он был очень интересный и бывалый. Соответственно и бывальщины в его изложении всегда были очень информативными. Особенно об объектах своих исследований он увлеченно и детально рассказывал, как о своих лучших друзьях. Наверное, дважды в гости приезжала из Омска его дочка - старшеклассница Марина. Несколько дней она жила у нас в Яйлю. А однажды в гости приезжал его младший брат Евгений, который в свое время окончил МГИМО, жил в Москве и делал успешную дипломатическую карьеру. Из своих командировок в Англию, Швейцарию и иные развитые страны привозил он своему старшему брату интересные и полезные в работе сувениры, а также дефицитнейшие тогда марочные сорта чая и кофе. К ним Диадор был особенно неравнодушен.

Однажды я невольно очень подвел своего друга Диадора. Было это так. У вновь поступившего к нам на работу орнитолога Коли Малешина не ладилось рулевое управление на моторной лодке. Подручными средствами неисправность устранить не удавалось. Для ответственной поездки в разовом порядке я снял с лодки Диадора специальные муфры (талрепы) для натяжения троса управления. И

строго-настрого предупредил Колю, чтобы он в ближайшие пару дней, до возвращения хозяина, вернул талрепы на свое место. Коля пообещал, но своего обещания не выполнил. Совершенно справедливая обида Диадора на мое самоуправство мне запомнилась очень и очень надолго. Теперь именно он прямо перед отъездом был вынужден искать выход из сложившегося положения. Так что с очень большим разбором надо оказывать помощь другим людям. Особенно за чужой счет.

БОРИС ВИКТОРОВИЧ ГЕРВАЗИЕВ

Однажды в Яйлю около конторы ко мне (неизвестно по чьей наводке) подошел незнакомый солидный человек, представился и извинившись, спросил, не могу ли я ему на пару-тройку дней дать фотоаппарат. Свой он либо забыл в Барнауле, либо нечаянно утопил в озере. Не помню. На это время мне моя камера не была нужна, и я ему ее вручил. Он поснимал пару-тройку дней, и перед отъездом вернул ее мне в исправности. Это был профессор Алтайского мединститута Гервазиев. Телефон, адрес, приглашение в гости - все как всегда, когда расстаешься с людьми, с которыми сталкиваешься на берегах Телецкого озера, хотя ненадолго, но в приятной атмосфере доброжелательности и выручки.

Так и мне пришлось однажды воспользоваться любезным предложением помощи от этого милого человека. Дочка Катя не была крепким ребенком, простужалась, болела бронхитом. И вот однажды, когда ее и мою тещу Анну Ивановну я встречал в Барнауле по пути из Саратова в Яйлю, то позвонил Борису Викторовичу и попросил устроить на прием к хорошему специалисту пульмонологу. Буквально на следующее утро эта консультация состоялась. Были получены необходимые и квалифицированные рекомендации по ее лечению.

Потом, уже когда он был ректором мединститута, я заглядывал к нему в гости домой на чай. И не один, а со своей бывшей студенткой - «мышеловкой» - Таней Неменовой. В это время она работала на кафедре Гервазиева лаборантом. Наверное, ей тоже было интересно посмотреть на своего ректора в домашней обстановке.

СОТРУДНИКИ «ВТОРОГО» ЗАПОВЕДНИКА

Ильгам Гиниятуллович Игтисамов

Самые хорошие слова о нем как о человеке и как о руководителе я слышал неоднократно, поскольку сталкивался по работе с лесниками Белинского лесничества, которым он руководил в годы функционирования «второго» Алтайского заповедника. С ним же работали мои замечательные коллеги по научной работе - его ровесники и друзья - Владислав Воробьев и Лариса Барсова, которые его также тепло вспоминали. А встретиться с ним лично мне пришлось в середине восьмидесятых годов, когда меня послали в командировку на ревизию в Башкирский заповедник. Там же, кстати, много лет после увольнения из Алтайского заповедника и работал Ильгам начальником Прибельского филиала. К моменту нашей встречи он уже, также много лет, работал главным лесничим Центрально-Черноземного заповедника, что расположен в Курской области.

Приехали мы одновременно с ним в Белорецк. Далее, рейсовым автобусом, хотя и не без проблем, доехали до райцентра (деревня Узьян, или по иному названию Старосубхангулово). В автобусе прослушали патристическую лекцию местного участкового, согласно которой Башкирией была ранее практически вся территория Урала, включая Оренбургскую, Челябинскую, Свердловскую, Пермскую, а также части Тюменской области и Удмуртии). Но доехать в середине апреля на центральную усадьбу ревизуемого заповедника в деревню Саргаю было почти невозможно. Но Ильгам не зря там работал раньше. Мы зашли к руководителям района и нам для поездки в Саргаю выделили всепогодный внедорожник - трехосный грузовик ЗИЛ-157 без тента. В качестве попутчиков до самых разных труднодоступных мест сразу же нашлось еще несколько человек. Пока шли с ним по улице, то неоднократно останавливались, чтобы перекинуться хотя бы парой слов со старыми его знакомыми. А любвеобильные башкирские бабушки обнимали его и даже плакали от избытка теплых чувств. При этом надо помнить, что Ильгам был вполне чистопородным татаринном.

После знакомства с директором (тогда им была наша добрая знакомая Эмма Петровна Позднякова, от которой мы ранее из Омского пединститута получали на практику очень подготовленных студентов), а также с самыми разнообразными документами, представленными на наш суд, мы с Ильгамом поехали в Прибельский филиал в деревню Нугуш, что находится вблизи всемирно известной пещеры Шульган-Таш (или Капова пещера). Эта поездка была тоже не из рядовых, поскольку ехали мы в санях по раскисшему снегу, преодолевая почти в плывь небольшие ложбины уже наполненные вешней водой. Место, родное Ильгаму, и очень знакомое мне по летнему водному походу на байдарках по реке Белой (Агидель) в 1966 году, встретило нас прекрасной солнечной погодой и уже начинающейся весной. Сходили в знаменитую пещеру. Ревизовали, что могли. Как и в других таких ревизиях главным фактом оказывалось, что работники этих

учреждений за очень небольшие деньги самоотверженно выполняют очень большие объемы работ по охране и мониторингу природных комплексов.

Но основная сложность, как выяснилось уже в процессе ревизии, заключалась не столько в проверке деятельности коллектива, сколько в подготовке к делению этого заповедника на два самостоятельных федеральных природоохранных учреждения. Мы (во всяком случае я) изначально не были готовы к этому, но вполне беспристрастно смогли предупредить возможные конфликты при разделе имущества, техники, научных фондов, а также кадров охраны, науки, обеспечения основной деятельности. Первым директором заповедника «Шульган-Таш» в 1986 году стал (и до настоящего времени является) Михаил Николаевич Косарев - инициативный и сильный научный сотрудник, изучавший экологию башкирской бортовой пчелы.

Еще один (к сожалению, негативный) побочный эффект имела эта поездка для самого Ильгама Гиниятулловича. Пока он выполнял это поручение Главохоты, сама наша вышестоящая организация «кинула» заслуженного своего работника, который к тому времени более года уже исполнял обязанности директора в Центрально-Черноземном заповеднике. Он уже был настроен продолжать работу в качестве директора и далее. За это краткое время, никак не уведомив его заранее, наше начальство утвердило в должности директора, наверное, неплохого человека - научного сотрудника А.А.Гусева. Просто по-человечески было обидно за жестоко обманутого Игтисамова. Однако по большому счету жалеть об этом точно не стоило. Директорские хлопоты и ответственность за все дела в таком сложном хозяйстве стоили бы ему потом (уже далеко не молодому человеку) еще более дорого.

Владислав Никитович и Нина Аркадьевна Воробьевы

Владислав и Нина также были ранее сотрудниками «второго» Алтайского заповедника - «птенцами гнезда В.В.Криницкого». К моменту нашего знакомства они работали в БИ СО АН СССР и вели стационарные и хоздоговорные работы по кедровой тематике в Прителецкой тайге. В том числе ряд интересных долговременных мониторинговых программ выполнялся ими на Кыгинском высотном профиле. Они не пользовались официальной базой БИ СО АН в Артыбаше и базировались непосредственно в Яйлю. Каждый год они вместе со своими детьми (Алексеем и Сергеем) проводили здесь все лето. Сначала ребята были совсем маленькими дошколятами, потом выросли и активно помогали в работе своим родителям. Для комфортной работы и проживания ими был построен собственный (Воробьевский) стационар летнего типа.

Для изучения генеративных процессов у опытных деревьев надо было отбирать образцы из верхней части крон кедров. Сказать это просто. А вот подняться на 40-45-метровую высоту, для отбора хвои, веток и кедровых шишек в

самых разных фазах их созревания, согласится далеко не каждый человек. Нина, как и Владислав (имевший поврежденную полиомиелитом ногу) сами не могли этого делать. Посылать студентов также было очень рискованно. С учетом небольшого веса туда в ряде случаев поднимались их подростки. Приходилось и мне участвовать в этих достаточно рискованных мероприятиях. Впечатления от этих экстремальных «восхождений», должен признаться, были сильными.

Первые 10-15 метров подъем осуществлялся по лестнице, прислоненной к голому стволу кедра. Далее следовало максимально осторожно наступать на короткие сухие остатки облетевших веток. И только потом начиналась крона с живыми ветками, сквозь которые надо было пробраться к самой вершине дерева. От самой земли человека страховали веревкой, заранее перекинутой через крепкие верхние ветви. Основную страховочную веревку «перепускали» с помощью тонкого, но очень крепкого капронового шнура, который с дерева не снимался вообще. Подъем и закрепление страховочного шнура делали в самом начале исследований при закладке пробных площадей с помощью альпинистов еще за несколько лет назад до наших работ. Особенно запомнились мне ощущения отсутствия связи с землей в самой верхней части кроны, когда даже в тихую погоду вершина кедра (и ты вместе с ней) раскачивалась в разные стороны на метр-полтора.

Однажды в качестве оплаты за выполнявшиеся на территории Иогачского опытного леспромхоза исследования Владислав получил целую машину хорошо просушенных кромленных кедровых досок толщиной пять сантиметров. Он привез их на экспедиционной машине в Новосибирск. И вот как-то приехав к нему в гости я был торжественно проведен в их квартиру, кардинально изменившуюся после ремонта. Все полы были покрыты прекрасно отшпунтованной и отшлифованной розовой кедровой доской. Единственным недостатком такого покрытия являлась естественная мягкость этой древесины. Но никто и не посмел бы ходить по этому великолепному царскому полу в туфлях на высоких каблуках. Про ламинат в те времена никто еще и слыхом не слыхивал.

Владислав был очень амбициозным человеком. В институте он несколько лет был Председателем профкома. Видимо поэтому его небольшой семье дали просторную трехкомнатную квартиру в центре Новосибирска буквально в ста метрах от института. Я часто бывал у них во время командировок, неоднократно ночевал там при необходимости. Уже после нашего отъезда с Алтая Владислав добился организации в структуре СО РАН комплексного Института кедра (с выделением кадров и ресурсов от Биологического института и Института леса, что находится в Красноярске). Директором этого института он и стал впоследствии.

Однако через несколько лет в наше нестабильное время этот институт был упразднен. Это стало, по-видимому, причиной серьезного инсульта, который случился у него в начале двухтысячных годов. Жаль, что нам не удалось встретиться с ним во время краткой остановки в Новосибирске в 2002 году, когда мы с Катей ездили на Алтай. Хотя по телефону с помощью его жены – Нины Аркадьевны я все

же смог обменяться несколькими фразами, из которых я, пожалуй, только смог уловить, что он рад нашему разговору.

ЛАРИСА ИВАНОВНА БАРСОВА

Лариса Барсова появилась на моем горизонте сразу же после моего включения в проблематику учета мелких млекопитающих. В краткий период существования «второго» Алтайского заповедника она занималась такими же учетами на Кыгинском комплексном профиле по изучению кедровой тайги Алтая. Мне, разумеется, захотелось продолжить эти работы на функционировавших в 1959-1961 гг. учетных линиях ловушек и постоянных ловчих канавках. Из переписки с ней я не смог бы достоверно привязать места своих работ к заложенным ею стационарам. После завершения своих работ во «втором» заповеднике все свои материалы она передала более молодой Татьяне Александровне Новиковой, которая должна была продолжить учеты как вновь принятый сотрудник Телецкого стационара Биологического института СО АН СССР. Однако мне так и не было ясно, как долго она смогла продолжать работы Барсовой, поскольку в детальную переписку со мной она не вступила, а по поводу материалов мало-внятно сообщила, что все не обработано и в настоящее время ей недоступно. К этому времени она уже работала на Ермаковском стационаре Института леса и древесины (Красноярск), а документы и заформалиненные мыши лежали на балконе ее квартиры в Академгородке. Так и пришлось мне, опрашивая старожилов, вести самому поиск старых канавок и учетных линий. Таким образом, мои учетные объекты в значительной мере лишь условно дублировали существовавшие ранее.

И вот в одну из московских командировок я, созвонившись, решил навестить Ларису Ивановну. Однако наша первая встреча была краткой и достаточно сухой. Но потом выяснилось, что Лариса была беременна, стеснялась своего вида, существовали какие-то осложнения, и ей точно было не до визитеров. Зато переписка сохранялась самая душевная, и уже после рождения ее дочери Оли я не раз и не два пользовался их с мужем Виктором, и ее мамы гостеприимством, останавливаясь на одну или на две ночи в следующие командировки. Однажды, находясь у нее в гостях, я попал на изысканный раут, что устроила ее старшая сестра, вернувшаяся из командировки в Париж. Я конечно не запомнил названий полутора десятков сортов сыров с сырной тарелки и вина, которым нас угощали. Но впечатление осталось... У нас в Яйлю в те годы существовал только один вид сыра – просто сыр. Работала Лариса на кафедре зоологии позвоночных МГУ, где я регулярно появлялся для консультаций. Случилось как-то, что я попал на защиту диссертации моего коллеги из Горно-Алтайского пединститута Н.П.Малкова и на последовавший за ней банкет.

Почти все годы нашей работы на Алтае Барсова приезжала на Телецкое озеро. Постепенно она смогла построить свой стационар на берегу Кыгинского

залива около кордона Чири. Сюда каждый год летом приезжали целые отряды москвичей. Преимущественно они занимались энцефалитной тематикой. Наши с ней отношения как в Москве, так и на Телецком были в меру частые и очень даже дружеские. Однажды спустившись с работ по учетам мышевидных в верховьях реки Баяс я встретился с Ларисой на кордоне Чири. У нее нечаянно обнаружилась в запасе пара свободных дней, и она попросила меня сходить с ней в верховья реки Колюшта к третьей избушке.

Причины для этой экскурсии были, как я понял, чисто ностальгические, и это место, по-видимому, имело для нее культовое значение. Я не мог ей в этом отказать, и мы, выйдя с утра, хотя и гораздо медленнее, чем я привык, но вполне благополучно дошли с ней и с одним из ее полевых сотрудников еще далеко до ночи к этой, так важной для нее избушке. Наши сотрудники ею почти не пользовались, и порядка там было мало - на нарах сушились кучи заготовленного сеноставками сена, кругом было много пыли, сами нары были сделаны из едва выровненных жердей, печка нещадно дымила, окно было разбито. Наготовили дров, вскипятили чай, устроились, хотя и без минимального комфорта. Но, сильно уставшие, довольно скоро уснули, положив голову кто на кулак, а кто и просто на подходящее по размеру полено.

Следующий день прошел также быстро - походили по субальпийским лугам, сготовили полевой супчик, а также традиционный чай с баданом, и спокойно вернулись в Чири. Видно, что Лариса была очень довольна тем, что смогла с моей помощью исполнить свою давнюю мечту.

ДМИТРИЙ ВАЛЕРЬЯНОВИЧ ЖИТЕНЕВ

Удивительно, как это ни в годы работы в заповеднике, ни до сего времени, мне лично так и не удалось познакомиться с этим замечательным человеком. Он учился в Московском пушно-меховом институте, а после его ликвидации в 1955 году - в Иркутском сельскохозяйственном институте, который и закончил в 1957 году как биолог-охотовед. Работал в охотинспекции, в охотустроительной экспедиции, в Алтайском и Печоро-Илычском заповедниках, но большее всего (25 лет) - в охотничьей прессе (журналы «Охота и охотничье хозяйство» и «Природа и охота», «Российская охотничья газета»). В 2005 году в издательстве охотничьей литературы «Эра» вышла в свет его книга «Секреты бывалых охотников».

Нет нужды пересказывать чужие воспоминания о нем. Он как настоящий таежник, талантливый беллетрист и блестящий фотограф сам прекрасно написал о годах работы во «втором» Алтайском заповеднике, а также сделал свои воспоминания широко доступными, разместив их на своем личном сайте. Сайт под названием «Тайга - мой дом» (www.dmitriyzhitenyov.com) интересен и полезен

любителям природы, начинающим охотникам и путешественникам. Там есть проверенная его опытом информация, которая раскрывает многие секреты бывалых таежников. На страничке «Про жизнь», где описаны его экспедиции, тепло рассказано о людях, с которыми он начинал свою жизнь в заповеднике. Всего через десять лет после него я тоже познакомился и даже работал со многими из названных им людей. И с удовольствием подтверждаю, что на берегах Телецкого озера всегда работали сильные и хорошие люди.

В нашем заповеднике он работал с 1958 до 1961 гг. сотрудником охотоведом, а также начальником Чулышманского отдела заповедника. У нас в семидесятые годы такого отдела уже не было, а в его границах размещались наиболее труднодоступные Чодринское и Язулинское лесничества. Его черно-белые фотографии, размещенные на упомянутом уже сайте, являются для меня примером настоящего профессионализма.

Еще из сотрудников «второго» заповедника я лично знал ботаника-лесоведа Ивана Александровича Короткова (Красноярский институт леса), орнитолога Виктора Николаевича Воробьева (БИ СО АН), энтомолога Мирру Георгиевну Чераневу (БИ СО АН). Отношение к ним их коллег, с которыми я постоянно встречался на берегах Телецкого озера (Нина и Владислав Воробьевы, Лариса Барсова) было не только дружеское, а прямо-таки братское.

ЖУРНАЛИСТЫ, ПИСАТЕЛИ, СЦЕНАРИСТЫ, ФОТОГРАФЫ

БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ ПРОХОРОВ

Так или иначе в нашей работе нам приходилось сталкиваться время от времени с работниками пера, корреспондентами разнообразных СМИ, которые приезжали для сбора материала по освещению деятельности такой нестандартной, экзотической и мало понятной широкому кругу людей организации как заповедник.

Одним из первых, с кем мне однажды пришлось столкнуться впритык, был собственный корреспондент по Алтайскому краю из всероссийской газеты «Советская Россия» Борис Васильевич Прохоров. Мы вместе ночевали в заезжем доме заповедника в Турочаке - нашем районном центре. Я возвращался в Яйлю из научной командировки, он, полный впечатлений от посещения заповедника, спешил в Барнаул.

Почти сразу после нашего знакомства он предложил мне послушать наброски к готовящейся статье и сделать необходимые поправки и высказать замечания по тексту. Впоследствии именно поэтому я считал его образцом корреспондента, который не мнил себя всезнайкой, тщательно готовил материалы своих публикаций, собирая самые разные мнения по предмету своих публикаций. Помню,

что кроме, как мне казалось, чрезмерного общего пафоса, меня смутили его строки про «запах свежее испеченного хлеба, смешанный с запахом хвойного леса», который оказался едва ли не центральным в его публикации. Конечно я внес несколько уточнений по тематике, касающейся проводимых нами исследований, посоветовав сделать дополнительный упор на всемерное содействие со стороны рядовых лесников научному отделу в сборе первичной научной информации.

Пост собкора видимо был статусным. Такой вывод я сделал, когда однажды даже без просьбы с моей стороны Б.В. предложил мне редакционную «Волгу» для поездки из города в аэропорт. В этот раз мне действительно было важно без проблем доехать туда, поскольку со мной была совсем маленькая тогда дочка Катя.

Лидия Максимовна Островая

Однажды директор устроил к нам на ночлег солидную московскую даму. Ею была сотрудница киностудии документальных фильмов Л.М.Островая, которой поручили написать сценарий для фильма об Алтайском заповеднике. Уже при первом общении с ней нам с Лидой показалось, что представление ее о целях заповедника и о специфике решения стоящих перед ним задач весьма запутаны и упрощены. Ее предварительный текст был нами всерьез раскритикован. Но срок ее командировки для знакомства с предметом ее творческой работы был слишком кратким. Далекое выехать или улететь было невозможно, брать ее в лес для похода на камусных лыжах было бы безумием. Обошлись просто серией рекомендаций, да перечнем интересных и доступных для предстоящей съемки объектов. Впоследствии сценарий был написан и одобрен. Позднее был снят цветной фильм с интригующим названием «От весны до весны». В нем, в частности, гордо красовалась на лошади, с медведями в кадре на заднем плане, наша Лидия Викторовна. Цветным этот фильм назвать довольно трудно, поскольку цветопередача у пленки ЦО-2 была менее чем посредственная. Этот фильм еще до недавних пор можно было увидеть по центральному телевидению.

Лидии Максимовне, как выяснилось уже перед отъездом, кроме красот Телецкого озера и знакомства с людьми, работающими здесь, более всего понравился свежайший запах от простыней, которые сохли на легком морозце на свежем телецком ветру. Стиральных порошков мы в те годы не использовали, а белье полоскали непосредственно в чистейшем озере, либо в ключевой воде.

Видя наш голод по дефицитным в те годы книгам, Лидия Максимовна сама предложила нам сообщать, какие научно-популярные книги нас интересуют. В дальнейшем мы довольно часто получали посылочки из Москвы. И как она уточняла сама, приобретение книг не составляло для нее особого труда. Это объяснялось довольно просто. Существовали некие спецраспределители для руководителей всесоюзного и республиканского ранга. Вот кажется по брони тогдашнего руководителя Гостелерадио СССР С.Г.Лапина и приобретались ею

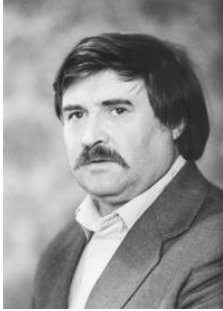
книги для нас. Жила она на Пятницкой улице в небольшой комнатенке коммунальной квартиры, и, как помнится, нам с Лидой однажды пришлось ночевать у нее на крохотном диванчике.

Ольга Сергеевна Ушакова

В Новосибирске я бывал достаточно часто. Ближе к отъезду из Алтайского заповедника примерно в 1980 году (думаю, что по рекомендации Б.С.Юдина) меня пригласила на встречу О.С.Ушакова тогда еще молодой корреспондент газеты Сибирского отделения Академии наук СССР «За науку в Сибири». После довольно горячего обсуждения проблем охраны природы в Сибири и важного места в их решении существующих заповедников Сибири она предложила мне написать большую статью в эту газету. Статья, кроме изложения стандартной информации по этому вопросу, довольно малодоступной для сотрудников академических институтов, содержала в себе уникальное на тот момент предложение - создать в Сибири Координационный совет по исследованиям заповедников этого обширного региона нашей страны. Базой для этой общественной организации мог стать Биологический институт СО АН СССР. Многих ведущих специалистов из этой организации, которые могли бы быть заинтересованы в этом, я знал лично. Гораздо позже и в усеченном виде это предложение было реализовано для заповедников юга Сибири при активном участии зоолога Ю.Г.Швецова из лаборатории Б.С.Юдина в БИ СО АН СССР. К этому времени под председательством академика В.Н.Большакова несколько лет уже весьма активно при моем скромном секретарстве функционировал такой Координационный совет заповедников Урала. Идея создания Совета принадлежала мне, так же, как и сомнительная честь выполнения огромного спектра реальных организационных усилий, которые, я надеюсь, дали возможность большому числу научных сотрудников Уральского региона докладывать, обсуждать с коллегами и публиковать свои материалы, повышать свою квалификацию с помощью более опытных коллег из заповедников, Академии наук и университетов.

На этом наш контакт с Ушаковой не закончился. Воодушевленный доверием редакции я в довольно короткое время «соорудил», а редакция опубликовала, еще одну большую статью, в которой обосновывалась необходимость использовать опыт локального экологического мониторинга, наработанный десятилетиями в заповедниках. Мне казалось, что он (мониторинг локальных экосистем разного уровня) крайне необходим при проведении селекционно-генетических экспериментов на создававшемся в те годы Чергинском стационаре. Под эту базу следовало создавать специальный непрофильный для НИИ ЦИГ (цитологии и генетики) СО АН СССР штат, в который я и Лида могли бы прийти с приличным научным багажом и соответствующим организационным опытом. Идея эта, я думаю что к счастью для нас, провалилась.

ЕВГЕНИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ГУЩИН

Для нас Гущин является лишь автором романа о начальном этапе становления «третьего» Алтайского заповедника. Чтобы собрать необходимый материал он в 1968-1969 гг. поступил на работу в заповедник. Жил около года на кордоне в качестве помощника лесничего. Сейчас Гущина уже нет в живых. Но в последние 30 лет он стал известным на Алтае писателем, председателем краевого отделения Союза писателей. На родине ему поставлен бронзовый бюст, уже восемь лет проводятся ежегодные Гущинские чтения.

Я с ним общался по поводу популярных публикаций в краевые газеты, через него организовывал даже слайдфильм о флоре и фауне заповедника на краевом телевидении. Свой первый роман о телецких людях «Правая сторона» с дарственной надписью он подарил мне в одну из наших встреч в Барнауле.

Вот только мне пока так и не удалось найти его публикацию «Тайга Геннадия Красникова» в журнале «Алтай», где по рукописи самого Г.Л.Красникова им должны были описываться события, происходившие в Лидиной экспедиции в верховьях реки Кокши.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ

На берега Телецкого озера корреспондентов попадало немало и часть из них попадала в поле моего зрения. О некоторых можно вспомнить что-нибудь интересное. Очень значимым для заповедника был приезд фотографа Н.Н.Маторина из журнала «Работница». Еще более значимым он был для Тома Плищенко и нашей Лиды Мариной. Он был настоящим мастером и смог настроить наших героинь на позитивный лад и спокойное естественное позирование. Спустя некоторое время после его приезда в одном из номеров журнала была опубликована небольшая статья о наших героинях. Тома портретно красовалась с обложки, а Лида в голубой ветровке (позаимствованной у Зины Лумельской) красиво имитировала полевые ботанические работы на огромном камне на фоне Телецкого озера. Поток писем от незнакомых мужчин в Томин адрес стал огромным. Лиде писали даже школьники из дружеской заграничной Болгарии. Так в один момент они стали настоящими звездами.

Любопытным было мое общение с обозревателем радиостанции «Голос Москвы» Юрием Сергеевичем Знаменским. Спецификой этой радиостанции было вещание на заграничного слушателя на всех основных европейских языках, а

может быть и на китайском, японском и хинди также. Аналогичное пропагандистское вещание велось на русском языке со стороны «вражеских голосов» - ВВС, Свобода, Немецкая волна и Голос Америки. В данном случае Знаменский пытался в разговоре со мной выудить какой-то особый советский позитив и неоспоримое преимущество русского подхода к охране и изучению природы в наших заповедниках.

Придумывать для него ничего особенно и не пришлось. В годы нашей работы в Алтайском заповеднике в полной мере стала реализовываться передовая русская школа развития сети заповедников, как репрезентативных, редких или характерных природных охраняемых территорий. Они должны быть защищены от любого вмешательства человеческой деятельности в естественное течение природных процессов. Заповедники у нас являлись эталонами и лабораториями природы. Главнейшим преимуществом, которое для нас казалось очевидным, было проведение комплексных исследовательских и мониторинговых работ на сети вечных научных стационаров силами собственного штата научных сотрудников. Для ведения специальных исследований по договорам научного сотрудничества заповедником привлекались силы Академии наук и ВУЗов. Знаменский казался очень довольным нашим общением и оставил все свои московские координаты. Кажется, мы с ним все же встречались в одну из моих поездок в столицу.

Довольно активно ездил по заповедникам России широко известный журналист Василий Михайлович Песков. Общаться с ним лично мне не пришлось. Но вот вижу я однажды в новостной программе по телевизору кадры его общения с лесниками нашего заповедника. И он так уверенно представляет телезрителям одного из яйлинских лесников, у которого должен взять интервью: «Вот мы сейчас спросим у лесника Алексея Телекопа...». Надо сказать, что ответ на вопрос «как вас зовут?», будет именно так и звучать - «Алексей Телекоп». Алтайцы как-то органически не могут произнести окончание «ков» и заменяют его на удобное для них «коп». Да, прокололся уважаемый Василий Михайлович, не усомнился, и не переспросил фамилию нашего Алексея Ивановича Телекова у его русского начальника.

Среди старых жителей Яйлю слышал я о том, что они отрицательно относятся к факту обнародования им информации о проживании в верховьях реки Большой Абакан (в Хакасии) вблизи границы с Алтайским заповедником отшельницы Агафьи Лыковой. Все тридцатые-семидесятые годы наши старожилы знали о зимовье, в котором жила семья староверов Лыковых. Но, уважая их веру, старались особенно не беспокоить визитами. Все, что последовало за публикацией Пескова, сильно изменило жизнь последней отшельницы.

А вот один, даже не общавшийся со мной корреспондент газеты «Московский комсомолец», стал причиной моей не заживающей до сих пор душевной раны. Дело в том, что в 1974 году в издательстве «Наука» вышла из печати книга П.А.Чихачева «Путешествие в Восточный Алтай». Это был перевод с французского его же книги «Путешествие по Восточному Алтаю», вышедшей еще в середине девятнадцатого века. По моей просьбе издательство в порядке исключения прислало мне эту

замечательную книгу, рассказывавшую о путешествии известного учено-географа в 1842 (!) году фактически в Алтайский заповедник.

Книгу эту читал в поселке не только я один. Последним держал ее в руках Андрей Ефремов, молодой новый начальник Телецкой озерной станции. Эта ценная для нас книга от него попала в руки этому самому корреспонденту. А дальше Андрей рассказал мне какую-то невнятную историю о том, что этот разгильдяй оставил книгу на бревне на берегу озера, а потом не смог ее найти. Чему я категорически не верю, хотя по жизни все же привык доверять людям.

МЕСТНЫЕ ПИСАТЕЛИ

Чудесная природа Алтая прямо-таки заставляла талантливых людей браться за перо, чтобы описать ее красоты, а также рассказать о богатой событиями жизни, что наблюдалась ими.

В довоенные и военные годы в заповеднике работал Алексей Александрович Малышев, занимавшийся разработкой методов выращивания лекарственных растений, овощных и иных сельскохозяйственных культур в среднегорье Алтая. Позже с 1953 по 2000 гг. он работал в Тебердинском заповеднике и занимался разработкой технологии выращивания женьшеня на Кавказе. Будучи талантливым человеком, он написал роман об Алтайском заповеднике «Берег ветров» (М., Сов. писатель, 1982, 255 с.). Еще ранее в 1952 году он опубликовал детскую повесть «Золотое озеро».

Кажется где-то ранее я писал уже, что ленинградский писатель Глеб Александрович Горышин в 1986 году опубликовал повесть «Алтайские дневники» в своей книге «Уроки доброты». Там по дневникам метеонаблюдателя Н.П.Смирнова приводятся лаконичные и очень точные описания простой и нелегкой жизни его семьи на озере на протяжении многих десятков лет.

Сын Г.Д.Дулькейта - Тигрий Георгиевич многие годы проработал в заповеднике наблюдателем, еще много лет он был старшим инструктором на турбазе «Золотое озеро» в Артыбаше, с конца шестидесятих годов был руководителем Бийского бюро путешествий и экскурсий. Им написано несколько путеводителей и популярных книг - «По Восточному Алтаю», «Лыковы», «Телецкое озеро в легендах и былях». В последней из них сделан обширный экскурс в историю освоения и изучения природы Прителецкой части Алтая, приводятся богатые конкретикой описания разных его уголков, много рассказывается о собственно Телецком озере.

Относительно недавно (в 2009 году) вышла из печати монография бывшего начальника Телецкой озерной станции В.В.Селегея «Телецкое озеро. Очерки

истории». В ней можно найти много интересной информации о жизни людей на берегах озера, ранее неизвестной не только молодым самодеятельным краеведам, но и довольно пожилым жителям Яйлю, Иогача и Артыбаша.

АЛЕКСЕЙ ИЛЬИЧ ФРЕЙДБЕРГ

Нельзя не сказать хотя бы несколько слов о талантливом мастере фотографии А.И.Фрейдберге, который был племянником известнейшего советского фотографа Вадима Евгеньевича Гиппенрейтера. Как и дядя он был не только замечательным фотографом, но и занимался горными лыжами. В Яйлю он приезжал в самые разные сезоны не менее года, чтобы собрать материал для фотоальбома об Алтайском заповеднике. Физически очень хорошо подготовленный, он легко переносил все трудности долгих переходов по тайге пешком и на лыжах, лихо ездил даже без седла на местных лошадях в долине Чулышмана. И везде, непременно только собственноручно, носил огромный кофр, где лежал весь его фотографический инструментарий.

Кажется, именно он заразил профессиональным подходом к фотосъемке В.В.Селегея, который с удовольствием сопровождал Фрейдберга в его экскурсиях не только по озеру, но и в лыжном походе на хребет Корбу. Именно там однажды мы встретились со снегомерной группой озерной станции, в которую входили В.В.Селегей, Н.М.Соловьева (Яковлева), А.Б.Вишерский, а также А.И.Фрейдберг. Мы вчетвером (А.П.Власов, В.П.Пыжанкин, Н.Ф.Тукмачев и я) возвращались в Яйлю из бассейна реки Большой Абакан через верховья реки Кокши, и должны были ночевать в избушке на реке Котагач. Так и ночевали ввосьмером в крохотном домике, где нормально могли спать только, пожалуй, двое.

ХУДОЖНИКИ

Мы уже не первый год жили и работали на берегах Телецкого озера. Бывая в очень красивых местах очень много и с удовольствием фотографировали. Радовали показом слайдов своих друзей, родственников и туристов. Но нам уже было мало только непосредственно и через объектив смотреть на эту величественную и прекрасную природу. Нам очень захотелось, чтобы в нашем доме висели также и картины настоящих художников, отражающие величие и красоту алтайской природы.

Вот так и получилось, что если очень-очень сильно чего-то захотеть, то оно тогда обязательно случится. Случилось то, что мы в течение нашей лесной жизни постоянно знакомились с прекрасными творческими людьми, и очень часто они были художниками. И от них у нас остались на память прекрасные работы.

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ СИДОРОВ

Великолепная природы Алтая, и в частности Прителецкой его части, всегда привлекала и вдохновляла художников - людей по-настоящему творческих. И вот в 1978 году в Яйлю появился немолодой уже тогда (порядка семидесяти лет от роду) художник из Москвы - Михаил Иванович Сидоров. Ему заказало картину наше Главное Управление охотничьего хозяйства и заповедников (Главохота) РСФСР. И он приехал к нам на этюды. Что меня удивило в нем, так это молодость его духа. Он производил впечатление восемнадцатилетнего юноши - хотел увидеть как можно больше, везде пытался попасть, найти особенно интересные точки. Делал очень много этюдов самой разной проработанности.

В ряд мест я привозил его на лодке, и, конечно же, активно общался, пытаюсь понять - как это люди умеют, используя минимальные изобразительные средства, так живо, художественно и обобщенно отразить главнейшие и характерные черты местности. Ему видно также было интересно слышать рассуждения абсолютного профана в живописи, но человека искренне интересующегося творческой работой живописца. Мнения коллег художников, как потом выяснилось, его интересовало в наименьшей степени. Мне импонировала его великолепная техника классической реалистической живописи. На том мы и сошлись. И вот, когда он уезжал, то зашел к нам и оставил в подарок две своих работы (два этюда) - «Телецкое озеро. Вид от озерной станции» и «На катере» и пригласил к нему в гости. Вот то, что первый эскиз был именно первым его впечатлением от озера отраженным на картоне, мне и кажется наиболее ценным. Любая картина будет уже отчасти фантазией на заданную тему. Позже зимой он прислал мне открытку с одной из его работ «Цветы Карелии». А когда я нахально попросил его сделать мне авторскую копию этого уже классического музейного натюрморта, то он мне её любезно сделал. Работу эту мне в одну из поездок в Москву, уже после его смерти, отдала его дочь - Ирина Михайловна.

Но в гостях у него в четырехкомнатной кооперативной квартире на «Динамо» я все же бывал. В квартире он жил один, и это была по сути дела его мастерская. Из мебели был лишь стол да протертый диван. И везде были его этюды и картины. Он сетовал, что ног для выходов на этюды уже не хватает. Правда и в этом он усматривал для себя определенную пользу. Говорил - «Вот я портретист, а всю жизнь рисовал природу, охоту, зверей. Устрою теперь подобающее освещение и займусь, наконец, портретами». Портретами он все же занимался. И на таком уровне, что его работы не потерялись бы среди художников мировой величины. Мне запомнился относительно небольшой портрет его матери, тщательно выписанный маслом. Глаза и руки на этом портрете жили. На этом портрете жила

его Мать. Был еще один лаконичный портрет старого сибирского охотника, выполненный углем на картоне. Сила, мощь, мужество, несгибаемая воля - вот основные черты этого Человека.

Еще в довоенные годы Михаил Иванович был уже признанным художником и членом Союза художников СССР. Я еще с детства помню одну картину на внутреннем развороте журнала «Огонек» середины или конца пятидесятых годов - она называлась «Знатные люди нашей Родины». Это была центральная работа на первой выставке советского искусства в Метрополитен-музее в Нью-Йорке (кажется в 1940 году) и имела размер едва ли не 3 на 8 метров. М.И. там в составе бригады художников рисовал именно портреты десятков наших героев - доярок, металлургов, горняков, летчиков, инженеров, военных. И, как рассказывал М.И., он до сих пор пользуется французскими белилами, вагон которых получила их бригада за выполнение этого важного партийно-государственного заказа.

Он был всегда активным охотником и общался со многими знаменитыми людьми. Я видел у него эскизы к картине «Киров на охоте». Наверное, и М.И. эти эскизы были дороги, как пример творческой находки. Вот достал он со стеллажа этот небольшой картон. На нем буквально двумя взмахами своего любимого мастехина (именно им, а не кистями, он в основном и писал свои картины) был создан буровато-зеленый берег озера, серией штрихов по сырой краске добавлены заросли камыша. Непонятным образом все это помещалось во влажную туманную атмосферу раннего утра. То есть вблизи на картоне вообще ничего явного не было. А при рассмотрении этого же картона на расстоянии все было узнаваемо и реально. Эту же технику я вижу всегда, когда вблизи рассматриваю наш этюд «Телецкое озеро».

Думается, что он и с С.М.Буденным, куратором всего нашего коневодства, общался. Это я так думаю потому, что видел у него огромный альбом с рисунками самых известных лошадей, изданный ограниченным тиражом. Гонорара за этот альбом хватило на строительство именно этой его последней кооперативной квартиры. Видимо немало написал он портретов прославленных маршалов. Если не путаю, то маршал Тимошенко в порядке оплаты за понравившийся портрет решил подарить М.И. самое лучшее трофейное бельгийское ружье. Его ординарец решил видимо сэкономить, и предложил в оплату ружье разрядом пониже. И вот, когда маршал однажды полюбопытствовал - «Как ружьишко?», а М.И. промямлил в ответ что-то, что к оценке великолепнейшего ружья не могло иметь отношения, маршал понял, что художнику не то ружье подсунули. Буквально через считанные часы нужное ружье уже было с извинениями передано нашему живописцу. Я видел это ружье, держал его в руках. И хоть я ничего не смыслю в охотничьем оружии, но все же смело могу сказать - оно было великолепно.

С 1955 года в СССР издавался журнал «Охота и охотничье хозяйство». И вот поскольку в это время цветная фотография у нас еще была явно не на высоте, то там в довольно большом количестве помещались цветные рисунки. Так вот основным автором обложек и рисунков на тему об охоте был именно М.И.Сидоров. И это продолжалось много-много лет. А я вот так и не собрался посмотреть старые

подшивки этого журнала. Хотя несколько страниц из этого журнала с его рисунками у меня все же есть.

Интересная история случилась с одним из портретов, написанных М.И. Это был портрет Анатолия Михайловича Шалыбкова - начальника отдела заповедников Главохоты РСФСР. Он пришел сюда из Госплана, и с 1972 года был прямым московским начальником над нашими российскими заповедниками. Не знаю, как покорректнее выразиться, но наиболее емким и точным (хотя и не объясняющим ничего) было его довольно широко ходившее среди заповедного народа прозвище - «мадам Шалыбков», которое все же вполне характеризовало Анатолия Михайловича. Показал мне М.И. этот портрет в мундире, в полный рост, но посетовал, что заказчик от портрета отказался. И верно, это не был портрет в стиле художника А.Шилова - такой бы забрали с радостью. На портрете работы М.И. наш доблестный А.М. был совершенно как живой, а именно с присущей ему манерой легко и приятно улыбаться, оставаясь безучастным к своему окружению. Именно живой «мадам Ш».

Как приятно было однажды, совершенно неожиданно для меня, увидеть на страничке Сергея Николаевича Смирнова в «Одноклассниках» еще одну знакомую мне его работу - «На кордоне Чири». Там довольно долго в свой приезд на озеро и жил М.И. у его родителей - Николая и Светланы Смирновых. И я у них довольно часто бывал по работе, и всегда находил необходимую помощь, кров и ужин, за что им огромное дружеское спасибо.

Могу рассказать еще одну любопытную историю об одной из работ Михаила Ивановича. Это была небольшая «зимняя сказка» - наполовину освещенной восходящим солнцем огромной заиндевелой березе сидело несколько крошечных живописных красавцев тетеревов. Тетерева вблизи были лишь несколькими жирными черными, белыми и красными мазками. Картина мне сразу же очень понравилась, но мне хватило такта и совести не завести с Михаилом Ивановичем разговор о ее продаже мне. Какую цену я мог дать за его высококлассную работу? Только соответствующую моей очень скромной зарплате. Так и жил я надеждой хоть изредка где-нибудь видеть ее. Хотя и в памяти моей она до сих пор сохранила все свои волшебные краски.

И вот однажды заведя разговор с моей коллегой - ботаником из Саяно-Шушенского заповедника Александрой Евгеньевной Сонниковой я узнал, что она купила (наверняка за такие же смешные деньги, что мог дать и я) эту картину у Сидорова. Купить-то она ее безусловно могла, поскольку была подругой дочери одного интересного собирателя факсимильных копий западноевропейской живописи Ивана Рехлова (он был шахтером из Норильска и хорошим знакомым М.И.), и могла заглядывать в гости к М.И. И вот в течение двадцати лет (не менее) я тешил себя мыслью, что однажды, будучи по делам в Шушенском я вновь смогу увидеть интересовавшую меня картину. Но все как-то не складывалось. Используя свои контакты с Валерием Андреевичем Стахеевым (который был ее начальником) я в течение четырех-пяти лет безуспешно пытался получить от нее хотя бы цифровой снимок этой картины. Наконец, совсем недавно общими усилиями моих

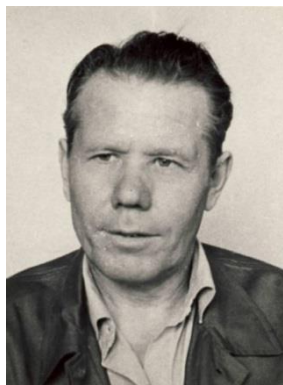
Шушенских (ранее Яйлинских) коллег, включая В.А.Стахеева и Т.А.Плищенко, я получил по электронной почте долгожданный снимок. И что же?... Это была совершенно не та картина! То есть и береза, и тетерева, и иней были написаны точно там же - но волшебного впечатления от взгляда на эту работу не рождалось. Это был ближний план, тетерева были крупно и достоверно написаны. Совсем другая, и уже не близкая мне работа. Надеюсь, что однажды мы с моей любимой (но, увы, совсем не моей) картиной встретимся. Так этого хочется. И я в это верю.

В завершение этой пространной истории остается сказать, что я мог стать еще и обладателем моего портрета, написанного настоящим мастером. Он сам предложил нам попозировать, когда я был на «Динамо» у него в гостях со своей одноклассницей - архитектором Людой Резовой. Но она застеснялась, и видимо не желая беспокоить Сидорова, стала говорить, что у нее есть срочные дела. Мы ушли. Другого такого случая не представилось, поскольку вскоре Михаила Ивановича не стало.

ГЕОРГИЙ МАРТЫНОВИЧ МИРОШНИЧЕНКО

Буквально через пару лет мне пришлось познакомиться с другим большим художником - новосибирцем Георгием Мартыновичем Мирошниченко. Он писал свои картины так ярко и так фантазийно, что иначе и нельзя было сказать – «это настоящий сибирский Сарьян».

Вот именно по этому поводу я имел возможность неоднократно говорить ему после знакомства с его свежими телецкими этюдами – «не верю». Не сказать, что он особенно обижался, но всегда пытался убедить меня, что именно таким он видел Телецкое озеро. А вот я его таким за десятилетний период жизни здесь не видел ни разу. Спор этот, разумеется, вообще не имел никакого смысла. Более того, я безусловно верил Г.М., что он именно так все и видел, и честно фиксировал все на холсте или на картоне. Художники тем и отличаются друг от друга, что очень по-разному видят одни и те же предметы и пейзажи. О безусловном признании мастерства Г.М. говорили и многократные персональные его выставки по всей Сибири, и участие в самых крупных коллективных выставках. Не жаловался он и на отсутствие заказов. Так, например, он демонстрировал мне каталог недавней выставки сибирских художников в одной из частных японских галерей, и показывая там на четыре своих проданных работы, говорил, что всего в Новосибирске было куплено лишь пять работ.

Не однажды я ночевал в его огромной мастерской неподалеку от самого центра города. Он присылал мне приглашения на свои выставки, всегда поздравлял со всеми праздниками. Наша симпатия была взаимной, и, уверен, искренней с его стороны.

В первый же его приезд на Телецкое он перед отъездом выставил перед нами свои этюды и торжественно пообещал подарить по одной картине. Я выбрал «Озеро перед закатом», а Лида «Маральник цветет». Через некоторое время он появился на озере и передал нам вставленные в рамы небольшие картины. А потом от него пришла нам неожиданно еще одна его довольно большая работа – «Верховка на Телецком озере». Это был замечательный царский подарок. Но, как я уже говорил, эти картины не могли быть и не были теми произведениями, которые сохраняют первые непосредственные впечатления от природы, которые мы видели на этюдах, понравившихся нам, но увезенных им для работы.

Владимир Иванович Домрачев

В том, что этюды для меня ценнее картин, я убеждался еще раз на Урале, когда живший у нас на даче свердловский художник Владимир Иванович Домрачев писал этюды в деревне Большие Галашки. Он находил великолепные пейзажи, вдохновлялся сиюминутным состоянием природы, делал этюды... А потом пытался вернуться на это же место для завершения работы... И, разумеется, не мог этого сделать. Природа вновь была прекрасной, но не такой, какой он ее уже частично зафиксировал, но катастрофически не мог завершить. А в итоге он так и не мог отдать мне один уже обещанный этюд «В палисаднике у Марина». Он честно пытался его завершить, но каждый раз, когда я пытался у него забрать эту работу он говорил - «Не готово еще. Это как варить настоящий борщ. Надо чтобы все было, и все было в нужных пропорциях». Так и осталась у него, считавшаяся уже моей, великолепная работа. Но мне кажется, что эти этюды ему были просто дороги как рабочий материал, как первичные впечатления от этой части Среднего Урала, который он понял, но еще должен был отразить в более серьезной программной живописной работе.

Но из того, что он начал писать в тот свой приезд в Галашки, мне еще более запомнилась довольно небольшая (порядка 60X60 см), но очень емкая работа маслом - «Средний Урал». На ней удивительнейшим образом умещался весь знакомый мне, такой привычный и соразмерный человеку мир, уютно преобразованный людьми в результате 300-летнего освоения его прекрасной природы. А вот нашей дочери Кате понравился этюд с большим философским подтекстом - «Заброшенное кержацкое кладбище». Все эти три работы в любой степени их завершенности я и сейчас готов купить. Только где они сейчас? Ведь Володя вернулся в Санкт-Петербург, где он учился живописи в Репинке. Но его следы (а возможно и его уральские картины) потерялись. А так жаль, что у нас нет возможности опять взглянуть на них, а через них и на такой далекий уже теперь НАШ Средний Урал.

АЛЕКСАНДР ДРОЖЖИН

Однажды совершенно неожиданно для меня я стал обладателем прекрасной живописной работы «Вид на хребет Корбу из Яйлю», написанной саратовским самодеятельным, но очень интересным и высококлассным художником Александром Дрожжиным еще в 1958 году. В каждый свой приезд в Саратов к родителям я заглядывал в гости к очень общительной бабуле - пенсионерке Марии Петровне Дрожжиной. В двухкомнатной коммуналке вместе с ней проживала еще и моя тетка - Галина Александровна Марина. Весь подъезд ходил к ним регулярно, чтобы позвонить по телефону. И они никому не отказывали, поскольку телефонов в нашем подъезде было едва ли более двух. Мы болтали про жизнь. Иногда пили чай. Иногда, по настроению и понемногу, даже более крепкие напитки. И вот однажды я обратил внимание на то, что у нее на стене появилась, хотя и в очень скромной раме, но очень неплохая живописная работа. Более того, я сразу же узнал на полотне свой ставший уже родным поселок Яйлю. Она подтвердила это и сказала, что это работа ее племянника Саши - подполковника в отставке. Поговорили еще и про живопись.

И вот через несколько лет, когда я заехал в гости к своей тетке, она отдала мне эту картину, которую просила ее отдать мне после своей смерти моя добрая знакомая М.П. С одной стороны, печально, что уже нет в живых замечательной Марии Петровны. С другой стороны, и она мне кажется вполне живой, когда я смотрю на картину ее племянника. А раму мы ей заказали прямо-таки царскую. Но и картина разумеется того стоит. И по своеобразному выбеленному флеру безусловно чувствуется ее саратовское происхождение.

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ ШИЛОВ

Довольно недавно выяснилось, что рядом с нами в Алтайском заповеднике работал вполне зрелый самодеятельный художник - Володя Шилов. Он писал простые, но достоверные и искренние пейзажи в тех местах где ему приходилось жить и работать. А работал он много лет самоотверженно в нашем заповеднике помощником лесничего, лесничим, главным лесничим, научным сотрудником. Некоторое время проработал в лесном отделе Тебердинского заповедника на Кавказе, после чего вышел на пенсию и уехал на свою родину в деревню Маза Вологодской области. Он был искренний, честный и настоящий человек. Природу он знал, любил, хорошо чувствовал. И это безусловно отражалось на качестве его живописных работ. А увидели мы их только недавно, используя возможности почти всемогущего Интернета.

Ирина Адольфовна Филус

Замечательная Ирина, к которой у всех знавших ее людей практически сразу же непроизвольно рождалось чувство самой искренней симпатии, появилась в заповеднике сначала на практике из Иркутска, где она жила и училась на охотоведа в СХИ. В заповедник работать она уже приехала после поступления в аспирантуру, разрабатывая довольно сложную тему по поведению копытных животных Сибири и Урала.

Своими успехами в занятиях рисунком она особенно ни с кем не делилась. Но карандаш, перо, пастель, уголь она использовала при случае вполне мастерски. Потом выяснилось, что она, хорошо зная животных в их реальной жизни, может их рисовать, показывая даже индивидуальные черты. На многих рисунках очень художественно отражены некоторые растения, а также прекрасные пейзажи. Уехав с Алтая через много-много лет в Интернете на сайте заповедника мы уже после ее преждевременной смерти увидели большое количество ее прекрасных и самобытных работ.

Леонид Алексеевич и Раиса Павловна Шилкины

Эта семья появилась в заповеднике на кордоне Кокши в середине семидесятых годов. Ранее они вполне благополучно преподавали в художественном училище города Торжок Тверской области. На Телецком озере жили с 1967 года. Неизвестно, что их потянуло в этот глухой безлюдный угол.

Но то, что они были людьми творческими и необычными, даже по сравнению с иными (тоже в основном нестандартными) жителями Прителецкой части Алтая, было видно буквально с первого же посещения их небольшой избушки вблизи берега реки Кокши. Изба делилась весьма условно на две части: кухню-столовую-мастерскую и гостиную-спальню-мастерскую. Повсюду на полках стояли их изделия, среди которых были деревянные чаши, подносы и блюда, сделанные в самой различной технике. Запомнились очень тонкостенные тарелки из кедра, которые были украшены очень тонким прорезным кружевом. Внимание привлекали также чайные чашки и блюдца, почти сплошь покрытые очень стильным мелким рисунком («под ситчик»). Было много рисунков и этюдов маслом, акварелью, пастелью. Было очень много работ из березовых спилов, в том числе и березовых капов в виде настенных украшений, выполненных выжиганием. Тематика рисунков была самая разнообразная, в том числе навеянная местной природой, а также основанная на былинной тематике.

Специально для местной артели, специализирующейся на производстве местных сувениров они разрабатывали удобные в технологическом плане изделия

с резьбой - кружки, блюда, ложки, медальоны. Для работы они привезли с собой не только кисти, краски и холсты. У них был невиданный мною до этого большой арсенал самых разнообразных специальных ножей, стамесок, клюкарз (инструмент для выемки дерева при изготовлении ложек), а также разнообразные пилы, лобзики, выжигатели. Самым дорогостоящим (во всех смыслах) прибором была муфельная печь, которая работала от автономной бензиновой электростанции. В ней можно было закалять все их новые инструменты, поскольку, по мнению Леонида, только лично изготовленным инструментом можно было сделать руками что-нибудь путное. В этой же печи происходил также обжиг керамических изделий, которые украшались подглазурной росписью.

Именно в этом деле Леонид и Рая были настоящими и очень изобретательными профессионалами. Дело в том, что краски, которые после обжига будут смотреться вполне натурально и живописно, до обжига имеют грязно серый цвет с различными оттенками других случайных цветов. Наши мастера знали все тонкости этого дела и верно прогнозировали окончательный цвет и оттенки красок. А кроме того они были настоящими живописцами.

И вот однажды, когда я в очередной раз увидел замечательно расписанные ими в технике подглазурной росписи чайные чашки и блюда, мне захотелось сделать сюрприз Лиде к 10-летию нашей совместной жизни. Сюжет мы обговорили очень быстро. Это должны быть только высокогорные цветы Алтая. Найти готовые не расписанные чашки и блюда тоже особой проблемы не представило. Леонид отнесся к работе как настоящий художник - ходил на этюды, сделал целый альбом акварельных рисунков.

А когда Леонид вручил мне готовый заказ, я чуть не задохнулся от восторга. Это не были скромные рисуночки по одному на чашку. И на чашках, и на блюдах это были роскошные рисунки в классическом стиле - три крупных цветка с одной стороны, и один - с другой. А в довесок к набору из шести комплектов они с Раей нам подарили еще сахарницу, чайник и конфетницу, сделанные в том же стиле. Никаких денег мне не удалось ему отдать за эту роскошную работу. Кстати, весь этот замечательный комплект абсолютно уникальной и бесценной посуды и сейчас хранится у нас на самом почетном месте. По особым случаям мы пользуемся им и радуем своих гостей.

ГРАЖДАНИН КОПЕЙКО

«От суммы и от тюрьмы – не зарекайся». Многие в России смогут привести примеры справедливости такой народной мудрости. Попробую рассказать еще одну такую историю коллективного перемещения из категории рядовых работников

охраны заповедника в категорию ЗК. Хотелось бы сделать это, насколько возможно более корректно по отношению к моим бывшим сослуживцам по Алтайскому заповеднику.

История эта касается двух лесников, проживавших на кордоне Кокши, который ежегодно бывает отрезан от «большой земли» на несколько зимних месяцев, а также двух лесников из Яйлинского лесничества. На Кокши жили лесник Геннадий Леонидович Красников, который до этого работал главным инструктором на турбазе «Золотое озеро» и лесник Леонид Алексеевич Шилкин – профессиональный художник, мастер-резчик, специалист по росписи на фарфоре. С ними меня долгие годы связывали теплые, даже дружеские узы. В Яйлю жили лесник-алтаец Николай Федорович Тукмачев, кроме работы занимавшийся только личным хозяйством и пчелами, а также Виктор Максимович Анферов – молодой лесник, сын заслуженного ветерана Отечественной войны, человека, на кордон которого всегда направляли почетных гостей заповедника, таких, например, как космонавты.

И вот однажды в феврале-марте всех четверых экстренно направили в верховья реки Кокши, поскольку поступила информация о браконьерстве. Спустя неделю они вернулись и доложили (написав соответствующий отчет о рейде), что на территорию заходил некий гражданин по фамилии Копейко, сбившийся в непогоду с охотничьего путика. Факт браконьерства при этом не подтвердился. И вот спустя два года как гром среди ясного неба... Их вызвали в милицию для дачи показаний, а позднее доставили в Турочакский районный суд. Вменяемое им преступление квалифицировалось как злоупотребление служебным положением (взятка). Я выступал на этом суде в качестве общественного защитника Шилкина. Были защитники и у других обвиняемых. Но всех их в итоге осудили на реальные сроки от 4 до 6 лет. Что же случилось на самом деле?

В рейде они задержали промысловика (с другой фамилией), который многие годы охотился вблизи границ заповедника, не нарушая заповедного режима. Проблемы с финансами заставили его на этот раз зайти на богатую дичью заповедную территорию. Наша охрана задержала его. Встала проблема, как доставить его за многие десятки километров для опознания личности. Надо учесть, что перемещения в многоснежной тайге – это очень трудоемкое дело. Всем хочется спать, расслабиться нельзя. И как все пятеро рассказывали в суде – каждый боялся, что в итоге все может кончиться трагедией. Охотник боялся, что его прибьют эти мало похожие на охотинспекторов люди, чтобы забрать соболей и не иметь проблем с его доставкой в милицию, да еще в другую область. Лесники боялись, что опытный зверовщик, воспользовавшись любой их оплошностью, порешит всех разом. А в итоге они полюбовно договорились, что его отпустят, составив фиктивный рапорт, а он отдаст им сорок соболей. Вероятно, суд решил, что инициатором этой сделки был Геннадий Красников, который по жизни был наиболее авторитетным человеком, да еще и партийным. К тому же именно в его обходе случилась эта история. Именно ему и дали максимальный срок. Хотя все

они были просто лесниками, да еще как я помню, в приказе на их выход старший группы не был назначен вовсе.

Каждому из наших лесников эти соболиные шкурки вообще были не нужны. Нужды они не испытывали, привычки к стяжательству и к роскоши в обычной жизни не имели. Что их заставило это сделать? Непонятно. Возможно, это был стадный инстинкт, по законам которого каждый с какого-то момента уже не мог сказать – «а я не согласен». Как они распорядились неизвестной мне суммой, вырученной от незаконной продажи шкурок, тоже не ясно.

Остался еще важный вопрос, а как вообще стало известно об их преступлении? Ответ обозначился только на суде. Николай Тукмачев, не до конца отсидев за незаконную охоту на марала весной на склонах озера (была убита стельная маралуха), решил, что справедливо будет, если и другие люди, хотя и по другому поводу, но тоже посидят в исправительных заведениях. Может быть, он рассчитывал на сокращение срока за сдачу подельников? Так или иначе, он пошел к начальнику колонии и написал явку с повинной. Тут милицейская, судебная и исправительная машины и закрутились...

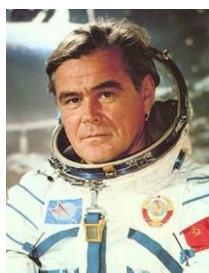
Прошли печальные годы заключения. Красникова, разумеется, больше не взяли работать в охрану, и он уехал в Барнаул. Написанную им повесть о жизни на Телецком озере к моменту суда бывшую уже в наборе, отказались печатать. В рукописи была глава о их совместной с Лидой, очень трудной, хотя и непродолжительной, экспедиции на Абаканский хребет. Шилкин после отсидки тоже уволился и пошел работать лаборантом на стационар Биологического института СО АН СССР в Артыбаше, где и живет до настоящего времени. Анферов последующие годы работал в Яйлю на разных работах, и у него распалась семья. А вот Тукмачеву по негласному «общественному приговору» пришлось бросить налаженное домашнее хозяйство и вообще покинуть Яйлю. Таких людей, как он, нигде не любят...

Недавно Женя - дочка Г.Л.Красникова сделала поправки к этой истории:

- *«Старшим группы отец становился автоматически, т.к. браконьер был обнаружен на его обходе».*

- *«Тукмачев сидел за убийство стельной маралухи, это произошло буквально в километре от Кокшей в сторону Челюша, выстрелы были слышны на кордоне».*

ГОСТИ ЗАПОВЕДНИКА

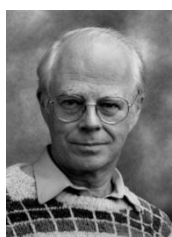

Не знаю, как это случилось, но среди наших космонавтов очень популярными были поездки на Телецкое озеро на рыбалку. Видимо первый из них (вроде это был Алексей Губарев, кому в его экскурсии по озеру близ кордона Челюш дали в руки «самодур», с помощью которого он играючи наловил много хариуса. Он и сделал такую рекламу Алтайскому заповеднику. Потом из отряда космонавтов гости приезжали не один раз. Для них построили

отдельный летний домик с верандой. Тетя Тася и Максим Иванович Анферовы обеспечивали настоящую добротную деревенскую кормежку, и делали так, чтобы им не мешали редкие гости кордона. Этот «гостевой кордон» силами областных начальников (Алтайского крайкома КПСС и крайисполкома) был обеспечен электричеством от бензинового электрогенератора и даже персональной телевизионной «тарелкой». В официальную агитационную поездку с посещением Яйлю и со встречей с его жителями, приезжал космонавт Василий Георгиевич Лазарев. На встрече в непринужденной обстановке жители задавали самые неожиданные вопросы. Ответы тоже были не «газетные», а содержали живую и интересную информацию о их жизни и полетах. Я помню, что на мой вопрос, «А что будет, если в космос полетит совсем без подготовки обычный человек?», Лазарев сказал, что он такому человеку не позавидует. К полетам надо серьезно и специально готовиться. Сейчас, когда я уже не могу даже просто покататься на детской карусели - голова кружится - мне стало окончательно понятно, что там, в космическом полете, все нагрузки (и перегрузки) на порядки сильнее, чем в обычной жизни у обычных людей.

Ну, и приезжали на кордон, соответственно, люди, приближенные к высшему эшелону власти из Москвы (из Правительства и ЦК КПСС), которые по делам попадали в Барнаул. Иногда это были руководители или крупные чиновники из дружественных СССР социалистических стран или международных организаций. Мы и знать о них не должны были. В основном и не знали. Была однажды устроена экскурсия для работников посольства Великобритании. Об этом можно рассказать подробнее, но уже в другом месте моего повествования.

Попадали на берега озера руководители и ведущие ученые академических институтов из Венгрии, Польши, Канады. Однажды мне приходилось возить по озеру на лодке Президента всемирной социологической ассоциации - шведа Ульфа Химмельстранда с супругой.

Проблема в общении у нас с ним конечно была, поскольку уровень моего немецкого (и полное отсутствие английского) не позволяли нам активно разговаривать. Самому профессору после трудной и очень длительной поездки в страны юго-восточной Азии вообще хотелось просто отдохнуть. Но супруга интересовалась цветами, поэтому, ограничиваясь лишь латинскими названиями растений, мы смогли найти способ вести беседу. Но, самое главное, озеро всегда и на всех производило самое сильное впечатление. И этого зачастую было достаточно, чтобы быть интересными друг другу.

Круг новых знакомых существенно пополнился у меня после сопровождения едва ли не двух десятков участников Всесоюзного гляциологического симпозиума (он проходил в Томске кажется в 1979 году) в их полевой экскурсии на Телецкое озеро. Группу ученых я встретил на борту нашего теплохода «Ирбис». Далее мы поехали вдоль заповедного берега озера на юг. Моей задачей было познакомить наших гостей с природой заповедника, с особенностями его режима, с направлениями и результатами наших исследований. Однако профессиональные

интересы гостей лежали в области геоморфологии, и они естественно обращались ко мне, чтобы я на местности показывал им те или иные известные им из литературы проявления геологических событий, которые постепенно формировали особенности рельефа этого интересного для них района Алтая. Меня тоже, как я помню, особенно поразила информация о 14 уровнях, на которых в разные периоды находилась поверхность Телецкого озера. И следы этих его прежних уровней можно было обнаружить в некоторых местах на берегах озера. Этот вопрос был самым обсуждаемым в нашей поездке. Кстати для меня самым информативным в этом плане был участок склонов вблизи кордона Беле - так называемые «Белинские столбы». Моя информированность в этих специальных вопросах (хотя и очень умеренная) удивила наших гостей - географов.

Удивил я их еще по крайней мере дважды за эту поездку. Один раз - перед отплытием после краткой остановки на кордоне Челюш, когда я появился с полным ведром отборных хариусов, которых специально для «телецкой ухи» наловил для нас чуть ранее М.И.Анферов. Уху мы варили собственными силами уже на кордоне Чири. Там же нам и предстояло ночевать. Однако о местах для ночлега организаторы этой экскурсии не позаботились. Вот и отличился я второй раз. Пришлось мне решать довольно сложную задачу по устройству на ночлег большой компании. Немногочисленных дам устроили в доме лесника Н.Н.Смирнова и его жены - Светланы. Самых маститых гостей разместили в свободном летнем домике - стационаре биологов из МГУ. Ключи от него мне без всяких сомнений, что мне их можно дать, вручил тот же Николай, знавший о нашей многолетней дружбе с хозяйкой стационара Ларисой Ивановной Барсовой. Именно она курировала работы по учетам мелких млекопитающих в период «второго» Алтайского заповедника. Прочие разместились прямо на полу в так называемой лаборатории (месте, где останавливались все приезжающие для работ на Кыгинском профиле наши сотрудники и иные специалисты).

Наши гости были настоящими опытными полевиками, и претензий по качеству размещения от них не поступало. Самым маститым среди гостей был директор Института географии АН СССР - академик (тогда он был кажется членкором) Владимир Михайлович Котляков. Всегда выходило так, что именно он представлял всю эту компанию и регулировал все организационные вопросы. И, как я помню, приготовлением коллективной ухи руководил тоже он.

Кроме меня (от заповедника) второй принимающей стороной был профессор Томского университета Алексей Михайлович Малолетко, с которым мы уже были знакомы до этого, поскольку именно он много лет проводил здесь со студентами геоморфологические исследования. Именно ему я благодарен за содействие в закладке и съемке растительности на моей площадке по мечению мелких млекопитающих в урочище Турочак.

Еще одним своим человеком из наших гостей, которые по своей работе так или иначе были связаны с Алтаем, являлась Галина Николаевна Огуреева с кафедры ботанической географии географического факультета МГУ. Именно она готовила карты растительности Алтайского края в большой Атлас этого края, а позднее опубликовала основательную монографию «Ботаническая география Алтая». В одну из моих поездок в Москву она передала мне огромную пачку листов самой разной тематики из названного уже Атласа. Позднее официально нам этот Атлас передали из Алтайского крайисполкома.

Был среди гостей молодой, но уже опытный гляциолог из Томска Алексей Николаевич Рудой. Ко времени проведения этого симпозиума (и экскурсии на озеро) он уже успел принять участие в годичной экспедиции в Антарктиду.

Основной гляциологической базой Томского университета на Алтае был стационар на Северо-Чуйском хребте вблизи Курайской котловины и поселка Курай. Там имелся довольно доступный для исследований покровный ледник на горе Актру и долинный ледник с ее склонов. Вот именно Алексей по окончании нашей экскурсии по озеру предложил мне нанести ответный визит на их стационар. И эта поездка однажды состоялась!

Алексей прислал мне телеграмму в которой назвал время и адрес в Горно-Алтайске, откуда в Курай поедут их коллеги-геологи, которые возьмут с собой меня и Лиду. Сам он извинился, что не сможет составить нам компанию. Ехали мы в практически закрытом кузове вездехода ГАЗ-66 и увидели лишь малую часть красивых ландшафтов вдоль Чуйского тракта.

Через несколько часов нас высадили на самом удобном месте для пешего маршрута в сторону нижнего лагеря стационара ТГУ. Времени у нас было мало. Курайская степь для нас, многие годы работавших только в преимущественно таежном Восточном Алтае, была очень интересной. Нас обдувал теплый ласковый ветерок. Вокруг разливались степные ароматы. Ближе к устью реки Актру все чаще встречались лиственницы.

Дошли до лагеря, сослались на Рудого. Нам выдали спальники и открыли домик для ночлега. Студентов и сотрудников в лагере не было. Консультаций получить было не от кого. Но мы очень устали и быстро легли спать, с тем, чтобы на завтра проснуться пораньше и увидеть побольше. На покровный ледник высоко в горы мы не рассчитывали попасть вовсе.

Наутро проснулись, наскоро заварили чаю, перекусили и пошли вверх по реке. Наконец мы увидели то, за чем так далеко поехали. Долинный ледник «Большой Актру» повис над долиной. На склонах долины мы смогли увидеть хотя и скромные, но вполне явные следы движения этого ледника в прошлом в виде боковых морен. Нами была обнаружена также знакомая лишь по книгам конечная морена - нагромождение камней самого разного размера в виде разрушенной «плотины», которую когда-то двигал вниз по склону «текущий» вниз ледник. Из-под него бурным белесым потоком вытекала быстрая мощная река. Мы даже зашли под толщу ледника в такую огромную ледяную пещеру. Пахло холодом. Толща льда показалась ненадежной и нам захотелось поскорее уйти оттуда.

И, правда, теплый степной воздух на рядом расположенном сухом склоне в долине реки Актру нас порадовал гораздо больше, чем миллионы тонн льда. И точно - не гляциологи мы...

ЛОШАДИ

ПЕРВЫЙ ОПЫТ ВЕРХОВОЙ ЕЗДЫ

До работы в Алтайском заповеднике лошадей вблизи я видел только в детстве в деревне Елшанка Татищевского района, где жил мой дед. К колхозным лошадям нас особенно не подпускали. Вообще-то дед в молодости был лихим наездником и вспоминал, что у них в семье всегда были отличные лошади. Среди прочих (спустя десятки лет) он называл любимого Орлика, на котором ездил в Саратов на санях за водкой и обратно (не менее 100 км за день).

Почти сразу же мне пришлось осваивать начала верховой езды, поскольку без лошадей невозможны серьезные экспедиции по огромной и дикой территории заповедника. Науку верховой езды я осваивал более чем ударными темпами. Для закладки пробных площадей по зимнему учету охотничьих видов млекопитающих меня в августе 1971 года послали в Язулинское лесничество. После долгого автобусного рейса от Горно-Алтайска до Улагана мне предстояло проехать на лошади верхом сразу 90 километров. Утром у гостиницы меня ждали лесники, с которыми была лошадь, предназначенная для моих упражнений. Седлать мне ее в этот раз не пришлось. Лесники заботливо положили на седло дополнительно кусок мягкой кошмы. Я, как мог, приторочил к седлу свой рюкзак и спальник, Перекинул через плечо винтовку, привесил на грудь тяжеленный фотоаппарат, с помощью лесников взгромоздился на лошадь, и ... поехали.

Дискомфорт от такого способа передвижения я заметил сразу же. И как потом понял, что не только моя абсолютная неопытность была этому виной. Местные жители очень ценят лошадей, у которых мягкий плавный шаг. Мой «Росинант» точно был не из таких. Советы расслабиться, или просто не замечать мощных шлепков седлом по собственной заднице, мне мало помогли. Ослабить шлепки слегка помогало легкое привставание на стременах, согласованное с темпом конного шага. Но ноги не могли выдержать этой тяжелой, непривычной, долгой и монотонной нагрузки. Я опять отдавался на волю лошадиному изуверскому аллюру. Хотя я и видел, что моих спутников такой способ ехать легкой рысью не смущал нисколечко. Временами я не выдерживал, переводил лошадь на мерный, но очень медленный шаг. Лесники легкой рысцей отъезжали вперед, останавливались и ждали меня.

Легкая передышка наступила, когда мы заехали к чьей-то родне в поселке Саратан. Слезть с лошади, а также прямо стоять мне уже было тяжело. Когда заходишь в гости, то отказываться от чая или иной еды на Алтае не принято. На этот раз лесников, и меня вместе с ними, угощали алтайской молочной водкой, а точнее самогонкой (алт. *арака*). Как говорил позднее один мой коллега по работе в заповеднике – «Арака пахнет всеми алтайцами сразу». Крепость у нее едва ли доходит до 5-6 градусов, и пьют ее еще теплой, чтобы был хоть какой-то эффект.

Эффект, который она произвела на меня, был поистине с ног сшибающий. Почти сразу, как мы выехали из Саратана, у меня случилось мощнейшее расстройство желудка. И теперь к неизбежным мучениям обычной верховой езды добавилась необходимость очень часто спешиваться и искать ближайшие кусты. Подозреваю, что мои спутники вначале очень повеселились, глядя на мою «джигитовку». Хотя вскоре уже было очевидно, что они мне искренне сочувствуют. Однако ехать дальше было необходимо, и мы ехали, ехали, ехали... И когда мы к вечеру доехали до Язулы, то свое состояние я мог оценить только почти как неменяемое. Что-то вроде «куля с дерьмом». Без помощи лесников я даже не мог спешиться. А когда мне помогли слезть с лошади, то с ногами в форме буквы «О», всю дорогу вынужденно обнимавшими огромный лошадиный живот, я не мог даже стоять по-человечески.

Но уже через день мы верхом уезжали в тайгу на закладку пробных площадей. Прочие интересные истории с лошадьми уже не отличались тем накалом борьбы с собой, которая была описана выше. Кстати этот же путь в 90 км, но в обратную сторону, я преодолел за один день летом 1978 года, когда со студентом-ботаником из Иваново мы выходили пешком с полевых работ к вертолету.

КАРЁМ

Эту лошадь знали все алтайцы, проживавшие в долине Чулышмана, а также многие сотрудники заповедника, которым приходилось летом работать в

Белинском лесничестве. Если искать эталон настоящей алтайской лошади – некрупной, изящной стати, выносливой, нетребовательной к наличию густой травянистой растительности, способной надежно ходить своими маленькими копытами по каменистым склонам, то это будет Карём. А известен он был своим особым свободолюбием и особой изобретательностью, с которой он легко уходил от расслабленных и непрофессиональных седоков. Эти качества он выработал в себе, когда умер его первый и настоящий хозяин – Глеб Никифорович Андадиков, до смерти проживавший на кордоне Ак-Курум близ устья реки Чульча. С этого печального момента лошадь ушла от людей и жила абсолютно самостоятельно не менее года. Все попытки молодых алтайских «ковбоев» поймать Карёма были безуспешны. От лассо и расставленных на земле и в кустах петель он уходил играючи. Коллективные загоны тоже к успеху не приводили. Карём уходил в крупнокаменистые россыпи, куда нормальный алтаец свою лошадь не направит.

К моменту, когда мне предложили взять Карёма в Чульчинскую экспедицию 1973 года, он уже жил на берегах Телецкого озера вместе с Белинским табуном лошадей. Однако мой проводник Д.П.Ядомыков предупредил меня об этой особенности Карёма, и очень настоятельно рекомендовал, чтобы рядом всегда был еще один конь – Гнедко, который был его братом. Карём был с ним так дружен, что, даже освободившись от пут или узды, не убежал далеко и пасся поблизости. Вот эти две лошади имели идеально ровный ход рысью. Всю экспедицию эта пара братьев обеспечивала нам безаварийные переправы через реки, надежные проходы по узким горным тропам на крутых каменистых склонах Чулышмана. За надежностью пут на ногах Карёма на долгих стоянках, а также за дополнительным привязыванием крепкой веревкой его на кратких стоянках, благополучно следил Дмитрий. А вот в других экспедициях Карём успевал сбежать не по одному разу: переколочивая кованым копытом веревку, предварительно сдвинув ее на камень, отрывая от привязи небрежно привязанную или слабую уздечку, которую забыли продублировать крепкой капроновой веревкой, а то и просто вырвавшись от спешившегося и зазевавшегося седока.

Одну историю, имевшую широкую огласку и причинившую значительный ущерб двум самым знаменитым Прителецким жителям, я попытаюсь описать ниже. Это было летом 1976 года. На обследование гари в верховьях левых притоков реки Кыги из кордона Чири (близ устья этой реки) выезжала главный лесничий заповедника Тамара Алексеевна Плищенко. С собой она взяла меня и ботаника Л.В.Марину. Лошадей из Беле, в том числе Карёма, пригнал молодой специалист лесного хозяйства Александр Евгеньевич Холин. Он-то и не привязал коня как следует. Тот воспользовался оплошностью, порвал уздечку, и пока мы выскакивали из домика, не допив чая, полагающегося перед навьючиванием, убежал со двора и направился назад в сторону Беле к оставшимся там друзьям - лошадям. Попытки перехватить его в первые минуты после побега не увенчались успехом. И наш Карём, следуя к своей цели, непонятным образом заскочил на усадьбу знаменитого Николая Павловича Смирнова. Немолодым супругам не удалось выгнать с огорода

непрошенного гостя, тем более, что это же с особо остервенелым лаем пыталась делать овчарка, спущенная ими с цепи. Когда я добежал до их огорода, то вполне уже мог рассчитывать в ответ на «здравствуйте» получить хорошим дрыном по спине. Конь, напуганный таким приемом, пытался, но не мог перескочить через забор. И сделав несколько кругов по грядкам он, наконец, убежал в сторону Беле, но только после того, как мы разгородили несколько пролетов забора, чтобы он смог увидеть выход.

Но и далее в этой нашей короткой экспедиции Карем смог проявить свою яркую индивидуальность. Дело в том, что он более других лошадей вел ранее свободный от обслуживания людей образ жизни. Поэтому, в частности, имел привычку не переступать через часто встречающиеся на всех тропах упавшие деревья, как это делают все другие лошади, а просто перепрыгивал через них. Люди, которые не знали об этой привычке и не управляли этой самостоятельной и своенравной лошадью, могли сталкиваться, и очень часто сталкивались с неожиданными прыжками через препятствия. Алтайцы легко с этим справлялись. А вот Лида, которая решила на нем ехать из-за его мягкой и комфортной для седока рыси, не один раз оказывалась при таких прыжках не в седле, а буквально на шее у Карема. К счастью, она не разу не свалилась при этом на землю или на сучковатый валеж.

Мальчик

Так звали лошадь, на которой я вместе с группой лесников Белинского лесничества уже в середине октября (1971 года) поднимался в верховья рек Чири и Ташту для закладки пробной площади по учету охотничьих видов млекопитающих. К этому времени на берегах Телецкого озера уже лежал снег. В верхней части лесного пояса, куда мы ехали, снега уже было хотя и очень много, но недостаточно, чтобы ходить на лыжах. Все лошади были подкованы. И мы, перемещаясь по очень крутым склонам, тоже вынуждены были нацеплять на свои «обутки» специальные кошки.

Только теперь я стал вполне адекватно оценивать терпеливость и дисциплину, с которыми наши коллеги из лесного отдела, в основном алтайцы, выполняли почти невыполнимые задания, которые придумывал им молодой сотрудник научного отдела. Впрочем, такому взаимопониманию помогало и то, что я везде был в составе всех полевых отрядов, выполнявших особо трудоемкие работы вроде закладки пробных площадей.

Подъем верхом в горы, очень трудоемкая разметка пробной площади (5 X 5 км), пара ночлегов в избушке и под кедром прошли вполне благополучно. Вполне благополучно прошел также и спуск по заснеженному склону до Белинской террасы. Лошади, почувствовав дом, прибавили рыси. Прибавил рыси и мой Мальчик, который трюсил последним в этой кавалькаде.

До поселка оставалось не более двух километров. И вдруг лошадь падает буквально на ровном месте как подкошенная. Я оказался почти под ней, но повод не отпустил. Носок сапога на одной ноге заскочил глубоко в стремя. Лошадь вскочила, рванула с места, протащив меня за собой пару метров. Нога к счастью освободилась от стремени, я отпустил повод и остался на земле. А Мальчик, взбрыкивая задними ногами, поскакал в сторону поселка, на ходу освобождаясь от груза и седла, которые оказались у него под брюхом. Я почти не ушибся и не растянул свои связки. Лесники были уже далеко впереди и не видели, как я упал. Дальше я пошел уже пешком, да еще пришлось нести на себе седло и свою поклажу, которые я нашел метрах в ста от места падения. Причина падения выяснилась сразу же. Это мой Мальчик всеми четырьмя ногами (возможно слишком давно подкованными) одновременно попал на тропе на обледеневший пологий бугорок диаметром не более двух метров. И это было не последнее мое падение вместе с лошадью.

Колобок

Это была, наверное, самая крупная лошадь в Яйлю. Ни одно седло с обычной подпругой на нее не подходило. И приходилось добавлять еще солидный отрезок сыромятного ремня, чтобы закрепить седло на этом великане. По весу из него можно было выкроить пару подбористых алтайских лошадок. Но чем он особенно отличался от всех других лошадей, так это тем, что его никакими средствами нельзя было разогнать с шага на бодрую рысь. Про галоп вообще говорить не приходится. Вести его в поводу с грузом тоже было тяжелым трудом. В экспедиции 1972 года на высокогорное озеро Джулукуль в самом южном участке заповедника мне пришлось пользоваться услугами этого нерасторопного коня.

Чтобы не тащить ловушки для отлова мелких млекопитающих из лагеря на берегу озера в несколько отдаленных мест проведения учетов я заседлал Колобка и не спеша выполнил эту немудреную работу. А вот обратный путь мне захотелось проделать побыстрее, чтобы успеть ко времени ужина. Видимо мое желание в данном случае совпало с интересами коня, и он перешел на тряскую рысь. Потом он проявил несвойственную ему обычно инициативу и, сокращая путь на повороте, сошел с нахоженной тропы на мягкий моховой ковер.

Последствия этого не замедлили сказаться: Колобок влетел передними ногами в глубокую расщелину меж крупных камней, что была скрыта густым мхом, я сделал изящный кульбит вперед через его голову и жестко приземлился на камень спиной. Что еще хуже, на моей спине висела ужасно жесткая винтовка. И мох на камнях мне не помог вовсе. К счастью Колобок не сломал ноги, что имело бы фатальные для него последствия.

Моя спина много дней (а теперь я думаю, что и много лет) давала о себе знать. Вот так и приобретался опыт экспедиционной работы на Алтае.

Соён

Соён (соёт) – у алтайцев обидная кличка для соседствующих с ними тувинцев. И, правда, этот маленький, но плотный светло-серый конь был родом из Тувы. При перевозке чрезвычайно тяжелых ящиков с образцами у геологов-поисковиков он

так натер спину, что далее уже не мог использоваться в работе. На одной из алтайских стоянок геологи обменяли его на здоровую лошадь. А позднее этот уже слабый, старый, но самостоятельный и очень опытный в перевозке грузов конь оказался «в штате» Алтайского заповедника. В нескольких экспедициях он обслуживал и мои скромные транспортные нужды. Хотя едва ли он считал наши грузы такими уж скромными. Уходили мы на полевые работы на месяц и более. Приходилось брать с собой очень много продуктов и экспедиционного имущества. Особенно запомнился мне Соён в нашей экспедиции 1973 года в верховья Чульчи. Куратором этого замечательного коня тогда был молодой орнитолог Валерий Андреевич Стахеев. И, кажется, что они друг другу очень нравились.

Первую половину экспедиции при общем недостатке лошадей мы водили их в поводу, выше всякого предела нагруженных. Но водить в поводу Соёна было практически невозможно. Вне зависимости от маршрута идущих впереди него лошадей он, наученный строгой геологической практикой, всегда шел своим путем. При этом Соёна мнение ведущего его за узду сотрудника также мало интересовало. Он всегда выбирал свой особый маршрут. И, надо признаться, делал это самым идеальным образом, не задевая поклажей (как другие лошади) стоящих рядом с тропой деревьев, или торчащих на склоне камней. Поэтому в итоге мы дали ему полную свободу в выборе индивидуального пути в общем следовании по маршруту. Но однажды такая практика добавила нам много дополнительных хлопот.

Очередной наш лагерь располагался вблизи Шапшальского хребта в верховьях левых притоков Чульчи. Мы проснулись, позавтракали, заседлали и навьючили коней. И уже приготовились выходить, как увидели, что наш Соён, полностью самостоятельно, бодрой рысью уходит от нас в сторону Тувы. Получается так, что вспомнил он свои родные места (за Шапшалом лежала широкая долина реки Алаш), и решил от нас уйти на родину. Пришлось развьючивать других лошадей, догонять и разворачивать к лагерю беглого коня. Удалось это сделать с большим трудом и с потерей такого дорогого дневного времени. А пока он бежал с грузом на спине мы только успевали следить за тем, в какие кусты падала наша поклажа. Завершающую точку в этом эпизоде поставил Д.П.Ядомыков, ловко бросивший лассо вокруг шеи Соёна.

Едва ли не в этот же день с нашим героем произошла другая, гораздо более печальная история. Я уже упоминал, что Соён был старым и слабым конем. А груз он был вынужден носить совсем непосильный для него. Это нас и подвело при очередной переправе через неширокую, но глубокую и с высокими крутыми берегами речушку. Более молодые лошади довольно ловко спрыгнули в русло реки, а потом, выкинув на берег передние ноги, выпрыгнули на сушу.

У Соёна так уже не получилось. Свалиться в русло реки и не упасть он еще смог, а вот выпрыгнуть оттуда сил уже не хватило. Он сошел с мелкого места, и его понесло вниз по течению. Вьюки моментально намокли. Нам пришлось прыгать в воду, обрезать веревки, которыми закреплялась поклажа, и вытаскивать неимоверно потяжелевшие вьюки на берег. На этой переправе мы потеряли основные запасы сахара и проквасили (хотя и пытались сушить) все запасы пшена. Про мокрые личные вещи, спальники и палатки вообще говорить нечего. Это был первый раз, когда не виноватого ни в чем коня просто хотелось пристрелить. Вскоре, увы, представился еще один такой случай.

Уже при спуске экспедиции в долину Чулышмана близ кордона Чодро случилось очередное испытание. Склон был очень крутой. Местами тропа проходила прямо по плитам камня. В некоторых местах надо было соскакать как бы на следующую ступеньку вниз. Учитывая, что такой участок маршрута очень опасен, мы даже развязали крепление вьюков, а лошадой держали за узду. Однако этих профилактических мер для Соёна оказалось все же недостаточно.

На очередной такой «ступеньке» задние ноги коня предательски подкосились, и не удержались на камне. Вьюки легко соскочили с его спины и бодро покатались вниз по склону, разбрасывая нашу поклажу из разрывающихся экспедиционных брезентовых вьючных сум. И так катились они, как мы потом посчитали, порядка четырехсот метров. Вдвоем за уздечку и за веревку, отходившую от седла, мы подтянули Соёна назад на тропу. А потом добрый час ползали по склону, собирая изуродованные вещи, и незаслуженно проклиная, на чем свет стоит, этого трудягу-пенсионера.

Дочка

Это была крупная молодая красивая кобыла из Яйлинского табуна. Все лошади, жившие на Яйлинской террасе с мягкой, а местами просто топкой почвой, имели очень крупные размеры и очень крупные копыта. Особенно если сравнивать их с компактными и легкими настоящими горными алтайскими лошадами. В числе прочих ее взяли в экспедицию 1973 года в верховья реки Чульча.

Человеку, особенно если он не втянулся в постоянные пешие горные маршруты, да еще и с солидным грузом за плечами, первые дни бывает очень тяжело выдерживать необходимый темп хода. Нужна хотя бы небольшая акклиматизация. То же требуется и равнинным лошадям, которым предстоит

работать в горах. Однако времени всегда не хватает, мы спешим, и ... создаем себе дополнительные трудности, которые потом необходимо терпеливо преодолевать.

Довезли на барже лошадей к устью реки Кыги. Заседлали и завьючили их. И буквально после пары километров хода по ровному месту начали подъем к первой избушке (на шестом километре). Но без серьезных потерь этот самый первый отрезок пути пройти не удалось. На одном участке надо было пройти буквально 200-250 метров очень крутого каменистого, мокрого и местами глинистого склона. Большая часть лошадей с трудом, но справилась с этой задачей. Знакомый уже Соён, преодолев половину этого подъема, упал, перевернулся вверх ногами, но бодро вскочил и остановился. При этом даже не развьючился.

А вот Дочка пострадала гораздо сильнее. Она перевернулась, и сползла боком по острым камням, очень сильно повредив живот. Мы развьючили их, подняли груз до самой верхней точки этого опасного склона, оказали Дочке необходимую помощь. Пришлось ее груз распределить среди других лошадей, оставив ей лишь седло. Так и ходила она с одним лишь седлом весь месяц, лоснясь от сытной пищи и радуясь отсутствию тяжелых грузов. И когда мы дошли до первой алтайской деревни, у нас не было отбоя от предложений продать им эту красавицу, либо обменять ее на пару любых местных лошадей. Этого мы, разумеется, не могли сделать, поскольку она была «одушевленным имуществом» заповедника.

Гнедко

В этой же экспедиции я сначала вел в поводу, а потом ездил верхом на очень комфортном Гнедко. И вот уже на следующий день после упомянутого выше злополучного подъема меня и Гнедко ждали неплановые километры и новые испытания. А дело в том, что после этих лошадиных кульбитов и многих перевьючиваний наших грузов среди общего имущества наутро следующего дня (примерно в 15 километрах от этого коварного склона) я не обнаружил свой мешок с ловушками для мелких млекопитающих. Экспедиция без них для меня вообще не имела смысла.

Заседлал Гнедка, налегке бодро добрался до злополучного места. И вдруг ... мои очки, зацепленные предательской веточкой, сверкнули на солнце и исчезли в густых кустах и плотной высокой траве. Очки искал я очень долго, более часа ползая и обследуя каждый квадратный дециметр рядом с тропой. Не нашел. Как не нашел я их и в дальнейшем, тщательно обследуя это место дважды в год весной и осенью не менее семи лет, приходя на плановые учеты. Ловушки же удалось обнаружить достаточно легко. Их уронили при очередной загрузке, и не заметили этого. А я этот процесс не проконтролировал.

Привязал мешок к седлу и без очков поехал назад в лагерь. Не знаю, куда бы мы приехали, если бы я пытался почти вслепую управлять конем при полном отсутствии тропы среди мощных зарослей кустарниковой ивы и кустарниковой

березки. Но Гнедко по понятным только ему приметам привез меня к избушке. Экспедиция уже ушла вперед, но мои вещи, к счастью, оставили здесь. В рюкзаке лежали запасные очки, которые меня очень выручили в дальнейшем.

Впоследствии я полностью доверял этому коню свою судьбу, поднимаясь и спускаясь по крутым склонам, переправляясь через коварные горные реки, встречаясь неожиданно с медведями.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ЧУЛЫШМАН

Чулышман – это главный приток Телецкого озера, обеспечивающий добрую половину стока в него. Река бурная, в нижнем течении (до кордона Ак-Курум) пригодная в высокую воду для подъема на моторной лодке. Выше она местами прорывается сквозь каменистые уступы, местами разливаясь широкими плесами. Мест, где через нее можно перейти вброд на лошадях очень немного. И это всегда сопряжено с серьезной опасностью. Во всяком случае, два известных мне смертельных случая произошло на переправах с очень опытными в этом деле людьми. Но это были обычные переправы, когда человек едет верхом, доверяя лошади выбрать окончательный вариант пересечения реки.

А вот местами приходится переправляться через эту реку вплавь. Это интереснее, но тоже весьма опасно.

В 1972 году мы большим экспедиционным отрядом переезжали на другой берег очень быстрого Чулышмана вблизи кордона Чодро (черемуха). На дряхлой лодке за несколько приемов переправили весь груз и седла, а также часть людей. Потом, оставив короткие поводья на уздечках, чтобы лошади не запутались в них ногами, стали загонять их в реку. В итоге, одна из лошадей показывала остальным пример, и другие следовали за ней. Вода там течет так быстро, что, переплывая эти примерно 40 метров, лошади относились течением вниз на 100-120 метров. И вот там-то и надо было хватать лошадей в первый момент их выхода на берег. Иначе добавлялась бы еще одна операция по отлову беглецов. В общем, бурные эмоции переполняли всех – и болельщиков на берегу, и людей в крохотной и переполненной грузами лодке, и ловких ловцов мокрых напуганных лошадей.

МЕДВЕДИ

Каждая встреча с крупным хищником, если она произошла не в зоопарке, это уже запоминающееся событие. Поскольку я имею возможность рассказывать про эти встречи, то из этого следует, что все они благополучно закончились. Надо отдать должное медведям; они всегда вели себя вполне корректно, соблюдая рамки медвежьих приличий. Важно было только не нарушить их медвежий сценарий своими правилами или спонтанными реакциями.

Были и другие, очень драматические и даже трагические происшествия. Но мне в них, к счастью, не приходилось участвовать. Были годы в жизни поселка Яйлю, когда в малоурожайные годы наблюдались буквально нашествия медведей. Тогда они массово встречались в яблоневом саду, ломали яблони и поедали наиболее вкусные сорта яблок, нападали на домашнюю скотину и ходили по поселку, не обращая внимания на лай собак и выстрелы в воздух. Трагедии при таком поведении медведя могут случиться в любой момент.

Вот и мне однажды пришлось по дороге из дома на работу увидеть прямо в центре поселка медвежьи следы. В первый момент я даже не сразу сообразил, что это следы медведя, а не босого местного оригинала. Лида же говорит, что она сразу поняла, что это медвежьи следы, только почему-то не сразу дала себе отчет в том, что следы то находятся не в лесу, а в самой середине поселка. У конторы уже собралось довольно много людей, напуганных такими же следами, и они требовали принять незамедлительные меры по обеспечению их безопасности. Но решать такие вопросы самостоятельно руководство заповедника не имело права. Разрешение на отстрел опасных хищников давалось только в самом крайнем случае и только московским начальством. А понять, что это крайний случай, из Москвы достаточно трудно. Иногда наша лесная охрана брала на себя ответственность и отстреливала таких медведей. Выговор или иное наказание в таком случае воспринимаются легче, чем вынужденная необходимость рисковать чужими жизнями.

Исключительное нашествие голодных медведей в поселок случилось в сентябре 2008 года. Тогда люди очень долго жили на осадном положении, пока не удалось добиться соответствующей лицензии. Было отстреляно три медведя из двух десятков, зарегистрированных практически в черте поселка Яйлю.

Было на Колюштинской тропе место, называемое Аюколь (с алт. *медвежье озеро*). Озера я там категорически не видел. Разве только если считать озером небольшую мочажину недалеко от одноименной таежной избушки. Должен признать, что не зря этому урочищу дали такое название. Именно здесь у меня случилось в разное время несколько запоминающихся встреч с косолапыми хозяевами тайги.

Однажды ближе к осени поднимались мы на конях с Ядомыковым по этой тропе. После тяжелого первого подъема мы решили дать коням отдохнуть. Прямо

у навеса избышки, не расседывая, привязали коней, разожгли костерок, наскоро сварили чайку, собрали пожитки, и верхом тронулись в дальнейший путь. Но пути-то как раз и не случилось. Я выехал первым. Лошадь почти сразу же встала и зафыркала, но не бросилась с испуга в кусты. Метрах в десяти-двенадцати я увидел медведя прямо на тропе, и он явно угрожал нам. Мишка кидался на нас как собака, подбегал буквально метров на пять и отбегал назад. Ко мне вплотную подъехал Дмитрий, и я отдал ему повод от моей лошади. А сам, спешившись, полез в рюкзак за зачехленным ружьем, а потом в карман рюкзака за патронами. Конечно, я не мог это сделать очень быстро. И пока я суетливо собирал ружье и вставлял в ствол патроны, медведь отчаянно отпугивал нас с тропы, подбегая к нам вновь и вновь на критическое для него, и казавшееся нам уже опасным, расстояние. Наконец я выстрелил в воздух. Медведь ломанулся вбок от тропы и убежал вверх по склону. Причина такого его поведения лежала под кедром у тропы. Он так смело защищал пока еще не очень тщательно обглоданную кость марала. И был, безусловно, прав, демонстрируя такое поведение. А мы были очень рады тому, что кони не испугались. Это, как говорят местные люди, очень часто бывает при внезапной встрече с медведем. Управлять испуганной лошастью невозможно, поэтому трудно сказать - куда она поскачет, и что будет с седоком.

Работали на Аюколе мои студенты - «мышеловы». А я в это время был в районе второй избышки примерно в 6-7 километрах от Аюколя, и уже у границы леса. И вот я в порядке инспекторской проверки пришел в их избу часов в 10 утра. Еще на тропе вблизи избы, и вокруг нее я увидел множество медвежьих следов и даже поцарапанные им бревна у порога. Понятное дело, мои трудолюбивые биологи еще спали, и я разбудил их своим приходом. Захожу, и вот один из студентов мне рассказывает, что приснился ему медведь - «Топтался, ревел и царапался в дверь». Вывел я их наружу и показал все, что заметил сам, подходя к избе. Здорово посмеялись. Вполне возможно, что человеческий дух сильно смутил косолапого, и он убрался, не попробовав каких-то лакомств, привлекших его запахом. Надо отметить, что все это было летом, да к тому же в год, когда был значительный урожай кедровых орехов. В голодные для медведя времена такие визиты бывают уже по-настоящему опасными.

Вот недалеко от этой избы, чуть выше по склону, на этой же тропе в другой год произошла другая любопытная история. Мы шли вверх по крутой тропе вчетвером: я с ружьем и «телевиком» на груди, чуть сзади Лида, а за ней метрах в двадцати Володя Баскаков (Владимир Васильевич сейчас работает в Байкальском заповеднике) с ружьем и биноклем, и кто-то еще. И вот я вижу, что навстречу мне уже метрах в тридцати с горки мчится прямо вниз медведь. Ни про фотоаппарат, ни тем более про ружье я не подумал, да и времени уже ни на что не было. Я резко остановился, Лида ткнулась мне в спину. Я попытался свистнуть, но вышел довольно громкий «сипящий шип». Но медведь услышал (или уже увидел, а еще вероятнее всего унюхал нас), когда до столкновения было уже гораздо менее десяти метров. Он включил свои тормоза, с метр проехал юзом, исторгая из себя материальное проявление «медвежьей болезни», а потом, пробежав назад метров пять-шесть, свернул с тропы и, ломая кусты, побежал вниз по склону. Самое

удивительное было то, что за ним бежал, точно такого же размера и такой же масти второй медведь, вероятно его братишка. Он свернул за первым на более безопасном от нас расстоянии – метров за двадцать. Баскаков даже не увидел медведей, а только услышал, как они, ломая кусты, удирали от нас. Ну и потом унюхал, конечно, жидковатую вонючую россыпь медвежьих экскрементов.

Была еще одна наша семейная встреча с медведем вблизи Аюколя. Я однажды взял на Колюшту с собой восьмилетнюю тогда дочку Катю. Ночевали мы в Аюкольской избушке на нарах из слегка тесаных жердей, с очень дымной печкой. А главное, пока мы шли по долине Кыги, нас буквально атаковали клещи, выбрать которых в начинающейся темноте и при свете керосиновой лампы было почти невозможно. Половину ночи мы освобождались от опасных кровососов. На завтра на том же крутом склоне выше Аюколя еще до обеда мы увидели медведя, который уютно расположился на бревне, лежащем через тропу. Увидела ли Катя медведя, я не уверен, хотя пытался изо всех сил показать его. Долго мы тут не задержались, поскольку, чтобы уйти с дороги медведю хватило того, что мы обнаружили себя громким хлопком ладоней. Может быть Катя вовсе не боялась медведей, поскольку в самом раннем детстве не один раз сидела как на пенечке на огромном медвежьем черепе.

Этим наши с Катей приключения не ограничились. Чтобы не тащить на себе дополнительные продукты для студентов на Колюшту я смог договориться с вертолетчиками, что они ближайшим рейсом по своему маршруту забросят туда попутно пару наших вьючных сум. Площадки там не было, поэтому вертолетчики сбросили груз там, где им было удобно, и не так близко, как нам хотелось бы. Студенты видели, где был сброшен груз. Но поскольку все это было скрыто среди довольно высоких зарослей кустарниковой ивы, то поиски были долгими. Последнюю суму нашла Катя. Или это мне так это показалось?

А вот когда мы возвращались домой на следующий день на лодке, то попали в довольно сильную низовку. Но Катя совсем не боялась плыть. Или ей не с чем было сравнивать реальную опасность этого путешествия. Но в итоге она довольно быстро заснула под гул мотора и мерные удары волн о дно лодки. Проснулась она уже на подъезде к поселку, когда волн уже не стало. Опасным это путешествие по озеру показалось бывшей у нас в гостях моей тетке - Галине Александровне, которая уже давно высматривала нашу лодку в сильный бинокль.

Еще одна медвежья история, задокументированная фото- и киносъемкой, случилась на Абаканском хребте с Лидией Викторовной и ее спутниками - лесником Геннадием Красниковым и фотографом из Барнаула Аликом (Альбертом Арьевичем) Поздняковым. Увидели они однажды на противоположном склоне широкой долины на границе леса и кустарниковой тундры медведя. Само собой разумеется, возникла идея сделать несколько снимков. Стали скрытно подходить к нему. И вот внезапно прямо перед ними из-за ближайших кустов возник другой громадный медведь и стал к ним принюхиваться. Гена стоял с карабином наизготовку, и при этом снимал медведя кинокамерой. Алик успевал делать почти

портретные снимки. А наша доблестная Лидия Викторовна единственная из всех смотрела на медведя не через окуляры, а непосредственно глаза в глаза. Даже запах его явственно чувствовала. На фото этот очень крупный медведь вышел с огромными приплюснутыми ноздрями и мелкими для его громадной головы ушами. На киноплёнке медведь как-то «плавал в кадре», не попадая в его центр. К счастью медведь хотя и испугался (людей-то было трое!), но не потерял при этом

головы (а ведь мог бы с испуга и напасть на них). После нескольких секунд противостояния медведь принял правильное решение и опрометью бросился прочь от устраивающего его человеческого общества. И уже через минуту огромными прыжками очень быстро забежал на довольно крутой противоположный склон безлесной долины. Было странно видеть такую легкость и даже изящество бега у огромного и вроде бы неуклюжего дикого зверя.

Серия интересных встреч с медведями произошла вблизи избышки в урочище Турочак, где у меня несколько лет функционировала пробная площадка для наблюдений за мечеными мышевидными грызунами и землеройками. Однажды не очень далеко от этой избы я нашел медвежий череп воистину гигантских размеров. У нас есть фото, где на нем, как на табурете сидит наша двухлетняя дочь. В серьезных научных изданиях я выяснил, что размеры этого черепа соответствуют самым крупным из известных в Сибири экземплярам бурого медведя, которые могут весить более 500 килограммов. Позже этот череп был передан мной в краниологическую коллекцию БИ СО АН СССР (в Новосибирске).

Вот однажды ранним туманным утром со студенткой Таней Духновской из Томского университета мы уже прошли с проверкой почти всю одноконтарную площадку, но вдруг увидели метрах в двадцати медведя, который деловито ковырял трухлявую колодину. Нас он вовсе не заметил. Мы же могли его рассмотреть очень хорошо, и наблюдали за ним, пока не замерзли. Тогда я хлопнул в ладоши. Медведь сделал стойку, потянул носом в одну, в другую сторону и не спеша удалился с площадки. Прочие студенты, которые мечтали хоть издали посмотреть на медведя в дикой природе, сильно завидовали нам.

И вот буквально на следующий же день, когда мы возвращались с полевых работ, сильно повезло студентке Ларисе Шейнгольд из Горьковского университета. Правда должен сказать, что больше всех повезло мне, поскольку с ней при этом ничего не произошло. А дело было так. Мы шли цепочкой. Я унюхал сильный и откровенно медвежий запах. Потом через 10-15 метров увидел свежайшие экскременты медведя и его следы. Пока я все это осмысливал и делился впечатлениями с Таней, Лариса довольно быстро ушла от нас вперед по тропе вниз по склону. И тут она увидела на дереве двух медвежат. Забыла все, что написано по этому поводу в технике безопасности, и кинулась посмотреть на них поближе. При этом она чуть не наступила на медведицу, дремавшую на тропе. Та рывкнула, и, против всяких известных нам медвежьих правил, кинулась в сторону

противоположную от медвежат. Мы оттащили Ларису от дерева и, оглядываясь по сторонам, благополучно ушли от «косолапеньких» подальше.

Основным средством передвижения на озере является лодка. Вот на лодке я и приехал однажды к устью реки Турочак для работ по мечению мышевидных грызунов. Груза обычно бывает много, и мне пришлось оставить в дюралевой лодке в закрытом на защелку бардачке часть хлеба. Бак с бензином я оттащил подальше от лодки и прикрыл ветками. Прихожу назавтра обратно за оставшимся грузом. И что же вижу? Бак перевернут, бензин наполовину вытек. Козырек из оргстекла грубо поломан, везде на лодке царапины от когтей медведя, на участках песчаного берега его же следы. Хлеб он не добыл, но ущерб причинил вполне существенный. Выходит, что медведь никаких железок и никаких противных запахов не боится. На то он и хозяин тайги. А мы там лишь гости.

А вот этот случай с медведем рассказывал наш радист Михаил Евполович Соловьев. Надо сказать, что у него к этому времени была очень сильная дальность зрения, и видел он исключительно плохо. Тем не менее, поехал однажды через озеро в залив Ыдып в ближайший кедровник собирать опадающие от ветра спелые кедровые шишки. Так ползал он от дерева к дереву за шишками, и столкнулся нос к носу с медведем, который занимался точно таким же делом. Первым среагировал наш Евполыч, который отборным матом откостерил медведя. Он успел ему выпалить – «я то старый и совсем слепой, а ты какого х... вперед не смотришь?». Медведю осталось только рывкнуть и ретироваться. А наш Евполыч мужественно дособирав оставшиеся поблизости на земле шишки и вернулся в Яйлю. В оправдание медведю можно сказать, что он на самом деле видит плоховато, больше на запах ориентируется. Вообще в это сытое время медведи обычно бывают миролюбивы.

Вот этот последний тезис у нас был случай проверить в 2002 году, когда мы с Катей и ее мужем Владиславом поехали на Телецкое озеро. Этот год отличался хорошим урожаем ореха в нижнем и среднем поясах тайги. Мы спланировали поход в верховья реки Малый Шалтан, чтобы выйти на голец Корбула. В Камгинский залив, а потом через два дня обратно, нас возил Владимир Александрович Яковлев, с кем мы работали вместе весь алтайский период моей трудовой биографии. Он и сейчас живет, и трудится там. Сказать, что медвежьих следов было много, это почти ничего не сказать. Следы были повсеместно, трава под кедрами была утоптана, на тропах нельзя было не наступить на медвежьи следы. Везде валялся разнокалиберный медвежий помет, состоявший исключительно из скорлупы кедрового ореха. Тропа была много лет нехоженой. Местами мы ее теряли совсем, но при этом верно поддерживались основного направления. Карт у нас, разумеется, не было, как и 20-30 лет назад. В общем, ночевать нам пришлось вблизи небольшого перевала из бассейна одной реки в другую под огромным кедром. Утром я просыпаюсь, и первое, что вижу – в нашу сторону по тропе идет вполне солидный медведь. Я потихоньку пытался разбудить молодых и не спугнуть медведя. Но ребята спросонья ничего не увидели, а я по заведенной привычке

пугнул его хлопком ладоней. И он миролюбиво прошел подальше от нашего ночлега.

А вот когда мы возвращались назад, то произошла еще одна весьма любопытная история. Шли мы друг за другом вниз по незнакомому склону, как вдруг прямо у меня перед носом (мне показалось в трех-четыре метра) из огромной ямы выскочил очень темный медведь, рывкнул, и пустился от нас наутек. Зять мой, Владислав, шедший в паре метров вслед за мной, даже бровью не повел. Как будто это часто бывает на Невском проспекте и иных улицах Петербурга, и такие встречи ему не в диковину. Яма в каменисто-глинистом грунте была выкопана медведем в поисках кедрового ореха, запасенного бурундуком. В таких запасах бывает до пяти килограммов отборного ореха.

Хуже бывает весной, когда медведь вышел из берлоги, злой и голодный, а еды в тайге нет. Благостное настроение даже при вероятности таких встреч куда-то испаряется совсем. Но было у меня две такие встречи. Одна из них случилась в начале мая (не помню какого года) на одной из моих линий ловушек мышевидных на хребте Торот, прямо над поселком Яйлю. Поднялся я на хребет, а тут начал идти густой снег. И вот в самом начале проверки я вижу свежайшие медвежьи следы. Даже волоски на лапе отпечатываются. А следы имеют такие гигантские размеры, каких я вообще еще не видел. В один след я легко поместил оба моих сапога, что говорило о том, что здесь только что прошел монстр, весом более 400 килограммов. Идти дальше и проверять ловушки мне уже расхотелось. Я вернулся в поселок, но потом решил, что все равно проведу этот учет. Взял ружье, зарядил оба ствола и пошел в гору, куда можно подняться лишь за полтора часа тяжелейшей ходьбы. Дошел до следов, постоял, послушал, прошел еще метров 50, выстрелил, еще послушал. Более или менее спокойно проверил оставшиеся ловушки (а всего они были расставлены на полкилометра в длину), выстрелил еще раз, и потихоньку, прислушиваясь ко всем лесным звукам, вернулся в поселок.

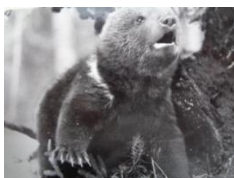
Нечто похожее происходило осенью 1972 года в урочище Обога на пробных площадях, заложенных в соседнем опытном леспромхозе по хоздоговорной тематике «Разработка методов защиты кедрового ореха при посеве в лесу». Пошел я проверять точно такую же учетную линию ловушек. И вдруг по следам вижу, что на мою линию выходили медведи. Медведица шла рядом, а уже большой медвежонок совался своим любопытным носом чуть ли не в каждую ловушку. Где была полевка, там он ее слопал, где ему по носу больно щелкнула заведенная ловушка, там он с ней разделялся когтями и клыками, а то и забрасывал так далеко, что часть ловушек я не нашел вовсе. Так они и прошли почти всю линию, окончательно испортив мне учет за этот день и полностью лишив меня добрых двух десятков дефицитных и тщательно отрегулированных орудий лова.

А защищать орехи от мышевидных грызунов всеми известными в литературе и придуманными мной методами оказалось бесполезно. Мыши съедали почти все. Из полученных материалов вышла статья для «Зоологического журнала». А возобновление кедра на больших площадях идет успешно естественным путем после особенно сильных урожаев кедра, когда все таежные обитатели до

следующего лета не могут полностью съесть все кедровые запасы. При этом орехи прорастают гроздьями прямо в уцелевших до весны шишках (алт. *тушкен*), прорастают также запасы, сделанные кедровкой. Именно поэтому кедровники в горах, там, где прошли лесные пожары, бывают в основном одновозрастные.

Здесь же на территории Иогачского леспромхоза случилась интересная встреча у лесника Гоши (Георгия) Кашеева с очень оригинальным медведем. Сам Гоша мне и поведал эту историю. А был он вполне серьезным охотником - добыл не менее двух десятков косолапых мишек. Шел он к лесовозной дороге с отвода в рубку дальней лесосеки, чтобы вернуться домой с попутной машиной. Идти надо было километра два по глухой лесной тракторной дороге. И вот заметил Гоша, что сзади к нему приближается медведь. Трудно угадать намерения медведя в такой ситуации. На ум обычно приходят нехорошие мысли. К тому же у Гоши на этот раз с собой ружья не было. Бежать от медведя категорически не рекомендуется. Он точно побежит вслед и будет нападать. Шаг Гоша добавил, однако и медведь не отставал. И даже совсем уже близко стал подходить. Но Гоша увидел на обочине засохшую рябину, выломал ее. И вышла корявая, но очень крепкая длинная палка с остатками корней на конце. Вот и стал Гоша этим дрыном отбиваться от медведя, который совсем уж обнаглел. Помашет, достанет пару раз медведя по боку, и пойдет дальше... А медведь не отстает, но и не нападает по-настоящему. Так прошли они вдвоем до лесовозной дороги. Там и отстал от него непрошенный попутчик.

Медведь может быть очень опасен для многих людей одновременно даже тогда, когда он находится в заведомо беспомощном состоянии. Эту историю поведала мне Катина одноклассница - Яна Яковлева. Она с группой школьников ехала на теплоходе в Яйлю. Вдруг кто-то из пассажиров увидел переплывавшего через озеро медведя, а через громкоговоритель эту новость для всех озвучил экскурсовод. Одновременно все пассажиры перебежали на тот борт, с которого было видно мохнатого пловца. Теплоход опасно накренился. И вот уже капитан (буквально матом) по громкой связи приказал половине пассажиров переместиться на другой борт. Трагедии, к счастью, не случилось.

Убили медведицу на берлоге. Забрали медвежат. Одного медвежонок, ради поимки которого по распоряжению Главохоты РСФСР отстреляли его мать, отправили в Москву. Дальнейшая судьба его мне неизвестна. Едва ли он был более счастлив, чем в ту пору, когда жил в тайге. Разумеется, что и с двумя другими, точно ничего хорошего не произошло. Как и всегда, когда человек вмешивается в естественный ход дел в жизни крупных хищников, бывает только трагедия. Один из медвежат (Шалтан) с месяц жил у нас с Лидой. Потом его забрал наш начальник научного отдела, чтобы в вольерных условиях изучать биологию медведя. Его кормила жена начальника Надя Круглова. Но и ее уже выросший медвежонок серьезно ранил во время кормежки.

К осени его попытались выпустить в природу. Неудачно. Он упорно шел к людям. Крупных неприятностей удалось избежать. Потом после зимовки в клетке его долго держали на турбазе в зооуголке. А в очередную осень пытались вновь вернуть в тайгу. И он вновь шел к людям. Общение с крупным и уже полудиким хищником, который не боится людей, крайне опасно. Его в итоге застрелили, чтобы не иметь проблем с пострадавшими от Шалтана жителями.

Другой (Потап) попал в Алтайское краевое охотбщество. Кормили его тем, чего в природе он не смог бы найти, и так много, что он вырос в страшного громилу. Главное, что он был основным в крае тренером для отбора и воспитания собак, которые не боятся идти на медведя. А однажды он сбежал из клетки (по другой версии его выпустили злоумышленники) и бегал, озверевший, по ночному городу, а городская милиция пыталась его вытеснить в более или менее безопасное для отстрела место. Что и удалось с трудом сделать через несколько часов после начала операции. Грустно это...

Много лет спустя мне стали известны случаи удачного выпуска в природу медвежат, потерявших свою мать и выросших у человека. Этим профессионально и очень самоотверженно занимался зоолог Валентин Сергеевич Пажетнов из Центрально-Лесного заповедника в Тверской области. Он практически заменял медвежатам их мать, проводя с ними в природе все свое время и пытаясь научить их жить самостоятельно. И вся его семья помогала ему в этом.

Чтобы коллекция медвежьих историй была полной я решил, что в нее следует добавить и случаи, происходившие с их (и нашим) участием на Среднем Урале в районе Висимского заповедника. Даже внучка Марина, впечатленная рассказами о встречах бабушки Лиды с медведями, написала об этом свои тексты под общим названием «Лида и медведь». Повторять их не буду, а просто попробую вспомнить то, что случилось с нами и нашими коллегами. Таких случаев тоже было немало, и они были весьма поучительными.

Закладывала Лида пробную площадку для учета лилии-саранки. Поставила свежестроганые угловые столбики. На следующий день пришла... Видит столбики выдернуты, погрызены и разбросаны. А большая часть лилий выкопана и стебли также разбросаны вокруг. Удивилась. Но разгадка пришла вскоре после того, как увидела она медвежьи следы на оголенной земле. Медведь вообще ревностно относится ко всяким следам и зарубкам на деревьях и к новым объектам на его территории. Помечая свою территорию, каждый крупный самец делает соответствующие отметины (задиры) на деревьях в приметных местах на границе своего участка. Поэтому он и расправился со столбиками. То же он делал в иные годы и в отношении более капитально вновь установленных толстых квартальных столбов. А луковицы лилии для него были отнюдь не объектом изучения, а лишь любимым лакомством. Мы тоже угощались ими изредка. Вкусные... Копают он в начале лета также и земляные гнезда шмелей, угощаясь медом и личинками. Мы не пробовали...

Шла Лида по северной границе заповедника по тропе на квартальной просеке от места работ к избушке. Вдруг слышит сзади страшный леденящий кровь рык медведя... Обернулась, а медведь, ломая ветки, ломанулся вбок от тропы. А на этой же тропе, в ту же сторону что и она, идут двое наших лесников. Что же произошло? Медведь чуть раньше услышал людей и стал уходить от них по тропе, и наткнулся на Лиду. Испугался, с испугу заревел и бросился в сторону. Как решила наша внучка Марина - «Он подумал, что его окружают». Может так и было в самом деле?

А вот история, из которой должно быть совершенно ясно, что отбирать у медведя еду - это небезопасное занятие. Увидели двое наших лесников небольшого медведя на остатках погибшего (видимо ранее раненого охотниками) лося. Заметили рога на голове. Решили, что отпугнут медведя и заберут себе трофей. Да не тут-то было. Первого же лесника, что двинулся в его сторону он атаковал, и вполне чувствительно укусил за ногу. Второй стал кричать и махать палкой. Медведь отошел к своей добыче. Пришлось ретироваться нашим «мародерам».

Другой гораздо более опасный случай произошел с нами весной, когда медведи бывают очень голодными и злыми. Пошли я и Лида в первых числах мая из крошечной заброшенной кержацкой деревни Большие Галашки в заповедник в ближайшую лесную избушку. За три дня до нас туда же ходила отвечающая за этот участок заповедной территории лесник - Улита Ивановна Комарова. Ничего особенного она по дороге не видела. Снег в лесу в основном растаял. Лиственные деревья были совершенно голые, лес просматривался на большое расстояние. Вдруг справа от тропы буквально в 20-25 метрах от нее мы увидели медведя. И, забыв о всякой технике безопасности, мы двинулись в его сторону... Медведь убежал вглубь леса. Мы подошли к тому месту, где он находился, и увидели объединенный на две трети труп лося. Вокруг валялись куски шерсти и кости, стволы деревьев поблизости от этого места были поцарапаны его страшными когтями, повсеместно валялся медвежий помет с включениями лосиной шерсти и мелких костей. По моему мнению медведь пировал здесь не менее недели. Он был не просто сыт, а буквально был объевшимся и поэтому, наверное, миролюбивым. Мы даже неблагоприятно углубились дальше в лес, чтобы посмотреть куда ушел этот медведь. Вообще-то по всем нормальным медвежьим правилам он должен был напасть на нас, защищая свою законную добычу. Но потом здравомыслие взяло верх, и мы ушли в свою избушку на учеты мышевидных грызунов и самых разнообразных растений.

Другая история произошла ранней весной с двумя другими нашими лесниками. Они пошли на зарастающие вырубki вблизи заповедника с тем, чтобы собрать сброшенные лосями рога. Промысел этот для них был привычным и обычно очень успешным. На этот раз случилось непредвиденное. Шли они вдоль каменистого склона в 10-15 метрах друг за другом. И, как рассказывал первый из них - «Толкнул меня кто-то сзади, и я упал». Второй подошел, увидел у первого кровь на ноге, а потом свежайшие следы небольшого медведя. Медведя он даже не увидел вовсе.

Секрет падения раскрылся вскоре после того, как они нашли по следам берлогу, которая располагалась почти вплотную к их маршруту. Медведь слышал их шаги, наверное, надеялся, что люди пройдут вдалеке и его не заметят. Терпел-терпел из самых последних сил. Но когда прошел первый, то выскочил, кинулся нарушителя спокойствия, и удрал в чащу кустов. Ногу перевязали. Ничего серьезного не произошло. Предусмотреть такое невозможно. Но ходить в лес все же лучше, как минимум вдвоем.

Третий зафиксированный случай нападения медведя на человека вблизи заповедника был гораздо более драматичным. Был у нас лесником в прошлом шахтер и любитель кино съемки Николай Иванович Глазун. Весной и в начале лета следов медведя на каждом маршруте бывает немало, а если не спешить и не разговаривать, то и живьем косялапых увидеть не редкость. Вот Глазун в одном из своих июньских рейдов по охране территории увидел медведя (потом как оказалось это была медведица). Она шла по восточной границе, которая была хорошо очищена от валежа и кустарников. Глазун расчехлил кинокамеру и начал снимать. Долго снимать ему не удалось. Сзади на него напал медведь, который во время гона преследовал самку. Он решил, что это его нежданный соперник, и сшиб того с ног. Соперник упал на землю, а медведь пошел дальше. Но тут крепкий на удар Глазун вскочил с ног. Медведь принял это как вызов, вернулся и уже всерьез стал его кусать и царапать. Когда тот перестал сопротивляться, медведь вновь последовал за самкой. Пострадала щека, были покусаны руки и сломана пара ребер. В больнице Николай Иванович пролежал не менее месяца. Кинокамера была покусана сильнее всего и превратилась в хлам.

Встречи медведицы с медвежатами тоже не сулят ничего хорошего для человека. Однажды жарким летним днем шли мы с Лидой вдоль берега очень неширокой реки Сулем. На другом берегу увидели медведицу и двух медвежат, которые шли в ту же сторону, что и мы. Было довольно любопытно наблюдать за ними, спрятавшись за кучей хвороста. Медвежата бегали, играли, медведица посматривала по сторонам и иногда подгоняла их в нужную сторону. Но вот медвежата один за другим прыгнули в воду и поплыли в нашу сторону. Медведица тоже зашла в реку. Когда малыши переплыли большую часть реки и до нас было уже критически близко, я поднялся и громко хлопнул в ладони. Медведица заревела, медвежата развернулись и очень быстро поплыли обратно. Там все вылезли на берег, шумно отряхнулись, разбрасывая множество брызг. Медведица поспешила увести их подальше от этого потенциально опасного места. Но уже через километр-полтора от этого места мы увидели их следы, пересекавшие нашу тропу. Куда они собирались идти раньше, туда и последовали после встречи с нами. Главное, вовремя и корректно напомнить медведю хлопком о своем существовании. Договориться можно и с хозяином тайги - медведем.

А вот эта история оказалась трагической для медведя. Но как говорится - сам напросился. Не секрет, что медведи любят мед. А в охранной зоне заповедника на лето вывозились частные пасеки, и медосбор бывал отличный. Но вот на одну из пасек повадился такой сладкоежка. Он целиком перешел на питание медом.

Каждую ночь или через ночь приходил и разорял или утаскивал по одному улью. И так он терроризировал пасечника почти три недели. Собака, учуяв медведя попросту пряталась под крыльцо временного жилья (вагончика). Люди не спали, стреляли, стучали железом, оставляли вблизи пасеки работающий самосвал, даже однажды попали ему пулей в лапу. Но он и тогда не бросил это сладкое занятие. Кругом были натоптаны целые тропы к пасеке, повсюду валялся медвежий помет с воском и остатками пчел. Наконец для отстрела этого разбойника пригласили серьезного охотника с карабином. Он выследил и убил этого медведя. Жира у него почти не было. Питание одним только медом не пошло ему на пользу.

Сколько медведей мы встретили за время работы в заповедниках сказать уже невозможно. Но их было очень и очень много. Особенно если считать тех, которых мне приходилось видеть на весенних учетах медведя на склонах Телецкого озера. Проводить эти учеты предложил заповеднику охотовед Г.Г.Собанский, который изучая экологию медведя выяснил, что весной, когда снег сходит со склонов озера, практически все зимующие здесь медведи хорошо просматриваются с лодки. Этому факту благоприятствует то, что в верхней части склонов недоступных для наблюдения в это время еще лежит глубокий снег и нет доступной для медведя еды, значит нет и медведей. А вот на бесснежных склонах к этому времени много сочной зелени, а в конусах выноса лавин они могут найти погибших маралов. Так вот весь заповедный берег озера распределялся среди учетчиков. Каждому, в том числе и мне, приходилось в утренние часы несколько раз просматривать с биноклем по 5-6 км склона. При этом каждый мог насчитать от 5 до 10 и даже до 20 медведей. Всего же их в заповеднике в семидесятые годы обитало порядка 500.

Как по мирному разойтись в лесу с медведем? Получается, что не вредно вести себя просто по-человечески. Надо не пытаться вступать с хозяином тайги в конфликт. Довольно много раз медведю хватало моего простого хлопка ладонями, чем я объявлял ему о своем существовании. Но и в более критических ситуациях медведи быстрее нас принимали правильные решения. Для них тоже, как правило, встреча с человеком не сулит ничего хорошего. Главное же, не оказаться внезапно на очень близком расстоянии от него, не претендовать на его пищу, не перекрывать ему пути отступления, не показывать ему своего испуга, и ни в коем случае не убегать. Да еще не вступать между медведицей и ее медвежатами (или просто близко к ним не подходить). Как позже на Урале выяснилось, также очень важно во время гона не оказываться между самкой и преследующим ее самцом.

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ И КОСМИЧЕСКИЙ МУСОР

В горах Алтая во все сезоны года можно было ждать проявления недружелюбных к человеку природных сил. Они и случались время от времени, внося в спокойный ритм жизни серьезную долю нагрузок и переживаний.

Зимой это могут быть сильные морозы или жуткие снегопады. На озере не ежегодно замерзала глубоководная меридиональная его часть; зачастую замерзший и уже толстый лед разбивало сильными ветрами, и поэтому навигация была крайне опасной. Лед, как правило, не выдерживал большей нагрузки, чем лошадь с санями. При этом всегда опасным делом было пересечение широких трещин во льду, а также выезд на берег в начале таяния льда у берегов. Ближе к весне начинается также массовый сход лавин.

Весной оживали клещи, спасение от которых можно было найти лишь в высокогорье. Во время паводков нередко сносились мосты и даже прибрежная часть деревянных строений. Зачастую именно весной случаются пожары, как лесные, так и в населенных пунктах.

Летом и особенно осенью на озере могут бушевать серьезные шторма. С берегов порою ветром уносило лодки с моторами. Во время сильных дождей верхний слой почвы чрезмерно пропитывается водой и случаются оползни и сели. Опасными для людей в горах бывают грозы, а также неожиданные летом, сильные и продолжительные снегопады. В высокогорьях на крутых склонах случаются камнепады.

Очень впечатляющим были последствия крупного селя и оползня на южной оконечности Телецкого озера на склонах горы Туалок в 1978 году. Протяженность смытого в Кыгинский залив и южную часть озера участка склона достигала почти двух километров. По протяженности вверх от берега озера эта зона достигала также порядка полутора километров. В считанные минуты в озеро вынесло такое количество древесины, которое заготавливает средний леспромхоз за год работы. Потом многие-многие годы этот плавник носило по озеру, сильно осложняя плавание по нему. Волна от этого селя прошла по всему озеру. Часть почвы вынесло селом в долину реки Кыга, и это привело к затоплению жидкой грязью и камнями огромной площади, что очень мешало передвижению в направлении к стационарам на Колюштинской тропе. До сих пор этот склон выглядит как каменная пустыня. Таким же образом выглядят и еще многие крутые склоны горы Алтын-Ту в южной части озера.

Лавины были самым заурядным явлением на берегах Телецкого озера. Лавинных лотков на его берегах насчитывается не менее сотни. Они хорошо видны даже летом. Во время схода лавин, зачастую и вызывая их, гибло ежегодно до нескольких десятков маралов. Лесники в определенное время только выходили к месту выноса снежных масс и заготавливали там нужное количество мяса как для собак, так и для собственного потребления. Люди, хорошо разбиравшиеся в свойствах начавшего перекристаллизацию снега, переставали ходить в опасных местах. И за время нашей работы пострадавших в лавинах людей не было. Что происходило на склонах в удаленных участках заповедника можно было судить только по косвенным следам, таким как лишенные леса лавинные лотки.

Пришлось нам однажды с лесничим Белинского лесничества Виктором Павловичем Шичковым и Лидой выезжать на контрольный осмотр потушенного пожара в бассейне реки Кыги. Собственно, пожар потух сам, когда сгорел весь кедровый лес на склонах сопки между двумя ручьями. Были найдены только уже неопасные очаги огня. Мы их потушили и на следующий день должны были возвращаться назад. К вечеру погода резко испортилась, подул очень сильный ветер, а ночью повалил густой снег. Было это в конце августа. Мы с Лидой ночевали в палатке, и даже в спальниках нам было совсем не жарко. А когда утром выглянули из палатки, то увидели сладко спящего под кедром укрытого лишь брезентом Виктора. Он был совсем завален толстым слоем снега. Встали, приготовили и попили чай, и решили возвращаться домой. И вот когда мы поднялись на первый же плоский безлесный водораздел, то повалил густой снег, началась метель, и видимость упала почти до нулевой. Мы остановили лошадей, не решаясь идти дальше. Уйти с этого места без всяких ориентиров можно было практически в любую из трех долин, которые кончались обрывистыми склонами, и лишь одна нужная нам тропа (которую не было видно) вела сначала к таежной избушке, а потом ниже к озеру. Виктор попробовал сходить на короткую разведку, но так и не смог найти тропы. Хорошо, что смог вернуться по своим следам к нам. Мы постояли некоторое время, не решаясь принять ответственное решение о продолжении маршрута. Потом решились, и доверили выбор направления дальнейшего движения лошадям. Им тоже хотелось скорее попасть домой. И они нас не подвели. Через некоторое время тропа под ногами сначала стала намечаться, а потом стала вполне явной и знакомой.

Другой раз под внезапный снегопад на высоте около трех километров над уровнем моря мы попали ближе к вечеру в начале августа вместе с саратовским студентом Сашей по прозвищу Бамбука. Это было на Шапшальском хребте вблизи озера Джулукуль на границе с Тувой. Мы были вынуждены прекратить спуск по крупнокаменистой россыпи, ставший уже опасным. Довольно быстро мы поставили палатку на большом плоском (хотя и не очень ровном) камне. Палатку держали ружье и винтовка, а растяжки крепились лишь камнями. С большим трудом смогли разжечь подобие костерка, в котором можжевельник (который мы предусмотрительно несли с собой в рюкзаке) горел только тогда, когда на него дули. В этом костре удалось слегка подкоптить ранее подстреленную куропатку, нашпигованную гельминтами. Так и съели ее почти сырой, закусывая черным сухарем и запивая некипяченой снеговой водой.

Дотерпев до раннего утра, когда можно было видеть куда идешь, мы свернули палатку и вернулись в лагерь. Думаю, что за нас там переживали. Однако от добытого орнитологами в научных целях улара нам все же не досталось ни кусочка. Помнится, что эта экспедиция вообще была довольно «голодной». Последние несколько дней пути основной едой была «тюря» из сухарных крошек в количестве

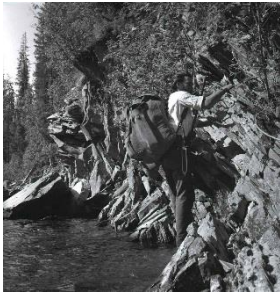
примерно 200 граммов, сдобренная ложкой подсолнечного масла, да кружка несладкого чая из бадановых листьев. Редким деликатесом была рыба, изредка добывавшаяся Володей Баскаковым. Ему, как и всем участникам этой экспедиции, просто времени не хватало на добычу дополнительного пропитания.

Пока мы жили в Яйлю, случались такие сильные шторма, что разбивают причальные дамбы. В такое время теплоходы даже не пытаются причалить к берегу, а идут отстаиваться порой на день-два в тихие заливы. Однажды довольно новую и очень капитально построенную дамбу разбило ночью верховкой, такой внезапной и сильной, что люди не успели вывести теплоход от причала. Гигантские волны, вперемежку с бревнами, крутили как скорлупку оставшийся без защиты катер морского типа «Восток». Брызги летели через довольно высокий береговой склад. Шторма были не слабее морских. Именно по этой причине южнее Яйлю причалов для лодок и катеров вообще не строили.

Мне кажется, что одну из первых Лидиных экспедиций целиком можно отнести к разряду ЧП (чрезвычайных происшествий). В середине семидесятых годов был снят и многими нашими знакомыми и родственниками был просмотрен документальный фильм о Алтайском заповеднике. Там Лида сначала вела в поводу свою лошадь, а потом красиво ехала на ней верхом. Вторым в кадре был молодой лесник Слава (или Володя?) Горохов. Кадры были сняты, когда Лидин отряд уходил из Яйлю в эту экспедицию, трудную для всех ее участников. Отряд проследовал сначала в Камгинский залив, а потом должен был пройти по тропе вдоль реки Малый Шалтан на хребет Корбу, и далее через правый приток реки Кокши - Котагач, и, наконец, через ее нижний левый приток Тузакту к кордону Челюш.

На начальном этапе до верховий реки Малый Шалтан экспедицию сопровождал еще и я. Этот этап прошел вполне благополучно, и я вернулся в Яйлю. Но уже на следующий день произошло очень серьезное событие, когда единственная лошадь, поднимавшая чрезмерный для нее груз до водораздела, очень сильно «перегрелась». Неопытный лесник не выждал, пока она достаточно отдохнет и остынет, и дал ей вдоволь напиться очень холодной (просто ледяной) водой из горного ручейка. Несчастливая лошадь напилась до такой степени, что через самое короткое время в сильных мучениях «отбросила копыта». Лесник позже вернулся в Яйлю, нагруженный седлом и прочей сбруей. Для всех членов отряда (тогда это были Лида, по сути дела случайная девушка из Москвы Таня и ее «протеже» - культурист Алексей) это был настоящий шок.

Через три дня к отряду присоединились лесник Геннадий Красников и его друг из Барнаула - фотограф Алик Поздняков. Историю с медведем, которого они «экспромтом» очень крупно («нос к носу») снимали на кинокамеру и фото я уже рассказывал. Но не менее экстремальными были по-настоящему опасные переправы через бурные горные реки. Существует киносюжет (я его видел у Алика), в котором Лида, идущая с огромным рюкзаком по бревну на высоте не менее двух метров над водой и, держась за натянутую для страховки веревку, вдруг исчезает из кадра, а камера все снимает и снимает держащуюся одной рукой за эту веревку Лиду, которую отчаянно полощет в реке. Далекое не сразу ей смогли помочь опытные туристы Гена и Алик. Переживаний было очень много у всех. Трудно представить, что бы могло случиться, если бы рука отцепилась...

Это было далеко не самое трудное испытание, которое пришлось пережить всем, а в особенности Лиде, как руководителю этой экспедиции. Дело в том, что так стремившийся на Алтай в экстремальные условия Алексей уже через несколько дней все чаще и чаще стал очень вспоминать про московский асфальт и проклинать горный рельеф, предательские камни, злобных алтайских комаров и тяжеленный рюкзак. Потом он постепенно загрустил так сильно, что стало ясно, что это достаточно серьезно и связано с его здоровьем. Груз стали нести другие. Завтраки, обеды и ужины он исправно съедал, но в жизни отряда участия уже не принимал. А однажды в дне пути от кордона Челюш он вообще сел в избушке и перестал реагировать на людей, и даже не сдвинулся с места, когда все уже уходило. Стало ясно, что ему нужна помощь медика. Отряд пошел без него, а для подстраховки с ним оставили Гену. Лесник М.И.Анферов и Лида приехали в Яйлю на лодке, чтобы сообщить о случившемся директору и послать в лес фельдшера Любу Попикину. Мы с Любой срочно выехали в Челюш, а потом пошли в гору - в сторону избушки, где и находились Гена с Алексеем. Но мы встретили ребят на полпути к кордону. Гене удалось с ним вступить в контакт и начать последний спуск. Люба тут же сделала ему какой-то укол. Постепенно появилась полная вменяемость. Наш профессиональный фельдшер сразу поставил точный диагноз – у Алексея был диабет. И вот только теперь безответственные москвичи признались, что это истинная правда. Все вернулись в Яйлю. Вскоре московские помощники уехали. И больше мы о них никогда и ничего не слышали. История эта могла бы иметь гораздо более плачевные, а то и трагические, последствия.

Буквально в первую же весну после приезда на Алтай мне пришлось участвовать в тушении пожара, который загорелся по неизвестной причине на правом склоне Чулышмана вблизи его устья, неподалеку от деревни Балыкча. Даже не факт, что это была территория заповедника. Его граница здесь проходила в середине очень крутого склона. Алтайцы из Балыкчи пожар тушить не хотели и мне пришлось убеждать председателя сельсовета выделить людей и направить их к месту пожара. Правда вскоре выяснилось, что тушить такой пожар - дело безнадежное. Люди поднимались метров на 400-500 вверх по склону к месту пожара. Горели отдельные деревья и хвойный опад под ними. Засыпать землей

мелкие очаги пожара было нельзя, потому что земли здесь по сути дела не было. Ранцевые опрыскиватели были только у двоих лесников, а за водой надо было ходить лишь к Чулышману, а это не менее полутора часов тяжелой работы. Подгоревшие у основания деревья падали, при этом стволы улетали на 50-100 метров вниз, зажигая другие участки склона. Иногда огонь быстро разгонялся по участкам сухой травы, но потом вновь вяло горел вблизи отдельных деревьев. Лесникам и жителям Балыкчи оставалось только смотреть на этот процесс, и стараться при этом не попасть под падающие изредка деревья. Потом к вечеру воздух стал влажнее, люди ушли, а к утру пошел дождь и пожар прекратился.

Случилось мне участвовать однажды в тушении непонятно как возникшего пожара в хозяйстве нашей молочницы - Майи Ивановны Пономаревой. Скорее всего кто-то из ее родни решил отжечь сухую траву за забором. Легкий ветерок угнал огонь из-под контроля... А дальше на отчаянные крики хозяйки стали сбегаться соседи с березовыми вениками, лопатами и топорами, стали ломать и оттащить очень сухой забор, от которого оставалось совсем недалеко до стога с сухим сеном. Не дали сгореть хозяйственным постройкам и дому. А если бы не отстояли сено, то огонь вполне мог перекинуться и к соседям. Именно так выгорали целиком сибирские деревни.

Главный пожар в Яйлю случился поздней осенью 1999 года через много лет после нашего отъезда оттуда. Тогда дотла сгорело двухэтажное деревянное здание Управления заповедника, построенное в 1934-1935 гг. Причиной была неграмотная эксплуатация котельной, располагавшейся на первом этаже дома. Безвозвратно пропали личные дела, бухгалтерские документы, библиотека, фототека, научная документация, научные отчеты, картотеки, рукописи и весь ценнейший архив научного отдела заповедника, содержащий многолетний труд нескольких поколений исследователей - бесценные первичные научные данные.

Что еще могло бы случиться с нами на полевых работах? Что угодно. Так молодой новосибирский ботаник Н.Лацинский (младший) однажды сорвался с каменистого склона на месте сошедшего недавно селя прямо напротив кордона Чири. Сильно повредил ногу и не мог сам спуститься до озера. Его увидел и чудом спас наш лесник Николай Смирнов. Или вот - томский ботаник А.Ревушкин со своим отрядом на одном из крутых каменистых склонов не удержали лошадь, она упала в реку и погибла. С ней пропали все гербарные коллекции, собранные ими за кончавшуюся уже экспедицию.

Опасными были практически все перемещения в каменистых тундрах в высокогорье (от 2.5 до 3.5 км над у.м.), когда совершались подъемы по скалистым склонам на вершины гор, а еще в большей степени опасными были спуски с них без специального снаряжения. Неуютнее всего мы всегда чувствовали себя в узких скалистых выемках, в которых часто случаются камнепады или на крутых плотных перелетывающих снежниках, которые может быть уже надо было считать маленькими ледниками.

Еще одной (уже рукотворной) напастью являлись отстрелы ступеней ракет-носителей, которые запускались с Байконура. По каким-то страшно секретным планам именно не населенный людьми район Алтайского заповедника вблизи его границы с Хакассией был выбран в качестве зоны падения остатков ракет-носителей. Из всеведущего Интернета почерпнута следующая информация: *«Район падения № 326 (начиная с 1974 года) расположен на территории республик Алтай (Улаганский р-н), Тыва и Хакасия. Две трети его расположены на территории Алтайского государственного природного заповедника и охватывают бассейны рек Чульча, Кайру и Кыга (правые притоки Чулышмана и Телецкого озера. Ю.М.). Район имеет форму эллипса 110х60 км. Используется для падения вторых ступеней РН «Протон» и головного обтекателя РН «Зенит». Вторая ступень РН «Протон» представляет собой моноблок цилиндрической формы, состоящий из блока баков окислителя и горючего (высокотоксичный гидразин. Ю.М.), двигательной установки и элементов конструкции. Ее сухая масса составляет 11,8 т, длина 17,05 м, диаметр 4,1 м».*

Вот именно эти железки падали весь период нашей работы в заповеднике и именно в тех местах, где мы проводили довольно продолжительные полевые работы. Более всех «повезло» (в некотором смысле) именно Лиде, когда она в 1975 году совершала многодневную ботаническую экскурсию по долине реки Кыги в сопровождении В.А.Шилова. В шесть часов утра они проснулись от ужасного грохота и подумали, что началась гроза. Выскочили из избушки - вокруг ни облачка. При этом никаких частей ракет на них (и рядом) не падало. А вот когда они вернулись на кордон Чири близ устья Кыги, то от людей, живших там, услышали гораздо более страшные вещи. Ульяна (жена Карманова) с испугу залезла под крыльцо, и не напрасно, поскольку вблизи от дома упал огромный кусок светло-серого металла, возможно от остатков бака. Напуганы этим громом были и жители Балыкчи, которым тоже потом в поселке и вблизи него встречались космические обломки.

Один из кусков ракеты-носителя был найден мною в долине Кыги вблизи берега Телецкого озера. Гораздо больше всякого железа встречалось мне и всем сотрудникам, которые поднимались к границе леса в верховья реки Баяс и далее в верховья рек Колюшты и Кайры. Зона рассеяния остатков ракет-носителей простиралась до верховий Чульчи и далее в верховья реки Большой Абакан в Хакассии, а также в отроги Шапшальского хребта в Тыве. Лежали они и непосредственно вблизи второй (мы ее называли Колюштинской) избушки в верховьях реки Баяс. Помню, как мы даже использовали плоские толстые куски этого металла (неизвестный сплав алюминия) в качестве сковородок для выпекания оладий прямо на костре. И они (эти куски) обладали противопопригарными свойствами.

Однажды мы (я, Лида, Т.А.Плищенко и В.А.Шичков) выходили в 1977 году на лошадях в верховья правых притоков Кыги на обследование зарастания прошлогодней гари. Шли через верховья реки Кайры, и в кустарниковой тундре обнаружили практически не пострадавший после падения огромный (более 4 метров в диаметре) ракетный топливный бак. Может быть это был блок бака окислителя. Мы подходили к нему, заглядывали внутрь. И даже не думали о том, что в нем еще могли быть остатки ядовитого гидразина или его не менее ядовитые пары. Фотографии другого космического железа у нас также есть где-то в архивах.

В семидесятые годы влиянием советской космической программы на природные комплексы и здоровье людей, работавших в Алтайском заповеднике, гораздо больше чем мы сами, были озабочены наши иностранные гости. Вся информация по этому вопросу была засекречена. Наверное, только в последние двадцать лет последствия запусков космических аппаратов стали предметом исследований и мониторинга.

Стоит ли относить к разряду ЧП такое событие, как факт заселения змеей гадюкой пространства под нашим крылечком, я не знаю. Но это было так. И только через несколько дней я собрался решить этот вопрос любовно. Поймал и выпустил непрошенную соседку в сад на террасе. Вообще змей здесь было много и встречались они часто. Были случаи, когда змеи кусали неудачливых косарей, нечаянно наступивших на них. В остепненной долине Чулышмана и на ее крутых каменистых склонах жили более ядовитые змеи - щитомордники. Мне однажды пришлось почти нос к носу встретиться с такой змеей, когда я карабкался вверх по очень крутому склону и не мог видеть то место, на которое выбирался, почти подтягиваясь на руках, на небольшую теплую площадку, где меня ждал щитомордник. В научном отделе таких ЧП, как змеиные укусы, не было вообще, хотя ловить змей герпетологу В.А.Яковлеву приходилось в больших количествах.

Были в Яйлю ЧП совершенно иного рода. Они случались с людьми, которые стремились вглубь Алтая в поисках самих себя, но не отдавая себе отчета в том, готовы ли они к реальной жизни здесь. Ведь и в самом деле трудно быть адекватным в сложных для выживания условиях. Так выходило, что в сложной ситуации зачастую оказывались психически нездоровые люди. Один из таких случаев, что произошел с москвичом Алексеем, я описал вкратце чуть выше.

Другой, трагический, случай произошел однажды в начале зимы в Яйлю. С катером в наш поселок приехал человек средних лет, глядя на которого никак нельзя было сказать, что он имеет серьезные намерения остаться здесь на зиму. Фуфайка, резиновые сапоги, тощий рюкзакишко - все что рассмотрели люди, с которыми он ехал на катере. Ночевать он остался в общежитии у таких же малоустроенных временных рабочих заповедника. Они и рассказали, что нежданный гость пытался узнать дорогу в долину Чулышмана по заповедному берегу озера. Надо сказать, что такой дороги и тропы попросту не существовало. А

если бы даже самый крутой турист-экстремал или настоящий сибирский охотник и захотели бы пройти вдоль озера до этой долины, то им понадобилось бы соответствующее снаряжение, экипировка, продукты и как минимум неделя времени. Все это самым доброжелательным тоном долго втолковывали ему. А наутро его в общежитии уже не оказалось. Позднее лесники сказали, что видели следы резиновых сапог в сторону Камгинского залива. Искать сразу же этого путешественника не стали. Следы пребывания чужака в необитаемом Камгинском кордоне тоже были позднее отмечены. Но дальше... дальше пошел снег. И уже нигде и никаких следов этого самоубийцы никто уже не видел. Не объявлялся он и позднее ни на одном из пяти кордонов заповедника на берегу Телецкого озера и близ устья Чулышмана. Любая из небольших рек, впадающих в озеро от Камгинского залива до кордона Кокши, могла быть последней для этого опрометчивого путешественника. Долины этих рек, врезанные в скалы, практически непроходимы. Недаром одна из тех рек носит говорящее название - Аю-Кечпес (с алт. *медведь не пройдет*).

Нечто похожее, но без трагического исхода, случилась однажды с Борисом Хониным. Боря учился на биофаке СГУ на курс раньше нас с Лидой и потом работал в том же НИИ сельской гигиены, что и я. Однажды он появился на озере и на месяц попросился ко мне в добровольные помощники. Он прекрасно справлялся с несложными обязанностями, с удовольствием и энтузиазмом ходил на недалекие полевые работы. Случалось, что в одиночку выполнял учеты мышевидных, если у меня не хватало времени и студентов для таких работ. Он жил у нас с Лидой. Предпочитал ночевать на летней кухне, когда был в Яйлю.

Месяц кончился. Боря сказал, что останется еще поработать, и что ему все здесь нравится. Никаких неприятностей от него у нас не было. Приятный в общении и очень вежливый человек. Однако спустя еще пару недель стало ясно, что в Саратове его потеряли как мама, так и на работе. Еще также выяснилось, правда без деталей, что с Борей такие заскоки случались и ранее. Он исчезал без предупреждения, появлялся дома по-видимому, когда кончались деньги или серьезные лекарства, которые он принимал по назначению врачей-психотерапевтов. И так бывает...

ГАСТРОНОМИЧЕСКОЕ

Петр Александрович Чихачев, который прошел по территории современного Алтайского заповедника с экспедицией еще в 1842 году, отмечал, что не видел более сложных природных условий для путешествий (бурные реки, скалы, перевалы, болота, мошка и слепни). Он отметил, а я на моем небольшом опыте могу подтвердить, что местные жители до самой последней возможности будут отговаривать чужих людей от проникновения в отдаленные места на территории их проживания и охоты. Там же он описал, что проживавший в этих местах народ

отличается необыкновенной способностью к поеданию мяса. Вот и я за период работы в заповеднике тоже неоднократно отмечал это обстоятельство.

Однай Колонкович Туймешев

Вспоминаю моего, казавшегося тогда глубоким стариком, пенсионера соседа-алтайца – Одная Колонковича Туймешева. Правда, этот старик в свои 70 с хвостиком лет еще был способен в одних носочках забираться на вершины кедров, чтобы сбивать палкой кедровые шишки. Так вот однажды, когда мы с ним беседовали о жизни, он совершенно искренне пожаловался мне на уже не то здоровье, что было в молодости. Главным критерием снижения здоровья оказалось следующее обстоятельство. «Вот» - говорил он – «Совсем я старый и больной стал. Раньше мог съесть за один раз 5-6 килограммов мяса и 3 килограмма сала. А сейчас – только 2-3 - мяса, да 1 – сала. Совсем здоровья нет».

Может быть, я и не поверил бы в такие способности соседа. Но потом в этом мне пришлось убедиться лично. Это просто особенность пищеварения алтайцев. Они как крупные хищники - едят мясное редко, но помногу. Пока есть возможность, алтайцы едят и едят мясо (разумеется, без хлеба), а потом неделю или дольше обходятся самым скромным рационом, главным из блюд в котором является алтайский чай (зеленый чай, сдобренный толченым поджаренным ячменем - талканом, с добавлением топленого масла).

А Однай Колонкович, который прожил в Яйлю еще много-много лет, в конце семидесятых годов неожиданно для всех стал шаманом. Он сшил себе специальный халат, сделал по всем канонам алтайский шаманский бубен и колотушку с мелкими металлическими тарелочками. Красивая алтайская шапка и раньше у него была. Был ли он как-либо узаконенным представителем этого древнего культа или просто играл в шамана, мне неизвестно. Но надо сказать, что новый облик шамана ему очень шел.

Медвежатины до-отвала

Однажды в марте 1972 года мне как с.н.с. и зоологу пришлось участвовать в одном подлом деле, которое нам было предписано московским начальством. А именно на берлоге надо было взять медвежонка для цирка. Медведицы своих медвежат добровольно зимой не отдают, бережно заботятся о них также и летом. Поэтому все сводилось к отстрелу медведицы. Берлога находилась на очень крутом склоне высоко над рекой. В бригаде было 7 человек. У двоих были карабины, у двоих только фотоаппараты, прочие имели ружья с пулевыми патронами.

Организация охоты была до предела безобразная. Я, в частности, оказался в самый критический момент строго ниже берлоги. И если бы она смогла уйти от пули, либо раненая скатилась на меня, было бы мне очень и очень плохо. Но все в итоге прошло успешно. Одного выстрела в голову сверху оказалось достаточно. Правда, неожиданно для всех, в берлоге сиротами осталось целых три прелестных медвежонка. Именно их в одном рюкзаке с родной материнской шкурой я с огромными усилиями нес до Яйлю. Но не будем отвлекаться от основной темы.

С большим трудом почти к полуночи мы с мясом, шкурой и тремя медвежатами, уставшие до предела, добрались до ближайшей избушки. Решили сварить в 15-литровом ведре побольше мяса. Собственно, мяса было доверху, а еще было добавлено немного воды. Почти все уснули, не дожидаясь ужина. А когда проснулись, то в ведре мяса уже не оказалось. Его спокойненько съели двое лесников-алтайцев (возрастом примерно 45 и 50 лет). Нам только поудивляться пришлось. А для них это было обычным делом.

Удивляться приходилось еще одному обстоятельству. В наших местах никто и никогда не проверял мясо убитых медведей на трихинеллез. И при этом никто и никогда не заболел этой смертельно опасной болезнью. А в то же время в большинстве областей Сибири, да и в других таежных регионах России нет-нет, да и происходили случаи группового заболевания и даже гибели людей, поевших мяса медведя или кабана. Личинки трихинелл поселяются в мышцах хищников-падальщиков и не видны невооруженным глазом. Наверное, заповедные медведи если и употребляли в пищу потенциальных переносчиков трихинелл (диких и домашних хищных животных), то не заражались от них, поскольку в наших малонаселенных местах трихинеллез вообще не отмечался. Во всяком случае нам неоднократно приходилось угощаться вареной медвежатиной и медвежьими котлетами. Думаю, что в других районах Сибири я бы отказался от такого угощения.

ДЕНЬ МЯСОЕДА

Еще раз на исключительное мясоедное пиршество я попал в крохотном поселочке Беле в южной части Телецкого озера в октябре 1972 года. Приехав туда с уже забытыми целями, я целую неделю из-за штормов, которые не позволяли даже большому катеру подойти к берегу, не мог оттуда уехать. Зато я стал свидетелем и непосредственным участником сложившейся там церемонии поочередного забоя скота.

Трижды за эту неделю (то есть через день), когда уже установилась устойчивая отрицательная температура воздуха, происходили отрепетированные многолетней практикой действия. У очередного хозяина, а всего их было не более семи, собиралось все население. Далее все шло слаженно и очень быстро. К сожалению, в этом описании не обойтись без некоторых весьма жестоких деталей. Бычка, предназначенного на закланье, били обухом колуна в лоб. Он падал.

Мужчины одним движением ножа по шее вскрывали все крупные сосуды, идущие к голове, потом споро снимали шкуру, выпускали внутренности и разделявали тушу. Женщины клали в огромный котел (алт: *казан*) самые вкусные куски мяса (при этом ни мнения, ни тем более разрешения хозяев на это не требовалось) и варили суп (алт: *сурпа*). Другие женщины промывали в ручье кишки и набивали их кровью, смешанной с луком и другими приправами. Затем сразу же варили кровяную колбасу.

Самые старые бабушки успевали, пока стекала первая кровь, набрать ее в кружку. После чего, ничем не смущаясь, они пили ее довольно большими глотками. Некоторые мужчины съедали по небольшому кусочку сырой печени. И вот уже через 45 минут после рокового удара в лоб (я засекал по часам) народ садился дружным кругом в аиле хозяина (традиционное жилье алтайцев, в настоящее время используется как летняя кухня), и начинал потребление мяса. Все брали мясо руками, и смело, прямо около рта, отрезали ножом удобные по размеру кусочки.

Зубы у всех алтайцев отменные. Но не факт, что они при этом так уж тщательно пережевывали это мясо. Я, конечно, не смог оказать должного уважения хозяевам и съесть столько же мяса, сколько самые слабые из них, хотя мясо было очень вкусное, и я старался, как мог. При этом, когда я попросил еще и хлеба, народ от смеха чуть не попадал на землю. «Что» - спрашивают – «ты сюда хлеб есть пришел?»

Недавно увидел в Интернете коллективное фото белинских жителей примерно тех же годов, о которых здесь идет речь (ссылка на сайт - <http://ok.ru/teletskoeo/album/52163069083779/802449079683>). На фото слева-направо: Чокова (с внуком), Роза Телекова с сыном Сашей и дочерью Мариной, Пана Чаднина, Валера Смирнов (Рыльков), Нина Будуева. Именно с этой компанией мы вдохновенно участвовали в мясном пиршестве осенью 1972 года. Правда вся наша компания была как минимум вдвое больше, чем присутствует на этом снимке. Там кроме людей с фотографии были еще Татьяна Смирнова с Леоном Рыльковым, Дмитрий Ядомыков, Гурий Андреев, Алексей Телеков, Анатолий Чукин, старики Кастаковы, Иван Карманов с Ульяной Акпыжаевой и еще несколько детей.

Как «научники» говядину добывали

История эта приключилась в первый же год моей работы в Алтайском заповеднике, в поселке Яйлю на берегу Телецкого озера. На зиму здесь все вынуждены делать запасы, поскольку завоз продуктов прекращался с декабря по май из-за отсутствия дороги туда вообще, и прекращения навигации в это время по озеру, в частности. С наступлением устойчивых отрицательных температур созрел

вопрос с запасом мяса на зиму. Купили мы на 5-6 семей молодых научных сотрудников одну корову. При этом один - заметно более взрослый и опытный по жизни сказал, что забить ее проблем не составит. Пулю в лоб, и разделывай. И делиться с посторонним забойщиком не придется.

Почти так и вышло... Привязали «болезную» к забору веревкой. Наш смельчак подошел к ней с винтовкой. Отважно наметился ей в лоб. Выстрелил. Корова даже не замычала. Рванула веревку. Веревка оказалась слабоватой и лопнула. И свободная от наших забот корова сначала пошла, а потом шустро побежала прочь из деревни. Вся наша озабоченная компания, на ходу разрабатывая разнообразные планы, вприпрыжку кинулась за ней, пытаясь остановить или развернуть ее. У коровы были иные планы. Пару часов она бегала (и мы за ней) в ближайших окрестностях или прямо по деревне. Потом она выбежала (и мы за ней) на берег озера. На этом она не остановилась, зашла в воду и поплыла прочь от «злых фашистов». Лодка оказалась поблизости. Мы не дали ей уплыть далеко и бездарно утонуть. Выгнали на берег и опять погнали в деревню.

В общем, пожалел нас помощник лесничего, Николай Александрович Двоеглазов - «Эки-Кёз» (с алт. *два глаза*), всю жизнь проживший в этих местах и слывший самым метким охотником. В этот раз, и потом еще неоднократно, он с честью подтверждал это звание. Когда корова бежала по склону метрах в ста от его дома, он в одних носочках вышел на крыльцо с мощным охотничьим карабином «Лось», прицелился и метко выстрелил. Корова рухнула, мы подтащили ее чуть пониже к заборчику и вполне умело разделали.

Надо только заметить, что от такой страшной раны порядка 15-20 кг мяса было нашпиговано разрушенными косточками и, по сути, было сгустком крови наполовину с мясом. Мы все это честно разделили между собой. Грудинку отнесли заслужившему ее стрелку. Вкус у этой так тяжело умершей коровы не отличался той нежностью, которая характерна для местной и умело забитой говядины. Окровавленная шкура пару дней, подсыхая, висела на заборе. Быки, проходившие мимо, прямо-таки зверели от ее запаха и вида. Местные жители, которые наблюдали за этой «корридой», много лет вспоминали нам эту корову и наш смешной и беспомощный вид. Поделом конечно.

БАРАНИНА С ЯБЛОКАМИ

Был на кордоне Челюш у Максима Ивановича Анферова баран вольного выпаса. Вот вырос он до зрелого возраста, и житья не стало от него не только многочисленным гостям этого гостеприимного кордона, но и самим хозяевам. Гонял он жестоко всех своими страшными рогами. В октябре по морозам приговорили этого Борьку к самому строгому наказанию. Мне, поскольку я вовремя проезжал мимо на лодке, тоже обломился изрядный кусок баранины.

Не откладывая в долгий ящик, решили мы с Лидой сделать настоящий плов. И сделали, и с удовольствием поели. А после этого понесла меня нечистая сила в свой садик-огородик, расположенный на крутом склоне сразу за домом. Там росли груши и яблоньки, посаженные нами в первый же год после приезда на Алтай. На ветках антоновки все еще висели оставшиеся до поздней осени крупные плоды. Я с наслаждением откусил, пережевал и проглотил несколько раз кисловатую и дико холодную мякоть. Но того, что случилось после этого, мне не захотелось бы пережить еще раз, или даже пожелать своему самому заклятому врагу. В животе стало сначала неудобно, а через несколько минут очень больно. Боль была такой острой и такой сильной, что терпеть ее было почти невозможно.

Прозрение пришло очень быстро. Стало очевидно, что боль связана с контактом в моих кишках теплого бараньего (очень тугоплавкого) жира и очень холодного яблока. Застывший твердый жир был причиной этой боли. Недаром азиаты, в огромных количествах поедающие баранину во всех видах, обязательно сопровождают трапезу поглощением огромного количества горячего зеленого чая. Надо было вскипятить воды, заварить чаю и растопить им злобный жир. Быстро сделать это не удалось, так как в Яйлю электричество давали лишь на несколько часов в день, а баллонный газ и плиту для кухни к этому времени я еще не организовал. Пришлось терпеть... Наука эта была жестокая. Но с этого момента холодной водой я никакую еду не запиваю.

КАК «НАУЧНИКИ» СОБАКУ СЪЕЛИ

Большие смешанные компании по праздникам были обычным делом в нашем молодежном поселке, где образовательный ценз был на два порядка выше, чем в среднем по области и даже выше, чем в Новосибирском Академгородке. Особой брезгливости в еде за сотрудниками научного отдела особенно не наблюдалось. Но однажды этот тезис был на опыте проверен местными «крутыми парнями».

Собралась на зеленой полянке в начале мая на берегу залива у устья реки Ок-Порок «на шашлычки» большая молодежная компания из сотрудников научного отдела и озерной станции. Шашлыки обеспечивал капитан теплохода озерной станции Геннадий Карпеевич Лашутин. Была и водочка для мужчин, было и красное вино для дам. Были и разнообразные домашние заготовки, и разносолы от умелых хозяек. Но выше всяких похвал был замечательно замаринованный и прекрасно приготовленный шашлык - мягкий, сочный, ароматный. Как-то подозрительно было только то, что от него категорически отказалась Генина жена - Галя (начальник яйлинский почты), которая раньше не была замечена в вегетарианстве. Все прочие наши дамы, и даже обладавшая тончайшим нюхом Лидия Викторовна, с удовольствием, ели, как и все мужчины, и похваливали шашлыки.

Когда запас маринованных шашлыков практически исчерпался, Гена Лашутин широковещательно объявил, что они приготовлены из известной некоторым

присутствующим на пикнике собачки исключительно домашнего содержания, что еще и убедительно подтвердил демонстрацией ее пушистого хвоста. Некоторые дамы брезгливо, но все же ненадолго, отвернулись от компании, видимо смутившись самим фактом поедания собачатины. А претензий по качеству шашлыков наш экспериментатор не получил ни от кого. Отсутствие специфического запаха «псины» объяснялось именно домашним питанием этого песика, который к тому же был кастрирован (если вообще не был самкой). Почему хозяйка добровольно отказалась от своего питомца, нам так и не удалось узнать даже впоследствии.

«СТРОГАНИНА» ПО-ТЕЛЕЦКИ

Довольно широко известно, что настоящие северяне и особенно коренные жители Крайнего Севера употребляют строганину - мороженое оленье мясо и мясо лососевых рыб, нарезанное острым ножом в тонкую стружку. Настоящей строганины на Алтае мне не приходилось есть, не было там такой традиции. Однако сырое мясо марала я все же пробовал. Однажды зимой на учете животных, когда в таежной избушке на ночлег собралось несколько наших сотрудников, вынул В.Г.Макашов из своего рюкзака пакет с мясным фаршем, в котором было совсем немного лука, соли и перца, намазал его себе на хлеб и предложил всем присоединяться. Своеобразный вкус был у этой закуски из дичи. Никто не отказался попробовать это блюдо, и всем оно понравилось. А строганину из лососевых мы пробовали уже на Урале в начале девяностых годов, когда в наших магазинах появились замороженные тушки горбуши, кеты и кумжи с Дальнего Востока.

РЫБНЫЕ ДЕЛИКАТЕСЫ

Пробовать их на Алтае нам пришлось далеко нечасто, поскольку рыбалкой я по сути дела не занимался. Хотя в Телецком озере и его притоках водились такие ценные породы рыб, как сиг, хариус, усуч (ленок), таймень. Копченый местными умельцами хариус, и особенно таймень были царским угощением. Самым доступным из них для любительского лова был хариус. И в экспедициях его готовили очень простым доморощенным способом: густо посолив, прямо с чешуей, и не потроша. Насаживали на заостренную ветку и ставили под углом около костра. Соль запекалась, и частично попадала в толщу мяса. Нежное мясо довольно быстро парилось, при этом сверху слегка даже подгорало или приобретало запеченный вид, и начинало отставать от костей. Значит оно было уже готово к употреблению. Вкуснота необыкновенная...

Другим деликатесом из хариуса было корейское блюдо под названием «хе». Его рецепт привез в заповедник заядлый и удачливый рыбак Володя Баскаков. Мясо хариуса нарезалось на довольно крупные кусочки, помещалось в большую

кастрюлю, куда добавлялся нарезанный кольцами или полукольцами лук, а потом ложка-две уксусной эссенции. После этого кастрюлю закрывали крышкой и энергично трясали минут десять-пятнадцать. Уксус разбавлялся рыбным соком, мясо денатурировалось и при этом буквально белело. Значит уже было готово к употреблению. Вкус специфический. Под водку подходит идеально.

Славу хариусового места Телецкое озеро и его притоки занимали по-видимому не напрасно. Сюда летом съезжались любители-рыболовы со всех мест. Одним из таких рыболовов, который приезжал ежегодно и надолго, был весьма пожилой пенсионер - дед Тамбов. То, что он приезжал из Тамбова, очевидно было всем.

А в таком труднодоступном месте как озеро Джулукуль до восстановления Алтайского заповедника по целому лету работала рыболовная бригада Бийского рыбного цеха. Там хариуса и османа (горный вид карповых рыб) действительно было очень много. Заготовки измерялись тоннами.

ФИРМЕННЫЙ ЛИТОВСКИЙ СУП

Видимо по протекции А.И.Кузовиниса однажды в поселке Яйлю поселился довольно пожилой высокий интеллигентного вида литовец. По профессии он был художником, и много времени проводил за поиском и художественным преобразованием интересных корней или других деревьяшек. Он был очень серьезно болен, и по-видимому считал, что Телецкий климат ему поможет. Круг общения у него был крайне узкий, но мы с Лидой к нему относились.

Он заходил в гости, иногда обедал с нами, и однажды подарил нам одну из своих работ, которую вырезал из сколотой части березового пенька, которую рассмотрел в поленнице наших дров. Как талисман и память о нашем недолгом общении этот березовый барельефчик, выполненный им от всей души, многие годы висит у нас дома. На нем в бесспорно прибалтийском стиле изображены парень и девушка в национальной литовской одежде. Когда этот мастер попросил ему отдать один из моих объективов – телевик, сделанный мною собственноручно из штатного объектива студийной фотокамеры, металлического тубуса и удлинительных колец, то я не стал жадничать. Ему объектив был очень нужен для студийной художественной фотосъемки.

Отдавая должное Лидиному кулинарному мастерству он однажды со вкусом изложил нам рецепт его любимого народного первого блюда (что-то вроде борща), основным ингредиентом которого было старое, уже пожелтевшее, соленое свиное сало. Лиде идея с салом заранее не понравилась. Но однажды он торжественно вручил нам немаленький кусок такого сала, что прислали ему литовские родственники. И мы даже попытались воспроизвести хваленое литовское блюдо. Даже поставили его томиться в утятнице в топку жарко протопленной дровяной плиты. Мало сказать, что нам результат не понравился. Не то что есть, даже некоторое время находиться в квартире было испытанием для тонкого Лидино

обоняния. Да и я, весьма нетребовательный к еде, есть это блюдо в итоге отказался.

Что ели в БИ СО АН?

Гораздо более экзотическим был выбор мясных блюд в Биологическом институте (Новосибирск), куда я довольно регулярно ездил в командировки. Там, в лаборатории Б.С.Юдина, меня с первого же приезда стали считать своим человеком. Я мог оставаться даже на ночь в его кабинете и соседней с ним общей комнате научных сотрудников с огромными коллекциями тушек, шкурок и черепов, а также с уникальнейшими собраниями научной литературы. Ночевать я правда мог также в шикарной квартире Владислава Никитича Воробьева (почти во дворе института). С ним и его женой Ниной Аркадьевной нас кроме работы связывали приятельские отношения.

Так вот что же там могли есть научные сотрудники? Поскольку для создания коллекций черепов зимой к ним привозили в заметных количествах головы, добытых охотниками из разных районов Сибири лосей, маралов, косуль, кабанов, северных оленей, то для дальнейшей очистки эти головы варили. Лаборанты тщательно снимали мясо с черепов и устраивали царские пиршества для своих коллег. И я там был... А еще мне там доводилось угощаться очень деликатесным мясом рыси. Была еще возможность отведать мамонятины, которая после вечной мерзлоты (кажется с Индигирки) попала в институт на обследования. Особо любопытные пробовали мясо мамонта, но сетовали на особо грубую и волокнистую его структуру. А я как-то обошелся без этого опыта...

Можно ли съесть ведро яблок

У деда в Елшанке был первый в деревне плодовый сад с яблонями и вишнями, даже виноград он пытался выращивать. Поэтому яблоки я любил и ел их всегда, начиная почти с завязи. А у нас на Алтае в Яйлю и Беле яблоки выращивали в промышленных масштабах. Хорошие яблоки в Чири выращивал на продажу Н.П.Смирнов. Заехали мы к нему как-то попутно с моим старшим коллегой с Телецкого стационара БИ СО АН Диадором Игоревичем Ивановым. И он купил маленькое ведро яблок какого-то летнего сорта. После того как мы сели в лодку и поехали уже в Яйлю, я съел подряд несколько яблок, у Диадора родился резонный вопрос - насколько я люблю яблоки.

Считая себя исключительным любителем яблок, я ляпнул, что пока едем до дома, я это ведро «оприходую». Это конечно был перебор, но поскольку я так сказал, то пришлось стараться. Яблоки были вполне хорошего вкуса. Но когда через час я употребил примерно до трети ведра, они мне стали казаться безумной кислятиной и даже почти несъедобными. Еще через полчаса азарт куда-то

улетучился, а потом включился и здравый смысл. Я позорно сдался и признал себя лишь умеренным любителем яблок. Кем и до сих пор себя честно признаю.

Должен сказать, что и мои внуки тоже очень любят яблоки. Удастся ли им полакомиться яблоками из прителецких садов, пока не известно. Но хотелось бы приехать туда всем вместе, и не обязательно во время сбора урожая. Цветущие сады на берегах выглядят тоже очень живописно.

ОБЩЕСТВЕННОЕ

В детстве и потом в институте я старался не выпячиваться. Никогда не поднимал в классе руку, хотя почти всегда был готов отвечать. Но нет-нет, да и выпирала меня вверх (а то и в сторону) моя активная натура. Так в седьмом классе в марте-апреле 1961 года попал я в пионерский лагерь «Артек» за совершенно неизвестно какие заслуги перед советской пионерией. Разве только что это был предыдущий зачетный год, когда я был исполнительным и ответственным председателем совета отряда. Случались такие истории и в Алтайском заповеднике. Сейчас с высоты прожитых лет я могу уже с уверенностью сказать, что такие мои взлеты (в основном временные) происходили в соответствии с мудрым народным умозаключением - «Работа дураков любит».

Поработал я довольно спокойно научным сотрудником один год. И вот на очередном отчетно-перевыборном профсоюзном собрании меня - вчерашнего студента - избрали председателем профкома. Так и пришлось мне два года вникать в разборки не ладивших между собой работников заповедника, мирить ссорившихся супругов, смягчать конфликты администрации с обиженными членами нашего коллектива, помогать в получении путевок в санатории, и, главное, собирать членские взносы и писать бессмысленнейшие отчеты о работе. Будучи очень загруженным основной работой, я твердо отстаивал свое право уйти с этой почетной общественной должности. Но на излете своего комсомольского возраста все же попал я на год еще и в секретари Яйлинской комсомольской организации. Эти обязанности были скорее формальными, и много сил не отнимали. Разве только противно было придуриваться. Со всех сторон пытались «дожать» меня на вступление в ряды КПСС; да этим ярмом я твердо решил не обзаводиться.

Вот уволился из заповедника мой начальник, зам. директора по научной работе Э.А.Ирисов. И его весьма нелегкие обязанности взвалили на меня, сделав ИО (исполняющим обязанности). Некоторые мои сослуживцы, я думаю, считали меня удачливым карьеристом, хотя я сразу же объявил, что мне эта должность не нужна. Свою основную работу, как научного сотрудника, я продолжал исполнять за одну и ту же зарплату. Основным же неприятным фактом в таком временном карьерном росте было то, что мне прежде всего надо было представить в Главохоту РСФСР не сданные моим предшественником вовремя Летописи природы за два года. В отсутствие компьютеров эта работа делалась поэтапно, начиная от

подготовки частных машинописных отчетов научными сотрудниками, сбора и оформления систематизированной информации от лесного и хозяйственного отделов. Потом следовал этап редактирования и корректуры, который завершался подготовкой чистой машинописной версии. И, наконец, финальной частью были переплетные работы, которые мы делали в Бийске. В общем потратил я только на это дело не менее полугода чистого времени и много-много нервов. А когда мне на смену наконец-то приехал настоящий замдиректора - А.В.Галанин, то он уже мог заботиться только о текущих и перспективных делах.

Где-то в 1977 или в 1978 году в заповеднике появилась серьезная проблема - в Чодринском лесничестве пропал карабин. Бывший тогда директором А.В.Галанин и его зам А.И.Олигер приказом направили меня в феврале на ревизию лесничества, в котором мне предстояло провести инвентаризацию имущества в их усадьбе и на территории заповедника, уточнить соответствие получаемых отчетов о работе реальной ситуации. Забросили туда вертолетом с продуктами дней на пять. Пробыл я там не менее полутора недель, ходил по всем избушкам и маршрутам по учету зверей, проверял заготовленное сено и дрова. Все наличное имущество описывалось в соответствии с информацией о материальном подотчете из бухгалтерии. Отчет о моей работе никакого особого криминала в отношении лесничего В.Сергеева и его помощника А.Васина не содержал. Карабин ко времени моего приезда уже был на месте, правда патронов не хватало (что я отразил в рапорте) с приложением вполне внятных письменных объяснений проверяемых. В общем... не того результата от меня ждали... И в итоге мои очень высоко научные начальники (оба кандидаты биологических наук) понизили меня в должности за мифическую необъективность при проведении ревизии. Судиться я не стал, хотя их приказ был заведомо необоснованным. Да и обиды особой на них не было.

В конце семидесятых годов в нашей жизни складывалась ситуация, в которой требовалось принимать какие-то важные решения. Дочка росла, и надо было переезжать в более цивилизованные условия. Важно чтобы там была нормальная школа для ее учебы. Да и выходило так, что продолжать выполнять рутинные (хотя и очень важные, и уже налаженные) полевые работы не имело смысла. Можно было писать диссертацию, научные статьи, и начинать более серьезную организационную деятельность. К этому времени институт цитологии и генетики СО АН СССР начинал создание своего стационара по генетике и гибридизации копытных животных в поселке Черга Шебалинского района Горно-Алтайской автономной области.

Директор этого института академик Дмитрий Константинович Беляев и руководитель программы Юрий Александрович Киселев начинали формирование штата. Я был уверен, что при проведении такой важной работы на территории Чергинского стационара нельзя обойтись без создания системы экологического мониторинга (аналога Летописи природы в заповеднике). Констатацией этого тезиса я не ограничился, а выступил на научной конференции, которая была посвящена формированию научной программы стационара. Потом подготовил и послал в газету Сибирского отделения Академии наук «За науку в Сибири»

развернутую статью со своими предложениями на полный газетный лист, которая была опубликована без сокращений. Видимо я переоценил (или академик Беляев недооценил) важность предлагаемой мною программы. И я постепенно отказался от идеи пробивать свое направление в чужом проекте.

Примерно в это время в Главохоте для меня созрело вполне лестное предложение - поехать заместителем директора в Саяно-Шушенский заповедник. Там мне немедленно предоставлялась трехкомнатная квартира, а также ставка с.н.с. для Лиды. Однако, опасаясь всепроникающего влияния КПСС на все стороны нашей будущей деятельности в таком культовом для партии месте (от чего мы были практически избавлены на Алтае), мы решили, что нам это не подойдет. Туда вместо меня поехал член КПСС орнитолог В.А.Стахеев. Он там проработал очень много лет до самой пенсии и сделал много полезных дел, используя в том числе привилегированное местоположение своей службы и контакты с партийными начальниками всех рангов.

Позже мне предлагали место зам. директора в молодом заповеднике «Малая Сосьва», куда мы также отказались ехать. Новое предложение от Главохоты я получил в форме поездки на ревизию в Висимский заповедник, с тем, чтобы иметь возможность заранее познакомиться с местом моей возможной работы. Там я попал сначала на празднование первого (10-летнего) юбилея заповедника с участием специалистов из Нижнего Тагила и Свердловска, которые вели свои исследования на его территории. Идея поработать на Урале нам понравилась.

Более всего нам понравилось, что на территории заповедника несколько лет ведутся многолетние комплексные биогеоэкологические исследования под руководством члена корреспондента АН, профессора Б.П.Колесникова. Правда на деле оказалось, что они практически свернуты. Но это уже была совсем другая история, в которую я влип на долгие 26 лет в качестве заместителя директора (и даже в известной степени «заменителя») «на все руки» и «по всем вопросам». Что еще раз подтвердило все тот же справедливый тезис - «работа дураков любит». И, что удивительно, в помощь себе и своему новому заповеднику мне всегда удавалось находить достаточно много таких вот «дураков», которые совершенно бескорыстно участвовали в наших самых разных проектах. И нескромно можно добавить, что за долгие годы очень непростой работы на Урале при моем активном участии удалось очень многое сделать для становления Висимского заповедника как серьезного научного и эколого-просветительского учреждения, к изучению природы которого подключились силы многих академических институтов и университетов не только Урала, но и ряда других крупных научных центров России.

Можно привести еще один такой же пример. Однажды наступило время, когда меня вызвали в краевой военкомат и объявили о том, что мне предстоит пройти военные сборы офицеров запаса вблизи Костромы. Обстоятельство нерадостное. Но более всего меня смутило то, что практически в приказном порядке меня сделали старшим группы из почти полутора десятков «запасников», выезжающих из Алтайского края. Окончательно мне пришлось смутиться, когда почти весь мой отряд с момента отхода поезда из Барнаула так «принял на грудь» по поводу

отъезда из дома, что выходить из вагона в Новосибирске без посторонней помощи могли уже не все ребята. Ехать дальше мы должны были до Ярославля, но увы, не все выпивохи смогли прийти к моменту отхода нашего поезда.

Пришлось оставаться всем. Стал искать комендатуру. Нашел. Объяснил, как мог, ситуацию. Думаю, что коменданту уже приходилось решать подобные проблемы. Посадили нас всех на совершенно другой поезд в том же направлении. И через двое суток мы уже были в Ярославле. Оттуда встретившим нас военным автобусом мы добрались в часть, где потом весело провели целый месяц. За время службы я не однажды в одиночку выезжал в очень живописную Кострому и Ипатьевский монастырь, поскольку согласился написать реферат по химии для одного из старших офицеров своей части.

А потом, к большому своему облегчению, добился того, чтобы каждый «алтайский партизан» ехал домой самостоятельно. Я же из Костромы поехал вначале в Москву, а потом уже на упомянутый выше юбилей Висимского заповедника.

ИСТОРИИ С КГБ

Гости из Посольства Великобритании

Однажды меня пригласили к директору для участия во встрече очень редких гостей из Англии. Официально это был Начальник Первого отдела Посольства Великобритании (фамилию не помню), который приехал, чтобы подготовить гораздо более организационно сложную поездку на озеро своего «патрона». Неофициально этот отдел являлся практически легальным разведывательным подразделением английской спецслужбы. Неудивительно поэтому, что этого матерого разведчика и его переводчика сопровождала целая группа наших специалистов из Комитета госбезопасности. Переводчик нашему высокому гостю вовсе был не нужен, поскольку он в совершенстве владел русским языком и был чрезвычайно общительным и даже милым человеком. Тем не менее общался он с нами в основном на английском. Так, наверное, надо было делать по протоколу. А вот вопросы у этого милого человека, которые он задавал на спонтанной пресс-конференции директору и мне, как принимающей стороне, были отнюдь не милыми. Два вопроса были им заданы в такой форме, что любой из наших ответов-экспромтов они могли интерпретировать в том смысле, который хотели бы извлечь из полученной информации.

Один вопрос в корявом переводе его «толмача» звучал примерно так - «В каких условиях в резервациях на вашей территории живет аборигенное население?». Ответить, что у нас нет резервации, было бы просто, если бы «резервацией», по моему мнению, они вообще не считали заповедную

(зарезервированную) территорию. А «резервацией» в смысле территории, где живут алтайцы, как к примеру современные американские индейцы, наш заповедник не являлся. Что у нас нет аборигенного населения я тоже сказать не мог, поскольку мы жили в Горно-Алтайской автономной области, где коренным населением являлись все местные алтайцы. При этом в штате охраны алтайцами было до половины работников. Условия жизни на самых удаленных кордонах были, по правде говоря, ненамного хуже, чем те, в которых жила администрация заповедника и научные сотрудники. Не знаю, что он написал в своих отчетах руководству.

Другой его вопрос тоже имел явный подтекст - «Пьете ли вы снеговую и ручьевую воду в горах?» До ближайших промышленных предприятий Кузбасса от заповедника было несколько сотен километров. Поэтому объемы вредных веществ, выпадающих в горах, были небольшими и концентрации их не должны были превышать предельно допустимых показателей. Однако имелся еще один (в то время засекреченный) источник загрязнения, такой как отстрелы ракет-носителей, запускавшихся с Байконура. Нам никто не докладывал о вреде таких видов ракетного топлива, как гептил и метилгидразин. Интуитивно мы подозревали, что в момент падения остатков на землю кроме тонн металла могут попадать и не сгоревшие остатки топлива. Однако большая часть наших работ проходила вблизи основной зоны падения «космического мусора». Вот и получалось, что, задавая эти вопросы, они беспокоились о нашем здоровье больше нас самих, и, разумеется, больше чем наши московские начальники. Никаких официальных исследований природы и обследований населения на предмет вреда от реализации космической программы тогда не проводилось. И ответ на его хитрый вопрос мог быть только один - «Пили, пьем, и пить будем».

Общались мы долго. Видно было, что наша экзотическая природа, проблемы ее охраны, просто наше мнение по тем или иным вопросам их искренне интересовало. Но вот в беседе зашел разговор про сибирский кедр, который в известной мере символизировал мощь всей Сибири и экзотическую специфику лесной растительности нашего заповедника. Мне захотелось сделать гостям приятный презент, и я сказал, что у меня дома есть кедровые шишки, и я быстренько сбегаю и принесу их. Наш очень любознательный гость, пользуясь моментом, сказал, что составит мне компанию и пройдет по поселку до моего дома. Заметим, что я его в гости не звал. Но и удержать его от этой экскурсии все наличные силы КГБ не смогли. Не за руки же его держать... Так и направилась кавалькадой вся компания к моему дому через весь поселок.

Дома эту компанию тоже не ждали. Лида что-то готовила у дровяной плиты. Из бани только что пришли раскрасневшиеся тесть и теща. Я их всех представил друг другу. Видно было, что гостя интересует буквально все - рукодельная мебель, стеллажи с книгами, великолепнейший вид из окна на озеро, все наши комнаты, даже кладовка, в которую я хотел отдельно от него нырнуть за кедровыми шишками. Да не тут-то было... Успел он и с тестем перекинуться парой фраз. Кого это общение более всего смущало (заботило?), так это группу сопровождающих из

наших органов. Позже тесть мне прямо сказал, что к себе домой я приводил самых настоящих шпионов.

Что органы не даром едят свой хлеб, и бдят неусыпно, я имел случай тут же убедиться самолично. Что я наивен, и не подозреваю общающихся со мной людей в дурных намерениях, и я раньше знал. Но наши бдительные специалисты лишний раз мне об этом напомнили. Дело в том, что по дороге обратно, наш гость сославшись на цейтнот, попросил меня опустить в почтовый ящик открытку, которую он обещал отправить своему другу - филокартисту, чтобы в его коллекции появилась открытка с экзотическим почтовым штампом. От зорких глаз сопровождающих это не укрылось, и я не успел опустить открытку. Ее у меня попросту отобрали. И как я понял позднее, это вполне могло в их глазах сойти за попытку вербовки.

Как я Московское КГБ проверял

Эта любопытная история с элементами шпионского романа произошла в середине семидесятых годов. Тогда в Воронежском заповеднике работала группа зоологов, которые разрабатывали методы прижизненного мечения крупных животных с использованием обездвиживающих препаратов. Они по специальным запросам высылали в другие заповедники специальные патроны, в которые помещались вещества нервнопаралитического действия, такие, например, как дитилин. Нашему директору О.А.Макарову, который тоже хотел внедрять новые методы в исследования по экологии лосей, маралов и крупных хищников пришла в голову мысль, что у нас это тоже возможно. Группы таких зоологов-охотоведов у нас не было. Вся работы на себя вроде бы брал В.А.Шилов (тогда м.н.с. специалист зоолог по крупным животным). Но к моменту написания заявки его поблизости не оказалось. Времени ждать, чтобы он ее написал и послал, тоже не было. Макаров попросил это сделать меня. Но уже тогда было ясно, что такие препараты, как дитилин, находятся на особом учете. Пользование ими и любые перемещения обставляются кучей всяких ограничений и условий. Я предупредил Макарова, что заявку я подпишу, но потом никаких обязательств по этим делам на себя брать не буду. Так и договорились.

Осложнения при получении специальных патронов появились в обязательном порядке. Во-первых, потому, что заявку делал я, а получать патроны должен был Шилов (или Макаров). И вот вскоре после появления этих проблем я ехал в командировку в Москву. Путь от Новосибирска предстояло преодолеть на самолете. И вот... получилось так, что я, непонятным для меня образом, из разговора двух штатских людей на заднем от меня кресле, понял, что эти люди представляют «спецсвязь» - или «фельдъегерскую службу». Я и решил, что технические вопросы перевозки таких веществ как дитилин им могут быть знакомы, и они помогут мне понять - как заповедник может получить эти злополучные

патроны с минимальными издержками. Эти вежливые люди очень вежливо ушли от ответа, не подтвердив даже своего статуса. Но что получилось потом?...

Вот прилетает самолет в Домодедово. Наш рейс не разгружают лишние 20-25 минут после посадки. Внятных объяснений от командира (или от бортпроводников) тоже не последовало. Наконец в самолет с задней и передней дверей вошло четыре (два по два) человека. Но, вот что меня сначала на секунду удивило, так это то, что остановились они ровно впереди и сзади меня. И тут меня осенило: «язык у меня чересчур длинный, и забота о заповеднике тоже чрезмерная; это по мою душу». И точно. Один из них попросил у меня паспорт, забрал его и покинул самолет. Остальные попросили меня с вещами, в том числе и из багажного отсека (что было весьма непросто), пройти с ними в аэропорт. Только после этого и началась высадка пассажиров и выгрузка их багажа.

Пришли мы в одно из довольно больших помещений, на котором не было никаких табличек. И там я остался с представительным и очень немолодым человеком. Его возраст и форма обращения к нему моих провожатых позволяла предположить, что это как минимум подполковник КГБ. Мы с ним едва ли не час беседовали на интересующие его темы, в том числе и про дитилин, и про моих родственников, про работу, про природу, дошли даже до разговоров про Туву и Монголию, где ему приходилось служить, а у меня среди родственников и знакомых были двое (сестра жены - Нина Лазарева) и старший коллега (профессор Валент Викторинич Кучерук), что провели там очень много времени по работе. За это время мои паспортные данные и родственные связи (до седьмого колена) досконально проверили. Пришлось даже по просьбе этого немолодого человека открыть рюкзак и самолично продемонстрировать его содержимое - книги по работе, кедровые орехи и облепиховый сироп для гостинцев. Извинились за задержку и сказали, что ко мне вопросов больше нет. Полагаю, что вопросы задавались, и соответствующие меры воздействия принимались в отношении вежливых людей, которые летели со мной в самолете. Эти очень ответственные люди незаметно от меня еще в полете передали со стюардессой записку командиру экипажа, командир сообщил по рации кому надо... Вот даже и встречу подготовить успели.

Пришлось мне просить эту службу доставить меня в Москву, поскольку наши общие дела закончились уже за полночь, и с транспортом могли быть проблемы. Не думаю, что совсем уж специально, но подбросили меня до моих московских коллег, с которыми я предварительно договаривался о ночлеге. Вывод по результатам моей «проверки» этой службы может быть только положительный. Бдят...

ЛЕГЕНДЫ, И НЕ ТОЛЬКО ПРО МАРИНА

Приезжая в заповедник спустя много лет после увольнения из него, я слышал там истории о своих немногочисленных «подвигах», которых на самом деле не было и не могло быть. Жизнь была нелегкая, разнообразная и сложная, но подвиги вовсе не требовались.

Тот самый Марин

Встретились мы в один из приездов на озеро в 2002 году с одной из моих преемниц по учетам мышевидных грызунов Ириной Денисовой, которая в свое время окончила МГУ. Ее приветствие - «Наконец-то я встретила с тем самым легендарным Мариным» - меня почти что с ног сбило. Не привык я к такому обращению. Да и поводов для таких приветствий вроде бы не давал.

Начал выяснять - что бы это могло значить. Ирина вспомнила студенческие годы и спецкурсы по зоологическому картографированию. Вот там, полагаю, что от моей коллеги Людмилы Георгиевны Емельяновой или от ее учителя - Натальи Владимировны Тупиковой с кафедры биогеографии географического факультета, она услышала, да еще и запомнила, что среди очень многих методов зоологического картографирования есть и мой метод классификации и картирования комплексов мелких млекопитающих (как выяснилось позже, вполне оригинальный). Именно поэтому его включили в учебную программу. Для меня этот метод был лишь способом отразить структуру населения этой группы животных на очень обобщенной карте Алтайского заповедника. И поскольку классические методы мне были недостаточно известны, я изобрел между делом свой метод.

КОЛЕМ ДРОВА

Помню, как впечатляли мои приемы заготовки дров без топора и пилы студентов, невольно присутствовавших на одном из моих «шоу» у второй (Колюштинской) избушки в верховьях реки Баяс. Сухая кедровая ветвь, даже 10-12 см толщиной, весьма хрупкая. И если не жалеть свои руки, держать деревяшку очень крепко, ударять ею со всей силой и очень резко по камню или по крепкому пню в точно рассчитанном месте, то такой «предмет» обязательно и довольно ровно переломится. Мои руки конечно тоже страдали от такого издевательства. Но это был быстрый и продуктивный способ заготовки дров, и я им продолжал пользоваться. А вот желающих повторить этот трюк, а их находилось достаточно, ждало серьезное разочарование. Толстые деревянные в основном не кололись, а руки отшибались очень крепко и надолго.

Да и просто продуктивно и с минимальными издержками сил колоть толстые чурбаки колуном местной конструкции или обычным топором надо было уметь. Наблюдая, как с этими задачами справлялись местные мужики, я заметил, что они не пытаются сильным ударом перерубить чурбак вдоль, а наклонив топор (колун) под углом к чурбаку, и очень крепко держась за топорище, ударяют не в середину этого чурбака, а в 5-10 см от его края. Таким образом обычно с первого же удара удается отщепить от чурбака довольно толстую пластину. Потом по кругу от чурбака так откалываются все новые и новые пластины. А сильно отощавший чурбак потом просто раскалывается пополам, а потом еще несколько раз колется по секторам от середины.

«КУСАЕМ» ГВОЗДИ

Чтобы колоть дрова надо, чтобы топор (или колун) из рук не выпадал. С 1970 по 1987 год, пока мы жили в сельских условиях, этой практикой я занимался постоянно. Соответственно и кисти рук были достаточно сильными. В частности, для того, чтобы пассатижами перекусывать толстые гвозди (150 или 200 мм длиной и порядка 3.5-4 мм толщиной). Этим приходилось заниматься прямо на лодке, когда на камнях или на топляках ломались шпонки, крепившие гребные винты на лодочных моторах. Как я помню, перекусывание не было полным, но оставалось буквально небольшое усилие, чтобы надкусанный гвоздь сломался окончательно.

Однажды в присутствии нашего нового орнитолога Николая Малешина (из МГУ) я делал таким образом шпонки, но при этом сломал не гвоздь, а сами пассатижи. Это его, гораздо более физически сильного чем я, удивило и поразило. Может быть он и рассказывал эту историю кому-то из своих знакомых. А потом спустя много-много лет эта история вернулась ко мне, но уже в слегка приукрашенном виде. А пассатижи скорее всего имели заводской брак, потому и сломались.

На Колюшту дважды за день

Еще одна история была связана с моей работой на Колюштинском профиле. От берега Телецкого озера (436 м. над у.м.) до второй избушки (она расположена у границы леса на высоте более 1800 м над у.м.) 12 километров пути. Пройти это расстояние быстрее чем за 4 часа довольно трудно. Нормальными людьми, а особенно с грузом, выделялся день, чтобы спуститься, либо подняться к избе для работ. Но вот по одной из дошедших до меня «легенд» я однажды смог дважды за день подняться до этой избушки и дважды спуститься к озеру (?). Это ни много ни мало, как 48 километров пути по очень тяжелой горной тропе. Должен честно признаться, что я этого не делал. Что же было на самом деле?

При учетах мелких млекопитающих в летний сезон я часто пользовался помощью студентов. На этот раз это были московские помощники. Вот увидели они с перевала, что далеко в горах горит лес. Прибежали в избушку, сообщили об этом мне. Я, путем расспросов и с использованием имевшейся у меня картосхемы, уточнил их информацию и быстрым шагом налегке пошел к озеру. Надо сказать, что спуски для многих, в том числе и для меня, представляют едва ли не большие неудобства, чем подъемы. Часа за два добрался до лодки, приплыл в Чири, сообщил все леснику Коле Смирнову. Он поехал в Беле к начальству с докладом, а они уже по радиации сообщили директору. А я опять встал на знакомую тропу и вернулся к студентам.

Но ночевать мне с ними после такой нагрузки не пришлось. Меня уже ждало их сообщение о втором пожаре в совсем другом месте заповедника. Пришлось опять «брать ноги в руки» и вновь спускаться к озеру. Спустился. И на этот раз поехал сразу в Беле, чтобы информация для руководства была более полной и своевременной. Итого получилось 36 километров пешком. Но и это очень немало. Поверьте...

ТЕПЛОХОДУ НАПЕРЕЗ

Эта история вполне типична для сотрудников нашего Алтайского и других заповедников. Охраной там в наши годы занимались работники лесного отдела. Сейчас это отдел охраны, состоящий из государственных инспекторов, что по существу ничего не изменило в организации их работы. Но и сотрудники научного отдела, находясь на особо охраняемой территории, всегда помогали работникам охраны. Один случай такого моего участия я попытаюсь припомнить.

При навигации на этом очень чистом (ультра-олиготрофном) озере теплоходам и катерам категорически запрещалось сливать в воду жидкости, содержащие нефтепродукты. Но общая и экологическая культура наших людей в то время, да и сейчас, находится на удручающе низком уровне. Очевидно, что наказывают за экологически преступления и правонарушения недостаточно строго. Вот поэтому нет-нет, да и случались случаи слива в воду подсланевых вод из машинных отделений теплоходов.

Вот показывают мне жители Яйлю на ушедший уже на пару километров от поселка теплоход «Яков Баляев» и распространяющуюся вслед за ним широкую полосу маслянистой пленки, радугой переливающейся на солнце. Охрана не была готова принимать срочные меры без лесничего. Теплоход уже плыл по «нейтральным водам», вне зоны ответственности работников охраны. Меня этот факт не смутил. Я прыгнул в свою лодку, что была рядом, и помчался вслед за теплоходом, чтобы прекратить это безобразие. Очень быстро догнал его и, делая маневры поперек курса теплохода, остановил его. Поднялся на борт, объяснил капитану недопустимость таких действий и пообещал, что за такие нарушения у

него будут крупные неприятности от его начальства и от Государственной инспекции по речному флоту. Капитан смиренно пообещал исправиться. Не уверен, конечно, что он при случае не делал то же самое еще и еще раз. Главное для таких людей, чтобы не увидели...

СЕТИ ВОКРУГ УПРАВЛЕНИЯ ЗАПОВЕДНИКА

Гораздо более серьезное и резонансное дело случилось в заповеднике, где главным (и настоящим) героем был новый сотрудник-орнитолог Коля Малешин. На этот раз вовлеченными в нарушение природоохранного законодательства были руководители заповедника. Я в это время был на полевых работах, и поэтому могу излагать эту историю, пересказывая то, что услышал от других людей. Случай браконьерства был вопиющий.

Приехал порыбачить на озеро главврач областной больницы. Он слышал, что очень рыбное место на озере - это Камгинский залив. Едва ли он слышал, что в этом заливе даже по сравнению с другой заповедной акваторией (где и так нельзя рыбачить по закону) установлен более строгий режим «зоны покоя». Но А.И.Олигер, исполнявший в то время обязанности директора, дал гостю абсолютно неофициальную и совершенно незаконную записку, из которой следовало, что рыбачить он там может.

Про это узнал Коля и принял совершенно нестандартное решение, не ловить браконьеров, а в корне пресечь выдачу такого рода неофициальных разрешений для нужных людей. С кем-то из таких же принципиальных работников охраны он поехал в залив, снял установленные гостями сети, привез их в поселок, ночью опутал этими сетями контору заповедника. А утром все увидели эту позорную картину, фотографировали свидетельства правонарушения. Все эти снимки и комментарии по этому поводу были посланы в местную газету. Этот поступок не стал поводом для преследований Коли и его друзей. А вот Олигеру кажется пришлось всерьез оправдываться перед Главохотой, после чего он получил вполне заслуженный строгий выговор, и вскоре после этого перевелся на работу в Чувашию в Присурский заповедник.

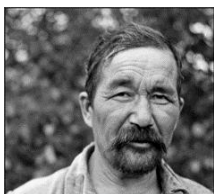
ВЕРТОЛЕТЫ НА ДЖУЛУКУЛЕ

В среде военнослужащих нет особого уважения к природе. Так, используя свое служебное положение, некоторые высокопоставленные командиры использовали вертолетный транспорт для полетов на рыбалку на высокогорное заповедное озеро Джулукуль. Поймать их и составить акты о нарушениях нашим работникам охраны ни разу не удавалось. Но однажды эти ребята были наказаны по заслугам.

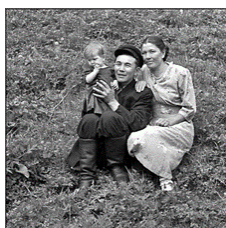
На вертолетной площадке в Яйлю некоторое время работал радистом некий Саша Чистов по прозвищу Клык. И вот однажды в эфире он услышал переговоры между командирами двух вертолетов, которые согласовывали, а потом и совершили совместный вылет на это озеро с командирами своих частей и их гостями. Саша передал записи этих разговоров главному лесничему заповедника, а тот в свою очередь, недолго думая, послал телеграммой эту информацию в Новосибирск командующему Сибирским военным округом. Неизвестно, получили ли понижение в должности проштрафившиеся командиры, но с тех пор прекратились всякие сообщения про полеты военных на заповедный Джулукуль.

АЛТАЙЦЫ

Ранее я уже называл ряд людей из коллектива заповедника, в том числе и из местных жителей – алтайцев. Думаю, что будет справедливо вспомнить, хотя бы по именам еще некоторых из них, с кем приходилось часто встречаться в Яйлю, или ходить в тайгу.

Одним из наиболее уважаемых людей в Яйлю был работник хозяйственного отдела, заведовавший самой смирной в табуне кобылой, на которой он возил воду в детский садик, в конюшню и в котельную, а также почту на вертолетную площадку. Им был ветеран и инвалид ВОВ - Альчи Кунделешевич Туймешев. У него было несколько дочерей и любимый сын – Алексей. По Яйлю гуляла вполне добрая история про Альчи, которую пустил один местный балагур после того, как гордый успехами сына, Альчи сообщил ему – «Вот Лешка – сын, на Сабански, на работа наступил». Так чудно им была выговорена фраза – «...к Собанскому на работу поступил». Его дочки, работающие сейчас в заповеднике, смогли закрепить в сознании проживающих в поселке людей, что все они живут на родовых землях рода Туймешевых. А на яйлинской террасе гордо продолжает стоять «Кедр деда Альчи», под которым отдыхая сживал при жизни их заслуженный отец.

Сразу несколько моих добрых помощников по зимним учетам охотничьих животных жили на кордоне Беле. Алексей Ильич Телеков в начале семидесятых годов жил там с семьей, позже перебрался на кордон Челюш, а спустя некоторое время, когда стало трудно справляться с хозяйством, стал жить в Яйлю. Всю жизнь проработал лесником Николай Иванович Андадиков, который пришел работать в Белинское лесничество из Балыкчинского совхоза. Он был, наверное, самым долго работавшим в Беле лесником. Экзотически смотрелся среди алтайцев откровенный по внешности северянин - настоящий якут Гурий Ильич Андреев. Вероятнее всего он приехал на Алтай

после службы в армии с одним из своих сослуживцев, призывавшихся на службу из Балыкчи. И прижился здесь надолго, завел жену, воспитал несколько детей. Алтай для него точно оказался роднее.

Совсем рядом на кордоне Атушта вблизи устья Чулышмана жил лесник Герасим Лукич Каланов и его жена Роза. Они производили впечатление очень интеллигентных людей. Хорошо помню, как мы познакомились. С тем же самым алтайским выговором как и у Телекова («Телекоп») Герасим представился, назвав свое имя – «Ну, здравствуй, я – Грязим». Ничего с этим не поделаешь, так выговариваются у алтайцев русские слова. Именно у него на кордоне отстрелял однажды четырех оголодавших медведей Н.А.Двоглазов. Именно там я, кажется, впервые попробовал алтайский чай с талканом (прожаренный и истолченный в муку ячмень). И он мне точно понравился.

Чуть дальше – в Балыкче жили мои проводники, с которыми я забрасывал на хребет Куркуре Лидину экспедицию 1977 года. Это были недавно пришедшие из армии - Боря Тантыев и Леша Уйгуров. На память от этого Леша у меня долгое время служила добрую службу вязаная из козьего пуха шапочка, которую он натянул на меня, забрав с моей головы в знак дружбы обычную летнюю кепку. С Борей у нас завязывались почти коммерческие отношения. Будучи однажды в Балыкче, я заглядывал к нему в гости. Дом у него был огромный, светлый, срубленный из отборных лиственничных бревен. Но летом он, как и все алтайцы, в этом доме не жил, а пользовался традиционным шестигранным аилом, на наш лад – летней кухней. Он узнал, что у меня вышел из строя казенный мотор, но одновременно появился совсем новый. И с чисто детской непосредственностью попросил меня дать ему для восстановления старый лодочный мотор. Отказать я ему не мог, поскольку в совместных поездках в тайгу он мне помогал с самыми искренними чувствами. Мотор я отдал, но ко времени очередной инвентаризации мне нужно было представить негодный мотор на списание, притом в полной комплектации. Наша советская действительность тогда предполагала возможность достойного выхода из таких ситуаций. Договорился с директором, что сдам на списание только самую крупную деталь (так называемый сапог) без собственно двигателя. Так и сделали. И наш Борис несколько лет ездил на отреставрированном моторе по Чулышману и по озеру. В том числе и по рабочим делам.

Пойдон Сопрокович Марлужоков был в начале семидесятых лесничим (начальником) Язулинского лесничества - самого удаленного от центральной усадьбы заповедника. Заповедного начальства там не было месяцами. Люди жили в привычном ритме домашних дел и хлопот, лишь изредка прерывающихся обязательными к исполнению планами заготовки сена, проведения учетов животных, редких выходов в рейды по охране территории, сопровождения научных сотрудников. Самое регулярное мероприятие, которое он лично должен был выполнять ежедневно – радиосвязь, с помощью которой к директору попадали

бодрые доклады о текущих делах, которые кажется лишь отчасти соответствовали действительности.

Везде, где нам приходилось бывать в алтайских аилах: в Беле, в Атуште, в Балыкче, в Коо, в Язуле, в Паспатру, в Балыктыюле, на летних стоянках пастухов – везде неизменным угощением был слегка соленый алтайский чай с талканом. Иногда заботливая хозяйка прямо при нас подолом своего очень условно чистого платья протирала пиалу, в которую наливался чай для гостей. Отказаться от угощения было бы настоящим оскорблением для всей семьи. В жаркий летний день нам часто предлагали выпить пенящийся острый кисломолочный напиток айран. Огромный чан с ним стоял в каждом аиле справа от входа, и туда сливались все остатки не выпитого и прокисшего молока.

Именно из крепко перебродившего айрана делается алтайская молочная самогонка (алт. *арака*). Когда мы попадали в аил во время приготовления араки, нас угощали этим немудреным (даже еще теплым) малоалкогольным напитком. Великолепным и очень калорийным блюдом была очень жирная и почти твердая сметана (алт. *каймак*). На мясное угощение также можно было попасть, но только случайно, либо в компании с проводником алтайцем, который заезжал в гости к своим близким или дальним родственникам.

В качестве гостинцев на дорожку нам иногда давали мешочек талкана - слегка прожаренных зерен ячменя, перетертых на терке из очень специального камня (алт. *паспак*). За неимением ячменя использовались пшеница, рожь, или даже ячневая крупа. Гостинцем зачастую было также сыровяленое или вообще крепко высушенное мясо марала. Сейчас его можно купить по цене 6.5 тыс. руб. за 1 кг. Любопытным блюдом оказался так называемый алтайский сырчик (алт. *курут*) – что-то вроде высохшего на крыше аила твердокаменного творога, лишь слегка включившегося в процесс превращения в сыр.

СТУДЕНТЫ

За все годы моей работы в Алтайском заповеднике в работах по учетам, а также в изучении разных сторон экологии охотничье-промысловых видов животных и мелких млекопитающих участвовало до полусотни студентов из примерно полутора десятков высших учебных заведений СССР. Многие из них делали курсовые и дипломные работы по собственноручно собранным материалам. Хочется вспомнить хотя бы некоторых из них.

Первые же учетные работы в заповеднике по следам на зимних маршрутах проводили студенты Правдинского (Московского) лесотехнического техникума Володя Терещенко и еще две его однокурсницы. До выпадения снега они также успели поработать в моей группе по разработке методов защиты семян кедра при

их посевах под пологом леса в верховьях реки Обога на территории Иогачского леспромхоза. В это же время собирали материал по экологии соболя студенты-охотоведы Кировского сельхозинститута (СХИ) Саша Новиков и Саша Кашин, а экологию лося изучал охотовед Толя Минаев из Иркутского СХИ. Позже к работам по зимним маршрутным учетам присоединилась Ира Филус из этого же ВУЗа, а также замечательная Ирина Ивлиева (Вурдова) из Московского пушно-мехового техникума. Много лет спустя мы с Вурдовой очень много лет сотрудничали в деле проведения зимних учетов птиц в Висимском заповеднике, которые она выполняла совместно с группой школьников из кружка юннатов г. Асбеста. А Ирина Адольфовна Филус через несколько лет после приезда из Иркутского сельхозинститута на охотоведческую практику в Яйлю стала полноправным научным сотрудником-териологом Алтайского заповедника.

С началом работ на площадке по мечению мелких млекопитающих в урочище Турочак в 1974 году к работе подключилась Катя Запрягаева из Томского университета (ТГУ). На следующий год ее заменили Таня (Тая) Духновская из ТГУ и Лариса Шейнгольд из Горьковского университета (ГГУ). Годом позже их сменили Люда Загуменных из Тюменского университета, Гриша Парчук из Киевского университета. В зимних работах здесь участвовал Саша Субботин (вроде бы из Харькова). На третий год этих работ мечением занимались также московские студенты из МГУ и МГПИ им. Ленина - Юлий Добрушин, Коля Соболев, Соня Баскакова и кто-то еще. В экспедиционных работах в удаленных районах заповедника со мной в разные годы работали Саша Чигвинцев из Саратовского

университета, Коля Пономарев из Горно-Алтайского пединститута, Коля Фризен и Витя Рудат из Омского пединститута, Женя Волкова из Чувашского университета, в Прителецкой тайге помощниками были также Олег Афонасьев (из Чувашского университета) и Ирина Гольдштейн (из Саратовского университета). В комплексных работах по кедровой тематике участвовал Володя Шириня из Ленинградского лесотехнического института, а также Юра Чащин и Вика Крупнодерова из Московского лесотехнического института. Учетами на временных линиях ловушек на озерных террасах занимались Валя Ворончихина и Лена Пухова - студентки Горьковского университета, а также Таня Махонина из Новосибирского университета, Таня Неменова из Алтайского университета и Наташа Макридина (Шичкова) из Кемеровского университета.

Некоторые истории с участием студентов и косолапых хозяев тайги я уже рассказывал. Вот еще одна из веселых и одновременно поучительных историй, которые случались с моими помощниками. На этот раз в историю «влип» Витя Галанин – младший брат руководителя научного отдела нашего заповедника. Ловили мы с ним в живоловушки преимущественно лесных полевок. Каждого пойманного зверька надо было обязательно измерить и взвесить. Для взвешивания использовались крошечные весы, а для временной нейтрализации очень шустрых зверьков мы помещали их в пластиковый патрончик из-под гипосульфита, что использовался в фотографии. Чтобы крышка не открылась, она запиралась дугой

из сталистой проволоки. За эту же проволоку патрончик подвешивался к соответствующему концу коромыслица от весов.

Как-то выяснилось, что если патрончик вращается, то выпущенный после взвешивания зверек некоторое время бегаёт кругами, поскольку от вращения на короткое время сбивается работа его вестибулярного аппарата. И вот мой юный помощник, забавляясь, стал крутить в этой центрифуге каждого пойманного зверька, как потенциального космонавта. История эта продолжалась совсем недолго. Одна из раскрученных таким образом полевок, ошалело бегая кругами, нашла убежище от горе-экспериментатора в его же собственной штанине. Думаю, что это было очень щекотно. Виктор запрыгал, судорожно хватая себя за штанину ниже колена, и стал неостановимо смеяться от щекотки. Зверек полез выше, и почти истерический смех парня уже не на шутку стал пугать меня. Я кинулся ему на помощь, пытаясь придавить полевку, которая скрывалась в штанах уже в районе ширилки. И вот, валяясь по земле, Виктор, наконец-то, стащил с себя штаны, и счастливая полевка убежала в корни ближайшего дерева. Мечением полевок мы, разумеется, занимались и далее. Но эксперименты по подготовке мышей и полевок к полетам в космос чудесным образом прекратились.

Упомянутый выше Гриша Парчук на какое-то время, как студент-зоолог из серьезного университета, без первичного инструктажа должен был провести пятидневный учет мелких млекопитающих животных на линии ловушек-плашек. Добытых зверьков следовало определить и провести их краткое зоологическое обследование. В него, как обычно, входили: предварительное определение вида, взвешивание, четыре обязательных промера (длина тела, хвоста, уха, ступни), определение пола и возраста, описание состояния генеративной системы взрослых зверьков. Обследованных зверьков следовало заформалинить в банке для последующего контроля всех этих данных с моей стороны. И вот приезжаю я с ревизией. Вручают мне банку с законсервированными зверьками. Вид пол, и отчасти возраст, я смог определить, а вот проконтролировать описание генеративной системы уже нет. Оказалось, что перед помещением зверьков с номерками в формалин их внутренности были выскоблены самым тщательным образом. Зачем это было сделано Григорий мне так и не смог внятно объяснить.

Стал я смотреть журнал, в котором меня интересовали сведения об участии в размножении всех добытых взрослых зверьков. И тут-то выяснилась одна «особенность» местной популяции полевок. Самцов в выборке было необъяснимо мало, и также необъяснимо много было взрослых размножающихся самок, причем столь же необъяснимо среди них было очень много самок с числом эмбрионов равным двум. По два эмбриона на самку мне приходилось видеть, но крайне редко (обычно их бывает от пяти до восьми). Что меня также удивило, так это то, что размеры эмбрионов как на заказ были в очень большом количестве случаев равными 20-22 мм. И вот это-то обстоятельство и открыло мне глаза на все «чудесные» результаты. Наш доблестный зоолог всех взрослых самцов (с семенниками порядка 20 мм) отнес к категории взрослых самок (приписав им по два эмбриона по 20 мм размером). Далее он все внутренности выкинул, не дав мне

возможности вернуться к реальной картине половой и возрастной структуры местной популяции полевок, а также сделать корректное описание их участия в размножении. Все его данные по зоологическому обследованию пришлось выкинуть. Не факт, что эта наука пошла на пользу этому разгильдяю, который, как я думаю, ни в коем случае не мог впоследствии стать зоологом. Но инструктировать студентов, даже очень подготовленных, я стал неукоснительно. И всю свою работу до самой пенсии я продолжал находить себе консультантов из числа опытных полевых зоологов в любой из поездок в научные центры нашей страны.

НАУЧНЫЕ СОТРУДНИКИ ТРЕТЬЕГО ЗАПОВЕДНИКА

Это именно те люди, с которыми мы всё, или только некоторое, время проработали рядом. Учитывая специфику работы в заповеднике, каждому специалисту единолично (очень редко с лаборантом или в составе группы специалистов) приходилось выполнять довольно широкий фронт описаний, наблюдений, учетов и иных обследований. Объединяло нас главным образом то, что камеральные работы мы выполняли сидя буквально за соседними столами. Иногда оказывали друг другу посильную помощь при выполнении трудоемких работ. И, что очень важно для расширения нашего научного кругозора, были в курсе специфики работ «специалистов-смежников».

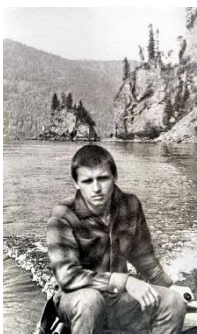
Я и Лидия Викторовна приехали из Саратовского университета в заповедник в сентябре 1970 года, когда в научном отделе уже год как работали: зам. директора по науке орнитолог Эдуард Андреевич Ирисов (Томский университет), орнитолог и будущая его жена Надежда Леонидовна Круглова (Ростовский-на-Дону университет), географ Ольга Андреевна Шематонова (Казанский университет), лаборант-орнитолог Валерий Андреевич Стахеев (Томский университет), а также рабочий-орнитолог Владимир Михайлович Тотунов (Томский университет). А через год к орнитологам присоединился лаборант Владимир Васильевич Баскаков (Кемеровский университет), приехавший на смену Тотунову. Нетрудно догадаться, что наиболее развернутыми были исследования по орнитологической тематике.

Для их же проведения иногда подключались и прочие сотрудники в качестве рядовых исполнителей. Зоолог Александр Борисович Бешкарев (Горьковский университет) приехал почти одновременно с нами. Он уволился уже на следующий год и уехал в Печоро-Ильчский заповедник. На смену ему в середине семидесятых в научном отделе стал работать зоологом Владимир Алексеевич Шилов, пришедший из лесного отдела. После его увольнения крупных млекопитающих изучала уже Ирина Филус.

Ольга Шематонова (позднее Шилова) занималась склоновыми процессами (лавины, сели, оползни, снегонакопление, погода и мезоклимат), такими важными в горных заповедниках. Позднее она продолжила свои исследования в Тебердинском заповеднике на Кавказе. Ее помощником был рабочий-географ Алексей Борисович Вишерский (Горно-Алтайский пединститут), вернувшийся на Алтай после недолгой работы по распределению из Якутии в 1972 году. После ее отъезда он стал научным сотрудником-географом.

Лаборантом «на подхвате» (то есть у всех научных сотрудников) стал охотовед Владимир Александрович Яковлев (Иркутский сельхозинститут). Со временем он начал самостоятельное изучение фауны амфибий и рептилий заповедника. Впоследствии он стал известным в Сибири специалистом в области герпетологии и батрахологии. После учебы в заочной аспирантуре в ЗИНе (Ленинград) он защитился и стал кандидатом биологических наук. Ныне он старейший научный сотрудник Алтайского заповедника.

Лида должна была закрыть собой весь неохватный объем работ по ботанике: инвентаризация флоры сосудистых растений, изучение редких видов растений из Красной книги, фитофенология, учеты урожая ягод и семян разных растений. И лишь на год беременность и роды спасли ее от многотрудной рутинной деятельности. А потом, наращивая темпы и объемы работ, она все глубже вникала в структуру флоры заповедника, попутно выполняя огромный фронт необходимых, но скучных работ по Летописи природы. Серьезным фактором, повлиявшим на ее рост как специалиста по высокогорной флоре, было то, что нашим научным отделом в 1976 году приехал руководить Александр Владимирович Галанин - молодой (наших лет) и очень продвинутый в вопросах сравнительной флористики кандидат биологических наук из Калининграда. Он и порекомендовал Лиде поступить в заочную аспирантуру к своему научному руководителю доктору биологических наук Борису Александровичу Юрцеву (Ботанический институт АН, Ленинград). Эта учеба дала ей очень много для научного роста.

Развертывая флористические исследования на территории заповедника А.В.Галанин дальновидно принял рабочим в помощь Лиде самодеятельного, но хорошо подготовленного и самоотверженного ботаника Николая Ивановича Золотухина (трудился ранее в заповеднике агрономом-садоводом). Он впоследствии заочно окончил ближайший к нам и богатый ботаническими традициями Томский университет. Сейчас он уже более двух десятков лет отработал в Центрально-Черноземном заповеднике. Но даже после отъезда с Алтая бесспорно остается авторитетнейшим специалистом по флоре Алтайского заповедника, и до сих пор не прекращает полевые исследования на его территории.

Жаль только, что на основе просто гигантских и уникальных многолетних данных, даже после оформления итогов работ в виде добротнейших научных отчетов, ему так и не удалось завершить написание и издать достойную «Флору сосудистых растений Алтайского заповедника». С середины восьмидесятых, изучая озера и историю рельефа заповедника, в научном отделе работает Иван Петрович Кислицын, пришедший из хозотдела, где также был агрономом, как и Коля Золотухин.

Еще до нашего отъезда в отделе работали: гидробиологом Саша Овчинников (Саратовский университет), териологом Ира Филус (Иркутский сельхозинститут), гидрохимиком Татьяна Олигер (Чувашский университет), орнитологом Коля Малешин, а геоботаником его жена Татьяна Филатова (оба из Московского университета), лаборантом-флористом Тома Теплякова (Ленинградский университет), лесоведом Сергей Плучевский (Томский пединститут). Позднее на смену Малешину из лесного отдела на должность орнитолога пришел Олег Борисович Митрофанов (Томский университет).

По сей день, проживая в пос. Яйлю и сохраняя традиции классического российского заповедного дела, в Алтайском заповеднике продуктивно и самоотверженно работают научные сотрудники - наши коллеги В.А.Яковлев, И.П.Кислицын и О.Б.Митрофанов. Приятно было встретиться с ними в свои редкие ностальгические поездки на Телецкое озеро в 1991 и в 2002 году.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настала пора завершить изложение моих отрывочных воспоминаний о времени, которое мы прожили на божественно-великолепном Алтае. Истории, случившиеся там с нами и с нашими друзьями, конечно же не кончились. Некоторые факты яйлинского периода нашей жизни еще возможно придут мне на память. Некоторые истории, не исключено, что придется слегка поправить, чтобы восстановить историческую справедливость по отношению к упомянутым в них людям. Еще раз повторю, что благодарен за совместно прожитые годы буквально всем людям, которые были вокруг нас все годы нашей работы в Алтайском заповеднике.

Надеюсь, что еще доведется встретиться с нашими алтайскими друзьями и коллегами, повспоминать прожитые там годы. А тем, с кем, к сожалению, уже никогда не удастся встретиться, Вечная Память. Вот именно для того, чтобы помнили про нас, про нашу жизнь на Алтае наши друзья, а также дети и внуки, и были написаны эти достаточно хаотические воспоминания. Мысленное погружение

в события, что происходили с нами или вокруг нас почти полвека назад, оказалось достаточно продуктивным.

Спасибо огромное за использованные мною фотографии, что сделаны в разные годы сотрудниками и гостями Алтайского заповедника и помещены на его официальном сайте, на сайте поселка Яйлю, а также на личном сайте Д.В. Житенева «Тайга – мой дом». Авторы фотографий - Ю.Марин, Д.Житенев, А.Вишерский, В.Селегей, А.Позняков, А.Чигвинцев, В.Яковлев, и другие.

© - Ю.Ф.Марин. Санкт-Петербург, 2017